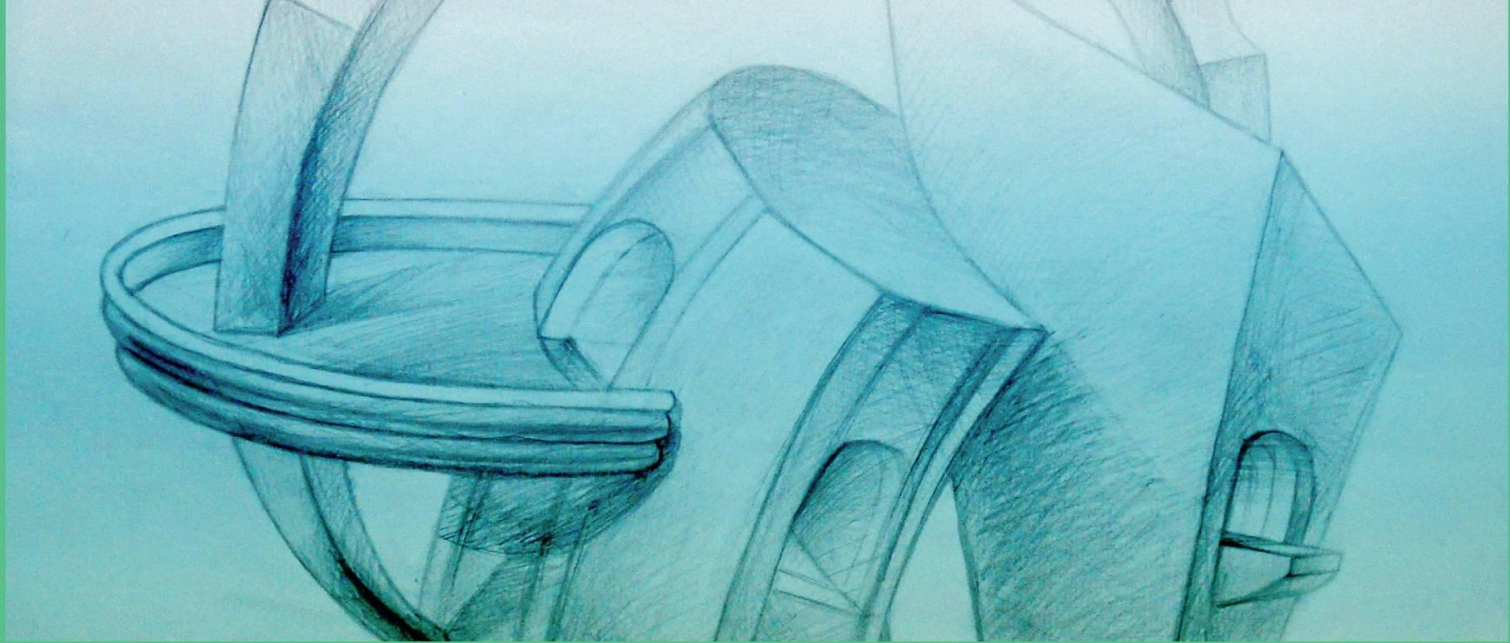

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№4/2020

16+

4

ГРИГОРИЙ
МЕДВЕДЕВ,
СТР. 13

ЮНОСТЬ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
АНП «Реданция журнала
"Юность"»

«ЮНОСТЬ» —
зарегистрированный
товарный знак.
Правообладатель —
АНП «Реданция журнала
"Юность"»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Сергей Александрович
Шаргунов

Выпуск издания
осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым
коммуникациям

Лиц. Минпечати №112.
ISSN 0132-2036

Наша почта:
unost-org@mail.ru

Наш сайт:
unost.org
юность.рф
Мы в социальных сетях:
facebook.com/unost
vk.com/zhurnaliunost
Instagram/@zhurnaliunost

Адрес редакции:
125047, Москва,
ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1

Для почтовых отправок:
125047, Москва,
а/я 182, «Юность»

Тел.: +7 (499) 251-31-22,
+7 (499) 250-40-74,
+7 (495) 250-40-95

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Ильдар Абузяров
Зоя Богуславская
Алексей Варламов
Анна Гедымин
Сергей Гловюн
Борис Евсеев
Тамара Жирмунская
Елена Исаева
Владимир Ностров
Нина Краснова
Татьяна Нузовлева
Евгений Лесин
Юрий Полянов
Георгий Прякин
Елена Сазанович
Александр Соколов
Борис Тарасов
Елена Тахо-Годи
Игорь Шайтанов

Реданция не имеет
возможности вести
переписку с авторами.
Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.
Авторы несут
ответственность
за достоверность
предоставленных
материалов.
Мнения автора
и редакции могут
не совпадать.
При перепечатке
материалов ссылка
на журнал «Юность»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей Шаргунов
Вячеслав Ноновалов
Яна Нухлиева
Евгений Сафронов
Татьяна Соловьева
Светлана Шипицина

РЕДАКТОР-КОРРЕКТОР

Юлия Сысоева
РАЗРАБОТКА МАШЕТА
Наталья Агапова
ВЕРСТКА

Наталья Горяченнова
АДМИНИСТРАТОР САЙТА
Антон Шипицин
ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР
Алла Матюхина

Подписные индексы:
каталог «Почта России» —
П1972,
объединенный каталог
«Пресса России» — 71120

Отпечатано
АО «Щербинская типография»
(ГН «РОСТЕХ»)

117623, г. Москва,
ул. Типографская, д. 10

Тел.:
+7 (495) 712-58-57
E-mail:
zakaz@tipografskaya10.ru

Тираж 3 500 экз.
Формат: 60x84/8
Знак №

«ЮНОСТЬ»
© С. Красауснас. 1962 г.

На 1-й странице обложки
рисунок Настасьи Поповой
«Фантазийный дом»

- 4 ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ
 ЛИТЕРАТУРА МОЛОДЫХ,
 ИЛИ КАК УГАДАТЬ
 ВРЕМЯ
- 6 ОТ РЕДАКЦИИ
 НОВАЯ МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗИЯ

- 10 ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА
- 13 ГРИГОРИЙ МЕДВЕДЕВ
- 15 ВАСИЛИЙ НАЦЕНТОВ
- 18 АННА РЕВЯКИНА

ПРОЗА

- 24 ИГОРЬ БЕЛОДЕД
 БЕГСТВО АТТИСА
- 27 АНАИТ ГРИГОРЯН
 ЛЕТО ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОГО
- 37 СЕРГЕЙ КУБРИН
 НАЧАЛЬНИК ТЫЛА
- 42 КОНСТАНТИН КУПРИЯНОВ
 МАЛЬЧИК И КОТ
- 48 НИКИТА НЕМЦЕВ
 НИКОГО НЕ ВИНИТЬ
- 52 СЕРГЕЙ НОСАЧЕВ
 МУЗЕЙ ШКУР
 ЧЕСТНАЯ ИГРА
- 65 МАРИЯ МОКЕЕВА
 «ТАТ-НЕФТЬ»
 ПОДЗЕМНЫЙ ПОКЕР

72 ЛЮДМИЛА ПРОХОРОВА,
АЛЕНА РАКИТИНА
1989

78 БУЛАТ ХАНОВ
СТОЮ НА СТРАЖЕ
СТИЛЬНЫХ РАРИТЕТОВ

НЕФОРМАТ

86 СЕРАФИМА ОРЛОВА
ПРОФЕССОР МУЗЫКИ
(НАСТОЯЩИЕ ВЕЩИ)

ЗОИЛ

110 АННА БАРДИНА
ПРЕОДОЛЕТЬ ТРАВМУ
АРХЕТИП ВОЙНЫ

117 ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ
СЛОВО, КОТОРОЕ НЕ ВРЕТ

ЛИТЕРАТУРА МОЛОДЫХ, ИЛИ КАК УГАДАТЬ ВРЕМЯ

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ
Заместитель руководителя
Федерального агентства по
печати и массовым коммуни-
кациям.

Четыре года назад Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Литературный институт имени Горького, Ассоциация литературно-художественных журналов и Российский книжный союз совместно с корейской группой компаний «Лотте» учредили премию «Лицей» для прозаиков и поэтов, делающих свои первые шаги в литературе. Результаты четырех лет работы премии оказались приятно неожиданными даже для искушенных литературоведов и критиков.

А работа действительно была проведена большая! Эксперты и члены жюри «Лицея» – известные писатели и критики, редакторы литературно-художественных журналов и издательств – рассмотрели более десяти тысяч работ молодых дарований и счастливо приветствуют новое и, несомненно, очень талантливое поколение в современной русской литературе.

Конечно, «литературное поколение» – понятие спорное; писательство – труд одиночек. Но насколько бы индивидуален ни был труд литераторов, творческому человеку, так же как и читателю, нужен собеседник, он стремится «угадать время», в котором живет и работает, дать *свой* отпечаток на страницах романа, повести, рассказа, стихотворения. Да и время, в которое формируется личность прозаика или поэта, не может не накладывать свой отпечаток. Так возникает диалог – главное в искусстве. Отрочество и юность – самые яркие, самые эмоционально насыщенные жизненные этапы, особенно для человека молодого, – а возраст соискателей премии не превышает 35 лет.

«Лицей» становится самым очевидным способом продвижения молодого автора и в профессиональное сообщество, и к самому широкому читателю. Лауреат «Лицея-2017» Евгения Некрасова вышла в финал «Большой книги», популярные издательства опубликовали работы Кристины Гептинг, Константина Куприянова, Сергея Кубрина, Дениса Безносова, Дарьи Потапенко, Игоря Савельева, Владимира Косогова, Григория Медведева, Евгения Горона, Андрея Фамицкого,

Булата Ханова и других финалистов и лауреатов премии. «Лицеисты» – желанные гости и на страницах толстых журналов.

К лету в Корею планируется выход сборника «Выдающиеся молодые писатели России», составленного из произведений лауреатов «Лицея».

Этот номер «Юности», журнала, который еще в середине 50-х годов прошлого столетия провозгласил своим девизом «Литературу молодых о молодых», составлен из совершенно новых текстов лауреатов и финалистов «Лицея». Эти произведения очень разные, порой противоречивые, но однозначно талантливые, яркие и очень живые. Как, впрочем, и тексты, появляющиеся в последнее время в «Юности». Дорога молодой литературе открыта, а нам остается только наблюдать, как она на наших глазах взрослеет и набирает силу.

ОТ РЕДАКЦИИ

НОВАЯ МОЛОДАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Премия «Лицей» имени Александра Пушкина заглядывает в завтрашнюю большую литературу.

Этот номер «Юности» выходит, когда уже стартовал четвертый сезон премии, и скоро мы узнаем имена победителей. «Юность», возникшая 65 лет назад как журнал, печатающий «литературу молодых о молодых», остается верна своим традициям. Апрельский номер 2020-го полностью посвящен «Лицею».

Читая свежие произведения его лауреатов и фаналистов, мы можем увидеть, чем они живут сегодня, как меняется их авторская манера, что попадает в их писательский фокус.

Название рассказа Игоря Белододе «Бегство Аттиса» отсылает нас к древнегреческому мифу о прекрасном юноше, сблизившемся с нимфой и жестоко поплатившемся за это. Имена первичны, утверждает автор в рассказе: «Все мысли произошли из слов, а следовательно, из имен». Значит, и название оказывается ключом к тексту, хотя на первый взгляд общего у героя с мифологическим Аттисом – только исступление, заставляющее его совершать странные, необъяснимые рационально поступки. Подобно тому как Аттис страдает от проклятия Зевса (по одной версии) или Кибелы (по другой), так и Антон воспринимает свою нынешнюю жизнь едва ли не как проклятие, и бегство становится единственным выходом.

Рассказ Анаит Григорян полон ярких, точных, противоречивых образов детства. Детства 98-го года, эпохи до мобильных телефонов, когда ребенок, уезжающий на лето в деревню, выключался из городской жизни совершенно, попадал в другой, новый – одновременно бесконечный и герметичный мир.

В стихах Евгении Джен Барановой понятны, легко дешифруемы ситуации, образы, слепки с реальности, ставшие импульсом для их написания. Вот больной ребенок заводит одну пластинку за другой, и квартира расширяется до размеров целого мира, где живы и Высоцкий, и Леннон, а значит, смерти нет. Вот разговор, начатый когда-то с «коллегой по цеху», писателем того же поколения Вячеславом Ставецким. Тема смерти и бессмертия в этой подборке ключевая, и «диалог» с овощебазой – об этом:

*Тихий бог приходит к овощам,
Учит нераспроданных прощать,
Учит пригибаться и терпеть,
Принимать закускую смерть.*

Смирение и гордыня борются в этих текстах, и пока непонятно, что одержит верх.

«Дом» – пронзительное стихотворение Григория Медведева о семейной памяти как части большой истории. Послереволюционная Россия, война, про которую, по сути, одна строка, но какая:

*Две крохотные комнаты и одна чуть побольше.
Как они все здесь умещались? –
Прадед, прабабка, четверо их детей
да еще родственники-приживалы.
После войны им стало свободней, втроем.*

И в этом «свободней», означаемом одновременно и Победу, и потерю большей части семьи, туго закрученная спираль смысла, отсекающая лишние, необязательные слова. Здесь же – не встреча с Буниным, жившим на соседней улице, – и в этой не встрече оказывается больше смысла, чем в любом случайном (что у писателя могло быть общего с прадедом лирического героя?) пересечении.

Проблеме памяти посвящена и поэтическая подборка Василия Нацентов о маленьком, но таком живом и реальном человеке перед Вселенной, Богом, историей. Поколение, помнящее о корнях, не обречено, не безнадежно. Особенно когда талантливо. Маленький человек, вышедший из гоголевской «Шинели», – герой и прозы Никиты Немцева. Акакий Акакиевич Башмачкин на новый лад, замечать которого начинают только после смерти. Бытовое, обыденное, противопоставляется Немцевым вселенскому – движению планет, пляске Демиурга, но в то же время становится его частью; эта диаметрально противоположность образует единство мира: *«Сёма проваливался в этот зрачок, пролетал заново всю Вселенную, был коридором из отражений, был всем Мирозданием, обнявшим Настю, был Сёмой, был ею, и видел, и понимал: Настя не видела Сёму – она смотрела, вскинул чайник или нет».*

Проницаемость границы между жизнью и смертью – в основе рассказов Сергея Носачева. Герой «Честной игры» живет в состоянии постепенной, но необратимой энтропии, апофеозом которой становится пересечение границы: герой засыпает и обнаруживает себя в морге с биркой на пальце. Что это – сон или реальность? Переход в другое измерение происходит у Носачева так легко и внезапно, что йенские романтики бы позавидовали. Второй рассказ, «Музей шкур», тоже с темой смерти и посмертного бытования связан самым непосредственным – и снова весьма неожиданным образом. Энтропия – и в основе рассказа Алены Ракичиной и Людмилы Прохоровой «1989». Текст о саморазрушении, которое затягивает в свою воронку окружающих, о точке невозврата, миновав которую человек оказывается обречен. И пьеса Серафимы Орловой, подобно манновским «Будденброкам», становится историей гибели одного семейства, дошедшей до стадии, когда даже «настоящие вещи» оказываются бессильны.

Рассказ Марии Моковой «Подземный покер», написанный нарочито сухо, динамично, отчасти

репортажно, раскрывает страшную правду о себе – неожиданную и оглушающую, – только в последнем абзаце.

Прозу Сергея Кубрина отличают опора на собственный профессиональный опыт, тонкий психологизм и умение рассказать «бытовую» историю. В этот номер вошел рассказ «Начальник тыла» из цикла о следователе Жаркове.

Очень неожиданно представлен в журнале лауреат второго сезона премии «Лицей» Константин Куприянов: после романа «Желание исчезнуть» о попытках найти себя и мирную жизнь после возвращения с войны в Донбассе и повести о тоталитарном расчеловечивании «Новая реальность» – сказка-притча в духе Новалиса о дружбе мальчика с котом, о дворцовых тайнах и суперспособностях, разрушающих реальность, расшатывающих ее границы.

Булат Ханов написал рассказ о первом постсоветском поколении, чье детство пришлось на 90-е. Теперь они выросли и чувствуют, что им пытаются внушить ложные воспоминания: они, выросшие в эпоху «поворота на Запад», теперь сталкиваются с модой на советизацию: «тебе внушают тоску по вещам, которых у тебя и не было никогда».

Завершает номер рецензия на книгу «Остров» Анны Ревякиной, в которой Владислав Русанов размышляет об авторской манере и авторской эволюции поэта, о влиянии городской топонимики на ее стихи.

Тексты, составившие этот номер, очень разные, противоречивые – и очень живые. Как и стихи и проза, поступающие на конкурс четвертого сезона премии «Лицей».

ПОЭЗИЯ

ГОВОРИТ СО МНОЙ ОВОЩЕБАЗА

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА

Родилась в 1987 году в Херсоне. Окончила СевНТУ по специальности «информационные управляющие системы и технологии». Большую часть жизни провела в Нрыму. Финалист «Илья-премии» (2006), 2-я премия поэтического конкурса «Серебряный стрелец» (2008), 3-я премия литературного конкурса «Согласование времен» (2010), лауреат поэтического конкурса «Пятая стихия» (2014), призер поэтической эстафеты «Вечерние стихи» (2015), лауреат премии журнала «Зинзивер» (2016), шорт-листер премии «Писатель XXI века» (2017), шорт-листер литературного конкурса «Бежин луг» (2018, 2019), шорт-листер литературной премии имени И.Ф. Анненского (2019), победитель поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира — 2017/18», победитель международного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира — 2018», лауреат премии имени В.П. Астафьева (2018), лауреат премии журнала «Дружба народов» (2018). Финалист премии «Лицей» (2019), обладатель спецприза журнала «Юность» (2019). Автор четырех книг стихов, в том числе «Рыбное место» (2017) и «Хвойная музыка» (2019). Участник арт-группы #белнаведах

* * *

Больной ребенок, выживший птенец,
но не жилец, ей-богу, не жилец,
идет к комоду, музыку заводит.
И музыка играет в коридор,
шумит камыш — виниловый забор —
горит при непрерывном кислороде.

Так пением до старости расти.
«Таганка» милая, с тобой ли по пути,
по солнечным путям бредет Высоцкий?
Пластинка говорит: «I love you so...»,
ребенок понимает, он спасен
от сырости и ржи автозаводской.

Ребенок понимает, Леннон жив,
и Ленин улыбается. Мотив
плывет, как рыбка в банке с позолотой.
«Так лучше быть богатым, чем» (...хрипок...)
Покачиваясь, спит у тонких ног
пластинка в пузырящихся «колготках».

* * *

Посидим обнявшись, что ли.
Поглядим в лицо дождю.
Мне сегодня снилось поле.
Фиолетовое поле
посреди бумажных дюн.
Как постыло, как простудно
в нашем садике камней.
Обними меня. Мне трудно.
«Отпусти меня ко мне».
Кольцевая прячет выход.
Даже голос недвижим.
По болоту бродит лихо,
кормит ветер облепихой.
Разговариваю с ним.

СЛАВЕ СТАВЕЦКОМУ

И ты б заискивал, и ты бы
не мог расправиться с собой,
когда б графитовая глыба
вдруг оказалась голубой,

когда б сквозь тело вечер хлынул,
неудержимый, как пчела,
и ты б отыскивал глубины,
учился странного желать.

И обнаружив нож опрятный
и ванну, полную воды,
и ты б давился вероятной
предотвратимостью беды.

Потом курил бы на балконе,
следил за падалками звезд.
Да, ты бы понял, ты бы понял,
что пережить мне удалось.

* * *

Говорит со мной овощебаза:
не сдавайтесь, миленькая, сразу.
Кабачки гниют – не унывают,
словно установка буровая.
Помидоры в собственном желе
продолжают грезить о земле.
Тихий бог приходит к овощам,
учит нераспроданных прощать,
учит пригибаться и терпеть,
принимать закусочную смерть.
Ну а вы заладили – бронхит.
Разве тело стоило хранить?
Разве бездна создана не есть?
Да и воздух кончился не весь.

* * *

С тоненькой шеей в высохшем свитерке
я становлюсь решеткой, а не рекой,
и наблюдаю, как, не храним никем,
ты догораешь радугой корневой.
Вижу, как птицы тело твое клюют.
Слышу, как звери в бронхах твоих хрипят.
Жизнь оставляет пепельный перламутр
на домовине раннего октября.
Что же мне делать? Щепкой лететь, щеглом
прятаться в клетке? Трещиной речевой
дождь вызывая, выдумать водоем
и заполнять бессильной своей водой?
Что же мне делать? Не прогоняй/гони.
Не догорай/пожалуйста, догори.
Мысленный лес, хранитель, дурак, двойник.
Гладкое яблоко с гусеницей внутри.

ГРИГОРИЙ МЕДВЕДЕВ

Родился в Петрозаводске в 1983 году, вырос в Тульской области. По образованию журналист. Лауреат премий «Лицей» и «Звездный билет». Живет в подмосковных Мытищах, работает новостным редактором.

ДОМ

Я просыпаюсь в доме моего прадеда.
Редкий русский может так о себе сказать.
Я просыпаюсь в доме моего прадеда на рассвете в конце января,
в маленьком городе у реки на границе леса с подстепьем,
на Красноармейской (бывшей Подъяческой),
ведущей к Красной площади (бывшей Нижней Торговой).
От нее раскинулись улицы, словно пальцы:
как если бы, сидя спиной к реке,
ладонь положить на землю.

Крепко держали городок в кулаке
купцы Нечаевы, Паршины, Грязевы.
Девять храмов построили.

Прадед не участвовал, сумел увернуться, ломали другие.
Болдин какой-то особо усердствовал, по воспоминаниям,
Пестерев и Сопронов.
Все храмы свели на нет.
Потому крестили меня не здесь.

Повезли в деревню за тридевять километров,
вниз по Советской (бывшей Соборной) и дальше.
Тайно, чтобы без неприятностей на работе.

Морозно, окна заиндевели, шумит АГВ.
Две крохотные комнаты и одна чуть побольше.
Как они все здесь умещались? –
Прадед, прабабка, четверо их детей
да еще родственники-приживалы.
После войны им стало свободней, втроем.

А позже мой дед, зятем въехав сюда,
дом расширил: кухню пристроил, веранду,
новые яблони посадил.
В доме тепло, за стеной заснеженные деревья.

На соседней улице, Карла Маркса (бывшей Дворянской), –
пять сотен шагов отсюда –
Бунины жили в каменном одноэтажном особняке.
Иван у них часто гащивал, у матери с братом.
Написал здесь «Чашу жизни», «Деревню» и прочее.
Я читал, понял почти все слова, я еще русский?

Люблю вообразить их встречу,
Бунина с моим прадедом Алексеем.
Писатель бы яблок купил у него
на Верхней Торговой (сейчас Комсомольской)
или случайно плечами столкнулись бы
где-нибудь на Московской (ныне Свердлова).
Мне приятно думать об этом.
Но нет, не могли.

Я просыпаюсь один в доме моего прадеда,
куда он заселился в середине двадцатых,
как ценный руководящий кадр,
вместо прежних жильцов –
попа с попадшей и их дочек,
чьи имена мы постарались забыть.

ФАМИЛЬНЫЙ ХЛАМ

* * *

ВАСИЛИЙ НАЦЕНТОВ

Родился в 1998 году в Наменной Степи Воронежской области. Поэт, эссеист. Лауреат Международной премии имени В. Ансенова, Премии правительства Воронежской области, финалист и обладатель специального приза премии «Лицей» от журнала «Юность» и др. Печатался в журналах «Юность», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Нольцо А», «Сибирские огни», в «Литературной газете» и др. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы.

Нет, ничего, и страдание снега недолго
продлится. Грузный выдох январский,
непролазный и грузный, почти опустился
на шапку, на плечи.
Все, что потеряно, стынет в руках ненадежных
и вот-вот потеряется снова.
Я выхожу каждый вечер лишь только за этим.
Память чужая чугуна, бескровна. Где проявитель?
Это бегут по полям виртуальные дети
к каким-то безумным открытиям.
Нет, ничего не исправить, не выдумать слова,
птицы бессмертные мокнут под временным снегом,
под снегом картонным.
Их подбирают и плачут.
Все повторится. И полные ветра карманы
потянут к земле или лопнут от свиста.
(Спокойствия и не хватает на свете,
а тревога напрасна.)
Нет, никогда не забудут –
потому что вовек не простят –
всенародно, построчно.
Родина только на вид равнодушна.

* * *

Жене

Ты проснешься тихая, смешная,
и лениво скажешь: «Вот ночное
солнце!..» и покажешь на бумагу.
Жизнь меняю страстно, добровольно:
лучики вяжу в пучок сердитый,
ставлю в вазу – в кляксу на углу.
Спи, земная, ни о чем не думай.
Страх волною по реке проходит,
чуть качает утку, как ресничку,
и рябит в прибрежных камышах.
Я стою, держу в руке подснежник,
потный кулачок вперед протянут,
носик вздернут смирным рядовым.
До утра, до наволочки мятой
стриженные волосы ершатся,
губы мерзнут, шепота стыдась.

* * *

темнота стоит по углам
чтобы прятать фамильный хлам [храм]
охранять свет
там зверье и птицы на все лады
для небесных трав и во льду воды
нет не то что смерти –
прощенья нет
мы сидим за тихим большим столом
на столе бокалы с сухим вином
на столе свеча запеченный лещ
вот закусим и тоже придется лечь
как на противень на кровать –
снега ждать
мой последний мой вещий мой вечный сон
на равнине русский старик вийон –
за спину голубые руки
он обвит по горло сухим плющом
невесом не-высказан не-прошен
между рам комариный трупик

* * *

о-кажется не скажешь и полслова
о ветке дерева
и дрогнет целый лес
простимся!
нам столько места дали для разлуки
с чугунной ласточкой на память в уголке

* * *

Нащупать спинку стула.
Облокотиться.
Дождь среди ночи будто бы невозможен –
потому что невидим,
потому что зимний.
И все же он есть,
слушай его, слушай.
Как ты перед Богом,
маленький и холеный,
так дождь, ломая коленки,
перед тихой землей январской:
Сказать – страшно,
промолчать – не имеешь права.

АННА РЕВЯКИНА

Родилась в Донецке в 1983 году. Член Союза писателей России, Союза писателей ДНР и Союза писателей Республики Крым. Стихи переведены на девять языков. Обладатель и финалист множества международных и национальных премий, в том числе Гран-при VIII Международного литературного фестиваля «Чеховская осень», специального приза «Слова на вес золота» еженедельника «Аргументы и фанты», Национальной российской премии «Лучшие книги и издательства года — 2018» в номинации «Поэзия», премии «Нига года» (в соавторстве) и других. Автор семи книг.

* * *

У меня есть брошь из Белграда.
Я броши рада.
И она мне рада.
Мама охает: «Пятьдесят ойро,
вот оно тебе надо?
Собираешь безделки со всей земли!
Купить бы лучше риса и гречки,
а не брошь, оставшуюся после мертвой девочки».
Мама, она живая,
в ней чернота воды Дуная
и бомбежка Белграда,
в ней человек с мишенью над головой:
«Стреляй в меня!»
Брошь — серебро и оникс.
Бомбежка Белграда — забытый комикс,
словно и не было ничего.
Но посмотришь в черную брошь, как зеркало,
и увидишь серба,
который ее когда-то купил для дочери,
но не успел подарить.
Война — это то, что никогда
не может быть кончено
для живых.

* * *

До чего же стыдно.
Все эти лица,
лица на фоне десятка яиц,
масла, сыра и банки с горошком.
Бабушка Нюра и ее облезлая кошка,
бабушка Нюра в халате цветастом и разных носочках,
похоронила двух сыновей и дочку,
живет на пенсию и подачки.
Растягивает на месяц пачку гречки.
Бабушку Нюру добрые волонтеры усаживают за стол,
раскладывают красиво продукты перед,
говорят бабушке Нюре:
«Смотрите-смотрите, сейчас вылетит птичка!»
И бабушка Нюра смотрит,
глаза ее – чистые слезы, совсем без цвета.
И бабушка Нюра смотрит.
Прекрасная бабушка Нюра, беззубая бабушка.
Ей стыдно позировать, но ведь так надо!
Сказали ей волонтеры, что нужно
смотреть прямо в камеру. Нужно!
Иначе добро не зачтется.
Кем не зачтется?
Кому не зачтется?
Пока был жив муж, бабушка Нюра ни у кого ничего не просила.
Муж говорил: «Ты у меня красивая!»
А теперь бабушка Нюра шепчет губами
бескровными прямо в камеру:
«Спасибо, Россия».
И за окном бабушки Нюры начинается лес.

* * *

Когда мне надо говорить о моем Донецке,
я надеваю свое самое красивое платье,
беру у мамы ее лучшие серьги
розового металла с черными жемчужинами.
Подарок второго мужа.
Они больно оттягивают мочки.
Когда мне надо говорить о моем Донецке,
то всего мало.
Колготки недостаточно тонки,
каблуки не так высоки, как хотелось бы.
Подбородок и шея дряблее, чем нужно,
а линия плеч слишком поката,
чтобы выйти и во всю глотку
сказать четко-лобово-линейно.
Сказать так, чтобы услышали
в городах на Днепре, Шпрее и Сене,
какой он – город на Кальмиусе!
Само слово «Донецк» отныне и навсегда –
бумага лакмусовая,
проверка, которую многие не проходят,
похлеще тех, что в зданиях аэропортов,
когда ты достаешь новый,
совсем еще не потертый
паспорт о двух головах орла.
Я – пришелец с планеты Ордла,
прямая наводка.
Когда мне надо говорить о моем Донецке,
я крашу губы и подвожу глаза,
густо кладу румяна, пудру, тени,
расчесываю волосы, начесываю их у корней.
Я всегда произношу слово «Донецк» круглым ртом, словно пропеваю,
так меня учили в хоре.
Все красивые слова надо произносить круглым ртом.
Когда мне надо говорить о моем Донецке,
я беспокоюсь, чтобы мой маникюр был достаточно свеж,
ведь разговор о Донецке не обходится
без того, чтобы не взмахнуть руками.
Без того, чтобы не жестикулировать бурно.
Единственное, что меня беспокоит,
когда мне надо говорить о моем Донецке, –
это то, что я недостаточно красива,
чтобы говорить о нем!
Нос кирпат, волосы жидки, спина сутула.
О Донецке должны говорить самые красивые девы
с жемчужными зубами и алыми губами.
Тонкие голубоглазые нимфы в невесомых платьях,
покачивающиеся, словно от степного ветра,
на высоких шпильках.
Когда мне надо говорить о моем Донецке,
я хочу быть безупречной,
такой же безупречной, как мой Донецк.

* * *

Папа снился.
Говорил: «Аня, куда ты без СНИЛСа,
куда без паспорта
на общественном транспорте
в легком пальто.
Моя девочка – без роду, без племени,
с регистрацией временной,
с войной за плечами, не имеющей ни конца, ни края.
Ты уже не моя, не та моя пианистка и книгочейка.
Ты другая. Для тебя не найдут ни бесплатных врачей,
ни прочих льгот.
Шестой год, шестой чертов год».
Папа, не снись, то есть снись, но не снись так плохо.
Сдался мне этот СНИЛС, полис и прочие доки.
Давай просто сидеть на облаке,
говорить о том, как у нас в Донцке
к концу июля всегда случались
удивительные закаты.
Ты курил в них свои верблюжьи в крапинку сигареты.
Я говорила: «Еще целый месяц лета! Огромного желтого лета!
А дальше – хоть война, хоть сума...»
Не сойти бы с ума, папа, не сойти бы только теперь с ума.

ПРОЗА

БЕГСТВО АТТИСА

ИГОРЬ БЕЛОДЕД

Родился в 1989 году
в закрытом городе Томск-7.
Окончил МГИМО. Выпускник
Литературного института
имени А.М. Горького (семинар
Олега Павлова). Дебютировал
в журнале «Новый мир».
В 2018–2019 годах дважды
входил в короткий список
премии «Лицей».

Суббота, середина августа, император умер, а он остался. Вообще все слова произошли из имен. Повод к размышлению. Рабочий день выпивал из него всю кровь, а вечером жена с пятилетним сыном довершала дело, так что мысли возникали в нем редко: миганием дальнего света встречному потоку перед участком дороги с притаившимся на обочине патрулем. Ему нравились эти негласные правила на дорогах: то задействуешь дальний свет, то одно-разово аварийку в знак благодарности тихходу, что при расширении дороги понуро уходил вправо. Вся его жизнь устремлялась к простым правилам, но в отношении людей что-то не задавалось: тесть его повесился по весне – и с тех пор в нем что-то надорвалось: не вера в людей, но вера в будущее.

Все мысли произошли из слов, а следовательно, из имен. За неделю до смерти Аркадий Петрович позвал зятя в гараж под предлогом установки новых брызговики, поставил перед ним бутылку, от которой Антон обыкновенно отказывался, и завел речь о несправедливости истории. А откуда произошли имена? Тучные слова исходили из его неровного рта, подносье покрыла испарина, очки блестели, как блюдца катаракты на глазах древнего кота. Он говорил о несправедливости истории, но на деле за ней скрывались несправедливость жены и неблагодарность дочери. Будь Антону свойственна наблюдательность, он бы разглядел в этой гараж-

ной пошлости попытку тестя проститься с мнимо близким ему человеком, но никто из них не понимал происходившего.

Вот и сегодня день не задался с самого начала: на крышке заливной горловины бака Антон обнаружил едва явственный скол, кто-то пытался слить бензин. Его затошнило, захотелось закурить, первой мыслью было пойти к жене и... это стало же его последней мыслью. Через несколько часов, беспрестанно думая о сколе, он вел машину по трассе. В чередѣ самоуверенных обгонов, когда он стал опережать на повороте нечто большегрузное, на встречной полосе появился внедорожник, если бы тот со скрежетом не затормозил, надав вправо, то всю семью на том берегу Стикса принял бы синезыкий тесть. Фура и внедорожник, ставший на обочине, принялись неистово сигналить ему вслед.

– О чем ты думал, ведь ты мог нас убить! – кричала Арина, вцепившись ему в плечо, пятилетний Милослав заголосил, – он звал его Славой, стыдась в глубине души своего неучастия в выборе имени сына. Имени, слова и мысли. Антон сбавил скорость до общепотоковой, пристроился за «Нивой», которую вел старик в белом кепи, и принялся доказывать жене, что больше никогда в жизни не пойдет на обгон на участке дороги с небольшим обзором, а сам, внутри проблесковой души, подмечал, что он так устал, так изма-

Тучные слова исходили из его неровного рта, подносье покрыла испарина, очки блестели, как блюда катаракты на глазах древнего кота. Он говорил о несправедливости истории, но на деле за ней скрывались несправедливость жены и неблагодарность дочери.

ялся... И становилось страшно, и перед глазами снова вставал сине-радостный тесть.

От леса веяло спокойствием, машина шла по песчаной дороге, прорубленной сквозь реликтовый бор. Стекла были опущены, левая рука Антона локтем покоилась на дверце, правая – судорожно переключала передачи: вторая-третья-вторая. Под конец ему надоело играть по правилам внезапно являющегося соснового корня или сука, и он перешел на вторую скорость, отключив ближний свет и заглушив бойкое радио. Арина запротестовала, ее муж попробовал было что-то объяснить, но осекся и только отстраненно посмотрел на своего сына, который заголосил, чтобы отец остановил автомобиль и выпустил его с мамой к ближней сосне...

Машину оставили на опушке вырубки. Древорубы постарались на славу: десятина соснового бора была вычищена подчистую, лишь по краям пятака жизнь была оставлена двум-трем молодым кедром, отовсюду из песка торчали вершковые, ржаво-рудные сосенки, однодневки терялись посреди высокой поляны. Антон прежде часто бывал здесь с отцом, поэтому теперь с тяжелым сердцем смотрел на канареечный песок поблизости и гарь, тянувшуюся к трассе. А прежде, бывало, в этих местах они находили столько моховиков, что его мать ночи напролет перебирала рюкзаки да ведра, наполненные иссиня-черной на надresaх плотью гриба. А что делалось, когда шел шишкопад, какими только словами она не крыла их с отцом! Ранние шишки приходилось

варить, зато сентябрьское шишкование непременно оканчивалось засмоленными до черноты ладонями и молочным вкусом спелого ореха во рту, он так любил их, что не брезговал подпорченной бурундуком шишкой, за что получал нагоняй от отца. Именно об этом вспоминал его отец, когда стал совсем плох.

– Папа-папа! Клещ! – кричал метнувшийся из леса Милослав, указывая на левое запястье.

Арина, отскочив от багажника, накинулась на мужа:

– В клещевник привез! Ты же погубишь ребенка! Что я тебе говорила! Ты эгоист-эгоист-эгоист!

После того как насекомое оказалось на поверку внушительным долгоносиком, Антон в дедовской – песку под стать – охровой штормовке взвалил на плечи полупустой рюкзак и запер машину. С каждым пройденным шагом в белом семилитровом ведре спокойно громыхал нож.

Гнус в лесу сплошь состоял из вялых с тигриным брюшком комаров, они свирепствовали только в низинах – в брусничниках и черничниках. Милослав потянулся к перезревшей костянике, но мать одернула его, вскричав: «Это вороний глаз!»

– Ты еще скажи, что это белена.

– Не лезь не в свое дело, ты ничего в этом не понимаешь!

Антон усмехнулся и хотел было затеять ссору, но Милослав показал ему вывернутую из земли лисичку. Он тотчас забыл об Арине, осмотрелся вокруг себя и увидел, что опушка пестрит бледно-желтыми жесткими боровыми лисичками. Рука его потянулась к хвостовику ножа, обмотанному синей изолентой.

Арина сорвала пижму и громко понюхала ее, но чем дальше они углублялись в бор – к распадку, где, уверял муж, коробами набирают белые, тем меньше ей попадалось цветов для полевого сбора. Зато каково было ступать по мягкой подстилке из кукушкиного льна: под стопой трещали сосновые сучья, иногда среди пожухшей хвои таилась твердая шишка или ягель был чересчур сух, но это только оттеняло мягкость борового ковра. Настроение сменилось, когда ей в лицо угодила паутина крестовика, она стала снимать с русых волос белесые клейкие нити и вдруг поняла, что готова убить своего мужа. Их любовь выродилась незадолго до рождения Милослава, она была несчастна, но не осознавала этого, пожалуй, и сына она полюбила лишь потому, что ей нечем было занять свое сердце... А имена произошли от бога.

– Папа-папа, а почему под этой сосной так много шишек? – спросил Милослав.

– Столовая какой-нибудь птицы лесной, а вон, кстати, – добавил Антон, указывая на пеструю

птицу, прокричавшую что-то кркшное, – видишь, там на сосне – кедровка?

- Но она же сидит не на кедре! – удивился мальчик и стал бросать на муравьиные тропы растребушенную ножку борового. Когда на требуху набиралось довольно количество красных муравьев, он давил их подошвами кед.

Антон вспомнил, как в его возрасте он ходил по июньскому городу, разыскивая сирени, вокруг которых слонялись боярышницы, и сек их прутьями, а иных, оборвав им белые в черных крапинах крылья, кидал на растерзание черным муравьям. Иногда забавы ради он наполнял стеклянную банку бабочками и тряс ею до одури, с любопытством наблюдая за тем, как они кончаются. После смерти нюхать банку было неприятно: сладковатый, тошный дух исходил из нее, вывести его было невозможно.

Арина закричала в двух сотнях саженей на север: она забыла захватить с собой сотовый. Антон пристально посмотрел на сына, протянул ему ключи с брелоком, показал, куда нужно нажать в случае, если они заплутают, а затем сказал:

- До распадка осталось совсем недалеко, я прошвырнусь и пойду в вашу сторону.

Милослав смотрел на него с недоверием; чтобы поскорее отправить его к матери, Антон пообещал:

- А там, глядишь, поедem на озеро, тебе ведь там нравится?

Милослав усердно закивал и побежал на зов матери, Антон помахал ей издали и громко повторил все, что сказал сыну. Наступила тишина. Вершины сосен покачивал ветошный ветер, иногда с глухим треском шишки срывались с высоты, занималось захватывающее молчание, и наконец – раздавался звук удара шишки о замшелую поваленную сосну. Антон прислонился к стволу, поднес к глазам руку и смотрел на то, как рыжий комар благоговейно набухает черной кровью, устроившись на его левой кисти. Прошло несколько мгновений. Будто бы набравшись духа, он прихлопнул насекомое: на кисти проступила алая кровь, комар упал на жесткий ягель.

Вот и все. Скорыми шагами Антон направился к распадку, по правую руку сосны редели, раскрывалась болотина, заросшая хмарным багульником, в отдалении послышался звук отпиремой машины. Слух улавливал и мерный гул трассы, до которой было с лихвой три версты. В белом ведре синели моховики, одинокий боровой перекачивался поверх них. В штормовке Антону было жарко, лодыжки ныли от свежих укусов. Наконец, он добрал до пади и, не глядя на росшие под ногами боровики, двинул-

ся в противоположную сторону от машины, ребенка, жены.

У него не было определенной мысли о бегстве, он был вообще свободен от любой рефлексии на свое положение, на свою смиренную огрызчивость с Ариной. Внутри собственного пустого существа он был уверен в том, что бежит не от жены или сына, которых при прочих равных любил вполне сносно, он бежал от нечто большего. Ему нечего предъявить богу, в которого он не верил. Не верил, но чувствовал настоящую потребность доказать пустоте нечто, предъявить свой особенный счет бытию.

Антон запыхался, достал из рюкзака термос, отвинтил чашку, ткнул грязным кровавым пальцем в податливый стержень и налил в нее душистого травяного чая. В изнеможении, словно бы исходя весь бор вдоль и поперек без привалов, он опустил-ся на мох и закрыл глаза. Прошло не более пяти минут. В бору отсутствовали птицы, только кедровка единожды гаркнула что-то пакостное, летя в сторону топи. Его клонило в сон, но тут он услышал, как кто-то сигналил в отдалении. Ему подумалось, что Арина потеряла его, что сотовый не при нем и что еще чуть-чуть и... Он с трудом поднялся, потянулся, хрустнув грудными позвонками, сбросил с гачей пожухшие хвоинки и уверенно, не думая ни о чем, уверовав в пустоту, перед которой ему должно держать ответ, побрел в сторону, противоположную той, куда звал его истеричный гудок...

ЛЕТО ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОГО

РАССКАЗ*

АНАИТ ГРИГОРЯН
Родилась в 1983 году в Ленинграде. Окончила биолого-почвенный факультет СПбГУ по направлению «Биология», филологический факультет СПбГУ по направлению «Литература и культура народов зарубежных стран». Нандидат биологических наук. Состоит

в Союзе писателей Санкт-Петербурга. В 2011 году издательством «Гелион Плюс» издан дебютный сборник коротких историй «Механическая кошма», в 2012 году издательством «Айлурос» (Нью-Йорк) — роман «Из глины и песка». В 2015 году в журнале «Урал» опубликован роман «Diis ignotis

[Неведомым богам]». Рукопись романа «Поселон на рене Оредеж» вошла в шорт-лист литературной премии «Лицей» имени Александра Пушкина, лонг-листы премий «Ясная Поляна» и «Большая книга» (2018, 2019), в 2019 году роман опубликован в издательстве «Эксмо».

Во всей Ленинградской области не найти другого такого места, где так близко и живописно сошлись бы лес, поле и река. Из всех здешних деревень эта — самая красивая, потому-то она и называется — Красницы. Моя покойная бабушка, впрочем, говорила, что деревня эта появилась так: в тысяча пятисотом году сюда свезли всех самых плохих людей, и они построили здесь свое поселение.

За окном в утренней прохладе проплыло похожее на дворец здание Павловского вокзала — желтое, с белыми колоннами, высоким острым шпилем и круглыми часами. Часы показывали восемь двадцать четыре — рано, занятия в школе начинались только в девять. Клонило в сон, но было страшно проехать свою станцию, к тому же еще на Витебском Карина сказала, чтобы в электричке не клевала носом, могут обокрасть. Даша вздохнула и откусила краешек вафельного стаканчика — он показался ей жестким и даже как будто немного подгоревшим. Полная тетечка в жилетке «МПС», накинутой поверх легкого ситцевого платья, сказала, что в Павловске мороженое самое вкусное, и Карина, отложив в сторону книжку в мягкой обложке, вытащила из рюкзака кошелек и внимательно отсчитала рубль пятьдесят. Тетечка ласково улыбнулась и протяну-

ла ей стаканчик, но Карина кивнула на сестру — «это вот этой девочке в шортах, пожалуйста». Даша откусила еще небольшой кусочек и посмотрела на упаковку: написано было «Ленинградский холодокомбинат № 1». Ну и никакое оно не особенное, а самое обыкновенное.

— Карина...

Сестра не ответила: то ли не услышала, то ли была слишком увлечена своей книжкой — она читала их тайно от родителей и не давала Даше, но Даша все равно, когда сестра не видела, таскала у нее эти книжки (Карина прятала их в ящик письменного стола, запиравшегося на ключик, который можно было с легкостью заменить обычной скрепкой). Ничего интересного в них не было, но Даша все равно читала из вредности — потому что сестра запрещала, и в голове у нее часто вместо уроков крутились странные имена вроде Антонио, Мигеля, Изабеллы или Аманды. «Вождь Орлиное Перо схватил Аманду за волосы, — читала сейчас сестра, — и прижал ее к стволу огромной секвойи. Она вскрикнула от боли, но воин только скривил в усмешке губы. — Покорись мне! — сказал Орлиное Перо на языке, которого Аманда не понимала, но сила его голоса заставила ее...» Дальше не придумывалось, и Даша устала на пробежавшие за окном электрички деревья — сосны, елки и низкорослые заросли ольхи вдоль железнодорожных путей. У Карины тоже имя

* Выходит в сборнике «Эксмо» «Все на дачу».

необычное, во всей школе она одна такая, понятно, почему она так любит читать эти книжки – там все как будто про нее написано. Изредка в лесу появлялись просветы, в которых мелькали то заросшие свежей, как будто очень мягкой на ощупь травой лужайки, то небольшие озерца с черной болотной водой. Наверняка там полно комаров и пиявок.

– Карина... а, Карин...

– Ну, что такое? – Старшая сестра отвернулась от окна и строго посмотрела на младшую.

Для своих пятнадцати она была слишком высокой – самой высокой в классе – и выглядела взрослой. Мальчики в нее часто влюблялись, дарили всякие подарки, дрались на переменах в школьном коридоре, если кому-то вдруг доставалось больше ее внимания, – хотя, по правде, Карина на их ухаживания не особенно-то и отвечала, ей было не до этого – она шла на медаль, готовилась поступать на исторический в университет, а в свободное время читала о каком-нибудь Антонио, Мигеле или храбром вожде Орлиное Перо – что ей были школьные ухажеры. За глаза ее называли «наша принцесса»: по мнению Даши, она и правда была похожа на сказочную принцессу с ее красивым строгим лицом и густыми выщипанными волосами – когда на них падал яркий свет, казалось, что на голове у нее полыхает настоящий пожар.

– Ну, что? – повторила Карина. – Мороженое, что ли, не вкусное?

– Да нет, хорошее.

– Тогда не мешай мне читать.

– Да я и не мешаю... я так... – буркнула Даша и снова уставилась в окно. Мороженое таяло у нее в пальцах.

– Карина...

– Что теперь? – Сестра положила раскрытую книгу на колени. – Писать, что ли? Потерпи, еще полчаса ехать.

– Нет, не хочу. – На самом деле, в туалет и вправду немного хотелось, но Даша обижалась, когда сестра вот так ее спрашивала – как маленькую. Между прочим, со следующего года она уже будет учиться в средней школе.

– А как мы там нужный дом найдем, а?

– Адрес же есть. – Карина нахмурилась. – Светлоголубой дом с белыми наличниками, перед домом большой тополь, за бетонным мостом первая дорожка направо.

– А-а... и мы прямо сами будем там жить? Все лето?

– Что ты пристала? Как дом найдем, как жить будем... как-нибудь справимся.

– Да я так просто... ну не злись, Карин...

Сестра раздраженно фыркнула, взяла с колен книжку и зашуршала страницами. В электричке становилось жарко, и Даша огляделась, ища, куда можно сунуть таявшее мороженое – доедать его не хотелось. В щель между стеной и деревянным сиденьем были напиханы туго свернутые бумажки – обрывки газет, фантики, обертки от мороженого, одиноко торчала палочка от эскимо. Даша бросила косой взгляд на сестру и, осторожно завернув свое мороженое в бумажную обертку, запихала его в щель: стаканчик смялся, густая липкая масса выступила из-под обертки, измазала стену и закапала на пол под сиденье. Испугавшись, что сестра увидит, Даша торопливо пропихнула его подальше, придвинулась ближе к окну и украдкой облила испачканные мороженым пальцы. Электричка остановилась: снаружи был деревянный, похожий не на дворец, а на обыкновенный деревенский дом вокзал поселка Семрино. В дверном проеме, прислонившись к косяку, стоял мужчина в форменной одежде рабочего станции и, дымя папиросой, равнодушно смотрел на прибывший поезд, от которого по дороге в поселок тянулась вереница дачников. Электричка дернулась и снова застучала колесами. «Сколько же еще ехать, – Даша прижалась лбом к стеклу, – и зачем на эту дачу... почему в городе нельзя было остаться... мультики бы посмотрели...» Она вздохнула и, отвернувшись от окна, попыталась забраться на сиденье с ногами – она любила так сидеть, подтянув колени под подбородок и обхватив их руками; когда они с Кариной были младше, то часто играли так – кто быстрее запрыгнет на кровать, свернется калачиком и крикнет «Я в домике!».

– Не ерзай, – одернула сестра. – Еще всего три станции, потерпи немного.

Дом они действительно нашли сразу, даже спрашивать ни у кого не пришлось: от станции до него было идти минут двадцать по пылившей от каждого шага грунтовой дороге, из которой здесь и там торчали крупные камни и куски кирпичей: Даша пару раз больно ушибла о них носок, но жаловаться сестре не стала – та бы завела в ответ вечное мамино про то, что на Дашу новых туфель не напасешься.

– Ну, вот и пришли! – Не опуская больших сумок с вещами и продуктами на первое время, Карина толкнула плечом калитку – незапертая калитка со скрипом открылась, и они оказались в небольшом дворе, где было намного прохладнее, чем по пути от станции.

Даша зашла во двор вслед за сестрой, поставила в траву свои сумки, прикрыла калитку и огля-

делась. Опрятный одноэтажный дом был выкрашен свежей светло-голубой краской и блестел чисто вымытыми окнами, в которых виднелись белые кружевные занавески. Возле крыльца над пышными кустами спиреи гудели большущие шмели. Старый тополь с потрескавшейся от времени корой шелестел над их головами листьями, и в воздухе пахло клейкими тополиными почками, травой и чем-то еще – так, по мнению Даши, должен был пахнуть горячий песок на пляже и река, которая была от дома в двух шагах: можно было выбежать на крыльцо, сбежать вниз по ступеням, потом через двор, по краю тянувшегося вдоль берега луга – и сразу же бултыхнуться в воду. Даша представила, как они сегодня же, разобрав вещи, пойдут на речку, и подумала, что, может быть, это все-таки лучше, чем смотреть дома мультфильмы – все равно они с Кариной вечно не могли договориться, какую поставить видеокассету.

- Лето! – выдохнула Даша, запрокинув голову. – А мама как, часто будет к нам приезжать?
- По выходным только, может, и не каждые... – Карина, поднявшись на крыльцо, встала на цыпочки и нашарила спрятанный за притолокой ключ. – У мамы работы много, думаешь, легко ей быть в институте главным инженером?
- Ничего я такого не думаю, – тут же обиделась Даша.
- Вот и хорошо. – Карина повернула ключ в замке. – Магазин тут рядом, только мост перейти, колодец у соседнего дома, за электричество до конца лета заплачено. Давай сумки свои занеси и иди уже писать, туалет за домом.
- На улице, что ли? – удивилась Даша.

Сестра не ответила, только встряхнула волосы и щелкнула выключателем, хотя в прихожей и так было светло благодаря лившемуся в окна солнечному свету. Даша постояла еще немного, потом повернулась и сбежала вниз по ступеням, нарочно громко топая и представляя, как скоро она бултыхнется в речку. Трава приятно щекотала голые ноги, хотелось раскинуть в стороны руки и что-нибудь громко прокричать, но она боялась, что сестра услышит и рассердится.

Раньше они никогда не проводили лето за городом: у родителей не было денег, чтобы снимать дачу, да и оставить Карину и Дашу было не на кого. В этом году мама стала главным инженером (как выражался папа, «маме дали главного инженера»), и родители, полупешепотом посоветовавшись несколько вечеров на кухне, решили отправить сестер в де-

ревню в области. Мама долго сопротивлялась, настаивая на том, что Карина еще ребенок – ну и что, что рано вытянулась, на самом-то деле школьница еще, девятиклассница, а вдруг что плохое случится, – но папа настаивал на том, что «девушкам» нужен свежий воздух, нечего им целых три месяца киснуть в городе перед телевизором, пусть проживут немного самостоятельной жизнью, что здесь такого сложного – летом в деревенском доме, Каринка у нас сознательная, поумнее своей матери в ее-то возрасте, глупостей не наделает, к тому же обе отлично плавают, так что в речке не утонут, а ты, мать, можешь к ним ездить по выходным и привозить из города черешню, если так беспокоишься. Мама, подумав еще пару дней, согласилась и нашла через знакомых опрятный и недорогой дом в деревне, в двух шагах от речки, на низком берегу с песчаным пляжем, полем и видневшимся вдалеке лесом.

Даша осторожно потянула за веревку, заменявшую деревянному сарайчику дверную ручку, и заглянула внутрь. Сарайчик, видимо, в отличие от дома, не успели покрасить и прибрать: внутри было сумрачно, темнели нестроганные доски стен, в углу под потолком большой паук-крестовик все заплел паутиной, в которой дрожали от слабого ветерка сухие шкурки мух, – еще несколько мух зудели внизу, в самой яме, откуда поднимался удушливый кислый запах.

– Фу-у! – громко сказала Даша и захлопнула дверь.

Она оглянулась на дом: Карина сейчас разбирает вещи или тренируется включать на кухне газовую плиту.

– Ка-ри-на! Ка-ри-и-ин! – крикнула Даша и прислушалась. Сестра не отвечала – то ли не слышала, то ли опять на что-то сердилась. – Ну и ладно! Ничего же, если я погуляю совсем немного? Ка-ри-на! – еще раз попробовала она. – Я скоро вер-ну-усь! Слышишь ты меня-а-а, Ка-ри-ина?!

Не дождавшись ответа, она привычным движением поправила сбившийся хвост, перехваченный широкой резинкой, и вприпрыжку побежала к калитке.

Возле бетонного моста берег полого спускался к реке, образуя пятачок песчаного пляжа. Прямо под мостом была сложена из крупных камней запруда: вода перекатывалась через нее и завивалась маленькими водоворотами. Даша подумала, что здорово было бы, наверное, перейти по этим камням на другую сторону, не снимая сандалий. У самой кромки берег был усыпан мелким речным мусором: потемневшими кусочками камыша, веточками, па-

лочками, осколками речных ракушек. По обе стороны от пляжа раскачивался высокий тростник, сухо шелестевший от малейшего дуновения ветра, а чуть подальше, за мостом, виднелись кусты, низко склонившиеся над водой. Даша решила, что до этих кустов не пойдет, все равно вокруг не было ни души, а из окон домов на том берегу ее было не увидеть, поэтому раздвинула руками стебли тростника, сделала пару шагов вглубь его зеленых зарослей, расстегнула молнию и присела. В горячем летнем воздухе тонко пищали комары.

– Э-эй, а я твою жопу вижу! – послышался откуда-то высокий девчоночий голос, срывающийся от усилия перекричать плеск реки.

Даша почувствовала, что ее лицо заливается краской, и вцепилась пальцами в пояс шортов.

– Жопу вижу! Жопу вижу! Чья-то жопа торчит из кустов! – нараспев надрывался голос.

Даша зажмурилась, про себя прося теплую струйку поскорее закончиться, чтобы она могла наконец встать и одеться. Колени ее дрожали от напряжения.

– Люди! Люди! Люди добрые! – продолжала орать противная девчонка. – Отвернитесь, я сейчас пи-и-исать буду!

Не дожидаясь, пока на землю упадут последние капли, Даша вскочила на ноги и развернулась, одновременно натягивая трусы и шорты.

– А теперь я твою письку вижу! – прокричала стоявшая на противоположном берегу белобрысая девчонка с узким худеньким личиком, на вид то ли Дашина ровесница, то ли чуть ее постарше. – Тебя как зовут-то, а?!

– Даша! – крикнула в ответ Даша, закусив губу, чтобы не расплакаться при девчонке от обиды. – А тебя?

– Так я тебе и сказала, дура я тебе, что ли?! – Девчонка присела, расправила подол слишком длинного ей платья и с каким-то злым любопытством посмотрела на Дашу. – А у тебя че, дома тубзика нету?

– Ну, есть вообще-то...

– А че ты в траву тогда ссать пошла? – допытывалась девчонка. – Раз тубзик есть...

Даша растерянно молчала. Девчонка сорвала росшую поблизости травинку и сунула ее в рот. Даже издали было видно, какое замызанное у нее платье и какие грязные руки, аж до локтей – как будто она долго копалась в земле.

– А если кто-нибудь твою жопу увидит? – Девчонка вынула изо рта травинку и сплюнула на землю, потом не торопясь поднялась на ноги и одернула

свое платье. – Если по-маленькому в траву, это еще не страшно, а если по-большому пойдешь, может клещ укусить: ты пока сидеть будешь, он тебе прямо туда и заползет...

– Какой еще клещ?

– Да ты вообще откуда такая?! – Девчонка сделала удивленные глаза. – Ты че, из дачников, что ли?

– Ну да, мы с сестрой сегодня утром только приехали.

– Городская, что ли? – догадалась та. – Из города, что ли, приехала? Прямо с Витебского вокзала? На электричке?

– Ну... да... – Даша оглянулась на их дом, едва видный за поднимавшимся от реки берегом в высокой траве. Карина, наверное, скоро ее хватится и начнет искать, но хотелось еще поговорить со странной девчонкой. – А ты здесь живешь, да?

– Вот еще! – девчонка задрала голову и провела грязной пятерней по растрепанным волосам. – Я вообще-то сама из Москвы!

– Да ладно! – не поверила Даша.

– Мы на Красной площади живем вообще-то, а здесь просто дачу снимаем!

– Да врешь ты все! – рассердилась Даша. – На Красной площади никто не живет, там и домов-то нет! Худенькое личико незнакомой девчонки мигом стало пунцовым.

– Сама ты все врешь! – прокричала она в ответ. – Жопу тут всем свою показала и врет еще, что из города приехала на электричке! – Она наклонилась, сгребла в руку, сколько смогла ухватить, влажного песка, размахнулась и швырнула в Дашу – коричневый ком пролетел несколько метров над рекой и плюхнулся в воду. – Жо-опа! Врешь ты все-о-о! – завопила девчонка изо всех сил и наклонилась за новой порцией песка.

Даше показалось, что на этот раз она обязательно попадет, а еще хуже – перебежит через бетонный мост, бросится на Дашу с кулаками, как делали на переменах в школе мальчишки, и извальяет в прибрежном песке и иле, и тогда Карина точно изругает ее за испачканную одежду. Даша поджала губы, отвернулась и пошла быстрым шагом к дому, едва сдерживаясь, чтобы не побежать – тогда бы эта деревенская девчонка подумала еще, что Даша ее испугалась.

– А-а-а! Идет Дашка в коротких шортах, жопой на всю деревню сверкает! – несло ей вслед с другого берега. – Из города они, а у самих тубзика нет, в траву ходят! Слышь, Дашка, тебя в жопу укусит клещ, я сама видела, как он в трусы к тебе

залез, когда ты в траве сидела! Э-эй, слышишь ты меня, че я тебе говорю?!

В реку плюхнулся очередной ком грязи.

Даша поняла, что плачет, почувствовав, как по ее щекам стекают крупные слезы. Она попыталась стереть их ладонью, но вместо этого, пару раз всхлипнув, расплакалась еще сильнее и калитку их дома открывала уже на ощупь: перед глазами плыл весь ясный солнечный день, как будто она смотрела на него со дна быстро бегущей, перекатывающейся через большие камни реки.

- Ну, и где ты была? – Карина встретила ее на крыльце, лицо у нее было недовольное. – И почему ты вся зареванная?
- Да я просто... – Даша еще раз всхлипнула, потерла щеки ладонями и вдруг сказала первое, что пришло ей в голову: – Я просто к реке ходила, и меня там клещ укусил.
- Клещ? Какой еще клещ? – Карина схватила сестру за руку и наклонилась, чтобы внимательно рассмотреть ее лицо и шею. – Если клещ, нужно срочно в город ехать, к врачу! Вдруг он энцефалитный!
- Ну, наверное, не клещ, просто паучок какой-то маленький.
- Паучок?
- Такой, на травинке сидел...
- Ничего не видно. – Старшая сестра сейчас была ужасно похожа на маму, когда та сердилась и беспокоилась одновременно. – Куда он тебя укусил?
- За жопу! – выпалила Даша, и тотчас ее ухо обожгла не слишком сильная, но болезненная оплеуха.
- Тебе сколько раз говорено, чтобы таких слов произносить не смела! Ты что, русского языка не понимаешь?!

Даша промолчала, опустив голову. Спорить со старшей сестрой было бессмысленно – можно было нарваться на еще одну оплеуху, а еще хуже – поссориться, и тогда Карина могла молчать несколько дней, а на все попытки младшей помириться только презрительно фыркать и отворачиваться, встряхивая рыжими волосами.

- Ладно, – смягчилась Карина, – надо в магазин сходить, купить чего-нибудь к ужину, а то у нас сосиски есть, а картошки нет и хлеба тоже.
- А мы разве хлеб из города не взяли?

Карина в ответ только передернула плечами: она уговорила родителей дать ей чуть больше денег, чтобы купить все в сельпо, и взяла с собой вместо хлеба несколько лишних книжек. Это Даша ничего

не читает, даже школьную программу все пытается найти в кратком изложении – что только из нее вырастет, непонятно. Карина нахмурилась и строго посмотрела на сестру.

В маленьком сельском магазине пахло свежим хлебом и как будто всеми продуктами сразу, даже теми, которые, по мнению Карины и Даши, собственных запахов не имели: какими-то крупами, консервами и бог знает чем, а еще табаком и сладкими розовыми духами.

- Может, пряников возьмете? – говоря, улыбаясь продавщица накручивала на палец с длинным красным ногтем тугой локон черных волос. – Есть мятные, весенние и заварные с начинкой. Мятные самые свежие.
- Нет, спасибо, пряников не нужно.
- И правда, пряники только бабкам годятся, в молоке их размачивать. Лучше зефира возьмите. Зефир хороший, фабрики «Ударница», есть ванильный и банановый, а шоколадный весь разобрали – я все говорю, чтобы больше шоколадного привозили, его парни девушкам дарить любят.
- Нет, зефира тоже не нужно. Мы его как-нибудь в другой раз возьмем.
- Может, все-таки возьмем, Карин? Бананового зефира, а?
- Нет, – твердо сказала Карина. – Ты сегодня уже мороженое ела, хватит сладкого, зубы испортить.
- А вы новые дачницы? – поинтересовалась продавщица. – Серьезные такие девочки, сразу видно, что городские.
- Да, сегодня утром приехали, на электричке. – сказала Даша.
- Карина глянула на нее недовольно: и так же ясно, что на электричке, на чем же еще.
- У нас тут много ребят вашего возраста, не закусываете. И девочек, и мальчишек.
- Спасибо большое! – Карина, отсчитав деньги, забрала с прилавка старую мамину сумку с длинными ручками, которую они нашли перед самым отъездом на антресолях.
- Наши местные, бывает, задирают городских, но это они не со зла, вы не обижайтесь на них, если пристанут. Они как пристанут, так и отстанут. С мальчишками только осторожнее, есть тут некоторые...
- Ничего, я знаю, как в случае чего ответить. – Карина перекинула сумку через плечо и махнула Даше, рассматривавшей содержимое коробки с чупа-чупсами. – Даш, пойдем уже.

Продавщица улыбнулась, но ничего не сказала.

- На актрису какую-то похожа, да? – сказала Даша, когда они вышли из магазина. – Красивая такая...
- Ну, не знаю. – Карина пожала плечами. Маме бы эта продавщица точно не понравилась. – Вульгарная.
- Да ладно тебе, ну что ты такая злая?
- Ничего я не...
- Эй, городские!

Прямо перед ними стояли две девочки: та, белобрысая, которую Даша встретила у реки, и вторая, постарше, лет двенадцати-тринадцати, очень на нее похожая, – наверное, ее старшая сестра. На старшей тоже было слишком большое ей платье, она встала посреди дороги, перегородив им путь и сунув руки в глубокие топорщившиеся карманы.

- Это вы, что ли, из города сегодня утром приехали? – спросила та, что была постарше.

Лицо ее было все в мелких веснушках, во рту она на манер сигареты держала длинную травинку. Младшая шмыгнула носом и весело и одновременно зло взглянула на Дашу. «Наябедничала», – догадалась Даша.

- Мы с незнакомыми не разговариваем, – твердо ответила Карина и сделала шаг навстречу девочке. – Дайте, пожалуйста, пройти.
- Меня Катя зовут, а это Ленка. – Девочка кивнула на младшую. – Будем знакомы.
- Приятно познакомиться. – Карина сделала еще шаг. – Мы пойдем уже, у нас дел много, некогда с вами разговаривать.

Катя выплюнула травинку на дорогу и отступила назад, снова встав у них на пути.

- Пойдете, когда я разрешу, понятно тебе, дылда рыжая? Твоя вот подруга, – она вынула руку из кармана и ткнула пальцем в Дашу, – мою сестру вчера обидела.

Карина, поджав губы, строго посмотрела на Дашу.

- Да ни в чем я не виновата. – Даше снова захотелось расплакаться. – Она первая начала!
- Да че ты врешь-то?!
- Так, все, пойдем отсюда. – Карина отвернулась от деревенских девочек, вздернула подбородок и, потянув Дашу за рукав футболки, решительно зашагала в сторону их дома.
- Куда это вы намылились, городские?! – крикнула им в спину Катя. – Мы не договорили еще!

Даша было замедлила шаг, но Карина на нее шикнула: «Не отвечай им ничего, сами отвязутся!» – и вдруг испуганно взвизгнула и схватилась за голову, едва не уронив с плеча сумку. В тот же момент Даша почувствовала, как что-то мягко ударило

ей в затылок, и тоже схватилась за голову, – в волосах запуталось что-то колючее. Через секунду прилетел еще один снаряд и прицепился повыше, почти к самой макушке, еще один упал им под ноги.

- А-а-а! – орала Ленка. – Получите! Так их, Кать!
- Прекратите немедленно! – Карина обернулась, и тут же очередной ком репьев ударился ей в щеку.
- Будешь знать, как мою сестру обижать, рыжая ко-рова! – Катя вытащила из кармана еще один здоровенный ком и точным движением запустила его в Карину. Ком повис на Карининых волосах.

Сестры бросились бежать, спотыкаясь о камни. Времени было уже около полудня, солнце жгло в полную силу, и дорога, по обе стороны которой тянулись заросли желтой акации, была пустынна: местные сидели по домам, а дачники отправились купаться на речку. Все вокруг как будто дышало летним отдыхом и сонным спокойствием, и странно было, что они бегут сломя головы с тяжелой сумкой, а вслед им один за другим летят колючие комья репьев.

- Мамочки! – выдохнула Даша. По ее лицу стекали соленые струйки пота, сердце колотилось как бешеное, дыхание сбивалось. – Карина... Карин... я больше не могу...
- Давай, немного осталось! – Карина попыталась схватить Дашу за руку, но из-за того, что сестра сильно отставала, у нее не получилось. – Вот ведь козы мелкие! Давай, Даш, вон же наш дом уже!

Деревенские отстали от них только у бетонного моста: то ли устали, то ли у них закончились снаряды. Остановившись, они покричали им вслед еще что-то обидное, но, когда Даша обернулась, их уже не было видно.

Дома, поев привезенных из города сосисок с пюре (картошку Карина недоварила, поэтому пришлось долго разминать ее гнувшейся от малейшего усилия вилкой, и все равно пюре получилось с комочками), они до самого вечера вычесывали друг у друга репы. С прямыми Дашиными волосами было проще, да и репьев деревенские накидали ей меньше, хотя Даша всякий раз вскрикивала, когда сестра случайно дергала отдельные волосинки, а в Карининых густых кудрях колючие бомбошки так запутались, что некоторые пришлось выстригать ножницами. Карина молчала, сжав губы, а когда они вытащили последний репей, взяла свою книжку, уселась возле окна и зажгла настольную лампу. К лампе тут же откуда-то из углов комнаты слетелись крошечные мошки и пара молочно-белых мотыльков.

- Карина... – осторожно позвала Даша. – А, Карина...
- Ну, что? – Сестра даже не подняла голову от книжки.

Наверное, вождь Орлиное Перо тащил сейчас Аманду на веревке сквозь лесную чащу или через горный перевал, она плакала и умоляла его идти помедленнее, но воин только кривил в усмешке губы. Аманда шла за ним, спотыкаясь о камни и корни деревьев, и чувствовала себя очень несчастной, не подозревая, что в сердце вождя индейцев уже зажглась искра нового для него чувства. Даша вздохнула.

- Может, на улицу пойдем, погуляем, а? Тепло же...
- Не хочу, – буркнула Карина.

Даша помолчала. Наверное, и вправду было бы лучше остаться в городе, она бы сейчас согласилась на любую из Карининых любимых видеокассет, хоть бы даже на «Унесенных ветром» с Вивьен Ли и Кларком Гейблом. Хорошенькое получилось у них начало летних каникул, а впереди еще целых три месяца: что если Карина так и будет читать с утра до вечера свои книжки и дуться – она, наверное, думает, что это Даша во всем виновата, а если ей рассказать, она ни за что не поверит, что это все эта Ленка начала ни с того ни с сего обзывать и швыряться песком, а потом взяла и наврала про Дашу своей старшей сестре. Между прочим, ее старшая сразу ей поверила – небось, все репы вдоль дороги оборвала со злости.

- Карина... Карин, слушай, я не виновата вообще, это та девочка ко мне первая пристала...
- Мне вообще все равно, кто там из вас первый начал. – Карина перелистнула страницу.

Даша закусил губу.

- Ну правда, Карина...
- Если тебе делать нечего, почисти зубы и ложись спать.

Даша подождала еще немного, но сестра больше ничего не говорила. На улице хлопнула соседская калитка, пару раз гавкнула и замолчала собака. Даша нехотя слезла со стула, пошла на кухню, почистила там, морщась от холодной воды, под умывальником зубы, вернулась в комнату и, переодевшись в пижаму, забралась в кровать – пружинный матрас скрипел от каждого движения, и она, боясь побеспокоить сестру, замерла, лежа на спине, натянула тонкое одеяло до подбородка и закрыла глаза. В полумраке комнаты было слышно, как Карина тихо перелистывает страницу за страницей, все дальше уходя вслед за индейцами в дикие американские леса, и пара мотыльков бьются мягкими крылышками о плафон настольной лампы. Где-то да-

леко промчалась, стуча колесами по рельсам, поздняя электричка, и Даша спокойно уснула после всех переживаний прошедшего дня.

Они не успели причесаться и позавтракать бутербладами с сыром и нарезанными вместо колбасы сосисками, как во входную дверь постучали.

- Кто там?! – Карина, дожидывая бутерброд, выглянула из кухни в прихожую.
- Да мы это! – ответил из-за двери знакомый девчоночий голос.
- Это же те, деревенские! – сжалась на своем стуле Даша. – Карин, не открывай им!
- Да откройте, городские, не бойтесь, мы репьями кидаться не будем! – сказала Катя, как будто услышав ее. – У нас к вам разговор есть!
- Не открывай, Карин! Они врут все! – Даша вышла в прихожую вслед за сестрой.

Но Карина уже сняла дверную цепочку и шелкнула ручкой замка. На крыльце действительно стояли вчерашние девчонки, только одеты они были не в платья, а в шорты из старых обрезанных джинсов и растянутые футболки. Растрепанные вчера волосы у обеих были заплетены в тонкие косички.

- Мы это... – начала старшая и, вдруг запнувшись, хмуро насупилась.
- Вы всегда людям сначала репы в волосы кидаете, а потом к ним в гости приходите?
- Ну, извините. – Катя пожала плечами. – Бывает... так мы ж в вас не камнями!
- А че, долго их потом из голов-то вычесывали? – поинтересовалась младшая.
- Некоторые вообще выстригать пришлось, – сказала Даша.
- Ого! – младшая присвистнула. – А...
- У нас к вам дело. – перебила ее старшая. – Мы сегодня с Антошкой Босым и его компанией в индейцев и ковбоев играем, нам людей не хватает.
- А мы тут при чем?
- Да ладно, не дуйтесь, на обиженных воду возят, че вы вообще! – Ленка ковырнула ногтем краску на перилах крыльца. – Вы ж хорошо бегаете – с вами, может, у Босого и его ковбоев выиграем, а то наших девок они за пять минут поймают, как тогда, помнишь, Кать?

Карина оглянулась на Дашу:

- Хочешь с ними в индейцев и ковбоев?

Даше, по правде, совсем не хотелось, но если отказаться, сестра, может быть, вообще ничего больше не станет предлагать, и они просидят весь день дома.

- Я не знаю... – неуверенно протянула Даша.
- Не хочешь?
- Да нет, хочу, конечно...
- Ну, что? – Катя нетерпеливо переступила с пятки на носок. – Нам еще клады прятать, пока они нас ловить не начали.
- Ладно, поиграем с вами в ваших индейцев, – согласилась Карина, всем своим видом показывая, что делает это только ради младшей сестры, хотя на секунду, наверное, все-таки представила себя Амандой, которую Босой Орлиное Перо захватил в плен и тащит на веревке через кусты ольхи.

Первый клад решили прятать в зарослях топи-намбура за пожаркой – полуразрушенным домом на высоком берегу реки: Катя рассказала городским, что пожарка несколько лет стояла заброшенной после того, как умерли хозяева, а позапрошлым летом Босой с компанией ее подожгли – у, какой был пожарище, в Семрино, говорят, было видно, только горело недолго – ливанул дождь, и пожарка так и осталась стоять, правда, внутрь заходить опасно – пол может провалиться. Вокруг росло несколько кустов смородины, видимо, оставшихся от огорода, большую часть которого захватил топи-намбур – теперь он только собирался цвести, но уже вымахал выше человеческого роста и покачивал на тянувшем от реки ветерке листьями в ладонь величиной и округлыми бутонами, из которых выглядывали подсолнечно-желтые лепестки.

- Здесь ни за что не найдут! – Девочка одного возраста с Кариной, но ниже ростом и совсем не такая красивая, присела рядом с Катей, делавшей клад.

Кроме нее, Карины и Даши, за индейцев играла еще одна девочка из дачниц, уже много лет приезжавшая в деревню к своей тетке, и ее подруга из Семрина – робкая, нескладная, всюду покорно следовавшая за ней и соглашавшаяся с каждым ее словом. У всех на головы были повязаны цветные ленточки с пришитыми к ним петушиными перьями – чтобы понятно было, что они индейцы; у Карины и Кати перья были самые длинные и яркие – из петушиного хвоста.

- Я же говорила, хорошее место, – сказала городская, – сюда они не сообразят полезть.

Ее семринская подруга кивнула и утвердительно замыкнула.

Катя пожала плечами:

- А они и не полезут, они тебя поймают и выпытают.
- Вот и не выпытают!

- Это как же – выпытают? – Даша почувствовала, что у нее в животе стало как-то неуютно, как перед контрольной по математике.
- Ну-у... как... – пояснила Ленка. – Крапивой там по голым ногам. Или лицо тебе навозом коровьим вымажут. Или в речку загонят тебя у берега, где пиявок полно...
- Не будут они в речку больше, – перебила Катя, – они ее (она дернула головой в сторону Карининой ровесницы) в прошлый раз загнали, так ее бабка пришла к бате Босого ругаться и грозилась заявить в милицию за то, что ее пиявки покусали. – Присев на корточки, она выдрала на небольшом круглом участке траву, разровняла землю ладонями и сделала по центру аккуратное углубление.
- А вы правда из Москвы или ты это просто так вчера сказала? – спросила Даша у Ленки.
- Ну-у... – неопределенно протянула Ленка.
- Опять, что ли? Подожди, Босого только обыграем, я тебе покажу твою Москву! – Катя положила в углубление сначала немного травы, потом нарванного на опушке леса светло-зеленого мха и наискось – веточку черники с крохотными листочками. Карина протянула ей сорванную у станции розу, она оторвала от розы три лепестка и тоже аккуратно уложила на мох.
- Ага... так...

Карина наклонилась и поправила один из лепестков, Катя посмотрела на нее недовольно, но говорить ничего не стала.

- Гвоздику давайте.

Пурпурную в белую крапинку гвоздику они сорвали на огороде у городской девочки, пока ее тетка развешивала во дворе белье: Ленка упрашивала взять пион, и ей насилу втолковали, что, во-первых, пион в клад не годится, потому что лепестки у него слишком большие, а во-вторых, тетка пропажу пиона обязательно заметит, и на завтра им будет за это нагоняй. Ленка нехотя согласилась и, пока никто не видел, вытащила из грядки пятюк еще совсем тощих слабеньких морковок и тут же сгрызла их, едва обтерев от земли о подол футболки.

Катя воткнула в мох несколько цветочков гвоздики.

- Еще бы чего сюда...

Даша, все это время крутившая в руках сорванный просто так бутон топи-намбура, положила его на расчищенную землю. Катя взяла бутон, вылушила из него желтые лепестки, расправила их и разложила вокруг цветочков гвоздики, потом накрыла все выпуклым бутылочным стеклышком и с силой прижала.

- Готово!
- Красиво! – Карина наклонилась над «кладом» и дотронулась пальцем до стекла. – Где ты так научилась?
- В школе, где еще учатся. – Катя вытерла руки о траву. – Давай, надо его еще прикрыть как-то, чтобы совсем незаметно было, остальные два сделаем возле моста и под платформой со стороны садоводств. Потом все разделим и спрячемся так, чтобы они нас до вечера не поймали, в семь все снова здесь собираемся.
- Поодиночке, что ли? – переспросила Даша. – А мы не заблудимся?
- Ну что ты как маленькая! – тут же рассердилась Карина. – Мы же далеко уходить не будем, вся деревня-то – четыре улицы...
- Короче, если кого поймут – про клады говорим, что один на футбольном поле, другой у магазина и третий у бабки Степанихи за тубзиком.
- Так ведь по правилам нельзя во дворах прятать...
- А ниче, пусть они к бабке Степанихе влезут, – хихикнула Ленка, – она их если засекет, проклянет, че, пусть потом чешутся или в тубзик бегают... она ж колдунья!
- Колдунья?
- Ну, она батю нашего как в девяностом прокляла, так он с тех пор и пьет, не просыхая. – Катя сплюнула на землю. – Мать говорила, у нас лампочка над крыльцом тогда перегорела, а новой не было, вот он и полез к бабке Степанихе еёную выкручивать, а она в тубзик пошла, увидела, как батя лампочку у нее выкручивает, и прокляла его.
- Да ваш батя и так всегда пил, это вся деревня знает!
- Вот че ты знаешь, че ты знаешь, тебе в девяностом сколько было?
- Мне тетя моя рассказывала, она тут всю жизнь живет и батю вашего знает как облупленного!
- Под платформой-то как будем прятать? Может, лучше у большой канавы? Где тритоны, а?
- У канавы видно будет, тебе че, трудно под платформу залезть? Штаны свои модные бережешь?

Они шли друг за другом по тропинке вдоль реки, задами огородов, чтобы Босой и его компания раньше времени их не отловили. Даша плелась в хвосте, думая о том, что она будет делать, если мальчишки станут бить ее по ногам крапивой, мазать лицо навозом или загонят в реку к пиявкам, – Карина-то, если что, убежит от них, а Дашу они запросто поймут. Ну и ладно, лучше она просто скажет им, где они спрятали клад, и они ее отпустят – кому нуж-

на эта их дурацкая игра... Даша схватилась за травинку, росшую у обочины, но подвернулась крапива, – от неожиданности она отдернула руку, и на глаза снова навернулись слезы от обиды на сестру, на деревенских девочек и на летние каникулы с их индейцами и ковбоями.

За станцией, где начинались садоводства, река поворачивала прочь от деревни, а высокий берег, густо заросший кустами, поднимался обрывом из красной глины, так что никто не ходил туда купаться. Мальчишки поймали Дашу довольно скоро, когда она, устав слоняться по сходящимся к центральной дороге улочкам и стянув с головы ленту с петушиными перьями, вернулась к пожарке и села на согретую солнцем траву, чтобы дожидаться вечера. В траве ползали и перелетали с листа на лист маленькие блестящие синенькие и зелененькие жучки. Было хорошо.

– Ну что, попалась? – Антошка Босой оказался невысоким, на голову ниже Карины худощавым рыжим мальчишкой с конопатым лицом. – Скажешь, где клад спрятали, или пытаться тебя будем?

Остальные, бывшие с ним, улыбались и рассматривали Дашу с любопытством.

– Крапивы боишься?

– Ничего я не боюсь. – Даша сжала в пальцах свою индейскую ленточку. – У бабки Степанихи за тубзиком твой клад.

– Ага, как же... – ухмыльнулся Босой. – Ври больше.

– Ничего я тебе не скажу, – упрямо повторила Даша.

Неразговорчивый толстый мальчик, которому Босой поручил пленницу, пытаться ее не стал – может быть, пожалел, может быть, сам боялся крапивы, и вместо этого повел за станцию к высокому берегу из красной глины: они спустились по узенькой, почти отвесной тропинке к реке, потом долго шли по самой кромке воды, – мальчик шел позади, придерживая Дашу за локоть, а когда она оступилась, сказал только:

– Не бойся, тут мелко.

Вскоре они дошли до углубления в глине, где как раз могла поместиться девочка вроде Даши, он легонько подтолкнул ее в спину и сказал полезать туда.

– А ты меня сторожить будешь? – спросила Даша.

– Пойду я, – коротко ответил мальчик. – Дела у меня. Мама сказала макаронov купить и сахару, а магаз скоро закроется.

«Вот тебе и вождь Орлиное Перо», – тоскливо подумала Даша.

- А я как же?
- Ну придут они за тобой вечером. Я скажу им. – Он подумал немного. – Ты только это... сама сбежать не пытайся. В воду еще свалишься.
- Ты же сказал, тут мелко.
- Да какой мелко! Глыбь тут, омут, вон! – Он неопределенно махнул рукой в сторону реки. – Тут, видишь, как высоко, а там низко. Омут, значит.
- Омут, – испуганно повторила Даша и, скорчившись в своем углублении, подтянула колени под подбородок и обхватила их руками.
- Да ты не бойсь... они придут за тобой скоро, играть-то еще час-полтора. А я пойду, звиняй.

Даша всхлипнула. В темноте ничего не было видно, только вода в реке слабо поблескивала, и на ясном летнем небе мигали крошечные глазки звезд. Было холодно, руки и ноги затекли от сидения в неподвижности, но ее тюремная камера была такой маленькой, что в ней было толком не повернуться: даже встать во весь рост, не стукнувшись головой о «потолок», с которого свисали всякие корешки и паутинки, у Даши бы не получилось. У самых носков ее сандалий тихо плескала вода. Этот мальчишка небось забыл сказать про нее остальным, а девочки в жизни не догадываются, где она сидит, – они же вообще договаривались, что не заходят на сторону садоводств и прятаться можно только от бетонного моста до поля на одной стороне реки. И Карина ее теперь точно убьет.

- Карина... – жалобно проскулила Даша, еще крепче обхватив колени заковченными руками, как будто это могло защитить ее от холода. – Карин... ну где же ты...

Даше вспомнилось, как вчера они ехали в электричке и сестра купила ей мороженое, а она его не доела и запихнула в щель между стеной и сиденьем, и проплывавшее за окном здание Павловского вокзала, и мама, наверное, приедет в субботу или в воскресенье и привезет из города черешню, которую они будут делить по одной яголке, чтобы точно получилось по-честному.

- Карина! – изо всех сил закричала Даша. – Ка-ри-на! Ка-ри-и-ин! Я zde-есь! Ка-ри-ина, где-е ты-ы?!
- Да-аша! Дашенька, ты здесь?! – неожиданно откуда-то издалека, совсем-совсем тихо ответил голос старшей сестры. – Дашенька, подожди немного, мы сейчас к тебе спустимся!

Даша подскочила, чуть не ударившись головой о потолок, и снова закричала – просто так, от радости. Совсем скоро послышался треск веток – ви-

димо, сестра спускалась к ней по той самой тропинке, ведущей к воде, и голос Ленки:

- Ну, че, я же сказала, они ее в пещеру потащили! Опять, козлы, правила нарушают!
- Это все игра ваша глупая!
- Че сразу глупая, вот че сразу глупая-то? Нормальная игра! Приехали тут такие, самые умные!
- Дашенька, подожди, мы сейчас! – крикнула Карина. – Ты только не бойся!
- Да я и не боюсь, Карин, – тихо, так, чтобы сестра не слышала, сказала Даша и, придерживаясь рукой за глиняную стену, высунулась наружу. Теплый воздух дохнул ей в лицо: завтра они обязательно купят в магазине зефира и пряников и все вместе пойдут на пляж купаться. Из-за поворота не было видно шедших к ней друзей, только широкая блестящая лента реки уходила в ночную темноту и где-то далеко перекачивалась через сложенную из камней запруду.

НАЧАЛЬНИК ТЫЛА

СЕРГЕЙ НУБРИН

Родился в 1991 году в Пензенской области. По образованию юрист, работает следователем. Публикации в толстых литературных журналах («Урал», «Волга», «Октябрь», «Сибирские огни»), автор книги «Между синим и зеленым» (2019), лауреат междуна-

родной литературной премии «Радуга», финалист литературной премии «Лицей».

За несколько часов до Нового года пришел в отдел заявитель. Обычный работяга с красным от мороза лицом. В меру трезвый. Здоровый такой, зубастый.

– Обманули, – говорит, – деньги заплатил, удовольствия – никакого.

Жарков недовольно принимал заявление. Дежурил он в резервной группе и собирался к полуночи быть дома. Если тихо и спокойно, дежурный отпустит. А тут, здрасте, приехали, очередное мошенничество. Немного сбавил обороты, когда потерпевший объяснил, что решил снять проститутку, а развели как пацана. Все, что было связано с интимными вопросами, Жарков любил до безобразия.

– Я весь год, как ишак, пахал, – оправдывался мужик, – у меня хозяйство ого-го.

– Без подробностей давай, – остановил Гоша.

– Свиной – шесть, две коровы, козы, – продолжал несчастный.

– А, – растерялся оперативник, – ну да, я понял.

– Вот и решил хоть в праздник расслабиться. Нашел в интернете объявление, в город сюда приехал. У нас в деревне-то бабы нормальные, и жена у меня – хорошая, честно говорю. А тут... да сам понимаешь, захотелось.

В последние месяцы в районе удалось прикрыть два массажных салона, где «приятное» возвышалось над «полезным», прячась под маской запрещенных услуг в исполнении горячих девушек, белых и чер-

ных, крупных и тоненьких, любых – плати только деньги. Искоренить «квартиранток» – тех, кто работал в домашних условиях, сотрудники не могли. Порочные «блатхаты» размножались быстрее, чем успевали их обнаружить. Да и бороться с тем, что приносит радость, не совсем правильно.

– Да? – спросил Жарков.

– Да, – ответил заявитель, не разобрав, с чем согласился. На все был готов, лишь бы вернули деньги. – Я ползарплаты, считай, отдал. Жена убьет, когда узнает. Что мне вот говорить?

– А ты не говори.

– А деньги? Спросит.

– Скажи, хотел подарок сделать. Заказал в интернете что-нибудь. Чего она там любит у тебя. Деньги перевел, а товар не получил. Даже врать почти не придется. И ей приятно, и тебе – гора с плеч.

– Ага, – взбодрился мужик и раскраснелся еще больше, – она поест любит хорошо. Так, наверное, и скажу: заказал тебе конфет дорогих. На семь тысяч.

– Семь косарей? – охренел Гоша. – Ты какую богиню отжарить собирался?

– Не знаю, – пожал мужик плечами, – на фото вполне себе, на-ка, посмотри.

Открыл сохраненную страницу в телефоне. Стройная брюнеточка с третьим, наверное, размером. И спереди хороша, и сзади. Сзади особенно.

У него в адресной книге много было подобных обозначений: «пункт приема», «вывоз металла», «глава района» – лишь бы не заподозрила ничего супруга. Станешь тут конспиратором, когда и хочется, и можетя, а нельзя.

Жарков одобрительно кивнул и посоветовал картинку удалить, чтобы жена не обнаружила. Сам он имел горький опыт и знал, о чем говорит.

– Удалю-удалю, – отвечал потерпевший и все глаза не сводил с экрана.

Несло от него крепким мужским потом, застоявшимся и непобедимым. Круглое широкое лицо с твердой угреватой россыпью, зубы, как на подбор, все в разные стороны, волосы – и те растрепаны, сальные, жесткие, рыжие-рыжие.

Жарков тоже размечтался и закурил прямо в кабинете. Заявитель болтал без умолку. Приехал, говорит, на адрес, позвонил. Стой, сказала, жди, сейчас назову номер квартиры. Стоял и ждал. Еще раз звонил. Опять – жди. А потом телефон отключила, трубки не брала. Три часа, говорит, прождал, замерз. А что делать. Надо было туда-сюда сначала, а потом деньги.

– Сейчас-то что рассуждать. Ни любви, ни денег.

– Ладно тебе, не кипешуй, – сказал Жарков, – придумаем что-нибудь. Номерок остался?

Мужик продиктовал цифры. Гоша старательно их набрал и сохранил в контакты под именем «Начальник тыла» с намеком на лучшие формы заднего плана. У него в адресной книге много было подобных обозначений: «пункт приема», «вывоз металла», «глава района» – лишь бы не заподозрила ничего супруга. Станешь тут конспиратором, когда и хочется, и можетя, а нельзя.

– Если нельзя, но хочется, то можно, – выдал Жарков, и потерпевший опять согласился.

Набрал номер, трубку подняли после второго гудка.

– Але, – очень бодро ответил женский голос.

– Але, – повторил Гоша максимально серьезно. Он к подобным разговорам всегда относился очень внимательно и не допускал развязных речей, щекотливых усмешек.

– Да, привет, – уже мягче продолжила девушка, – я слушаю.

– Работаешь? – Жарков произнес ключевое слово, после которого разговор подлежал окончательной развязке.

– Работаю, – игриво продолжила, – что хочешь?

– Что-нибудь да хочу, – по-прежнему скупое и сухо нагнетал оперативник. Женщинам такое нравилось. Любим – порядочным и не очень, честным и обманщикам. – Свободна?

– Свободна, если трезвый.

Она сообщила адрес (все верно, тот же самый) и сказала позвонить по приезду. Обычная схема подобных свиданий, ничего подозрительного.

Поехали вместе, но Жарков сказал, что пойдет один.

– Сиди в машине, не светись. Она через окна палит. Пока не приду – не высывайся. Ага?

– Ага, – принял к исполнению потерпевший.

Гоша снова позвонил, и та сообщила номер квартиры. Никакой предоплаты, никаких переводов. Никакого, что ли, обмана? Терпила сразу деньги переводил на карту. Может, другая схема, новый какой-нибудь развод.

Он постучался, хотя смотрела на него кнопочка звонка.

Убедилась через глазок – тот самый: красивый и вроде бы адекватный. Открыла дверь. С таким всю жизнь провела. Разрешила пройти. Сразу обозначила: разуваться – тут, куртку – сюда, душ – там.

Гоша мыться не собирался, но раз велено, значит, надо. Постоял недолго под водой, обвязался полотенцем и вышел. Он, честно говоря, не думал, что называется, предаваться скоротечной любви, а только хотел разобраться в произошедшем. Но, переступив порог и оценив хозяйку (соответствие фотографии – сто процентов), согласился, что в канун праздника действительно можно. Нечасто он позволял себе такие вот мероприятия, а тут – сам бог велел. А если не бог, то – заявитель. Работа обязывает, служба заставляет.

– По деньгам чего как, сколько? – крикнул он.

Девушка, должно быть, готовилась. Гоша стоял в коридоре и обращал свой громкий голос во все пространство сразу.

– По факту, – голосила в ответ, – три за час, а там посмотрим.

«Абсолютно приемлемо, – рассуждал Жарков, – в чем тогда прикол, какое тут мошенничество».

Она появилась без верха, в одних колготках и туфлях на высоком-высоком каблуке. Взяла его за руку и повела в комнату. Гоша и сказать ничего не успел. Упал на кровать и отдал себя всего, а потом забрал сам, а потом... потом все произошло и повторилось, и нечего тут больше говорить.

– Я терпеть не могу ментов, – сказала девушка.

Жарков не шелохнулся, еще отходил.

– Но ты совершенно другой, – призналась.

– В каком смысле?

Она шагала пальчиками по его груди.

– Ты какой-то порядочный. Остальные ваши, – замолчала, придавая особое смысловое значение «вашим», то есть «его» коллегам, – они грубые и неопрятные. А ты красивый, ты хороший.

Жарков знал о себе чуть больше. Он знал, например, что может быть очень жестоким, и, может быть, она – эта глупая проститутка – единственная, кто вообще за всю жизнь назвал его хорошим.

– Знаешь, – сказал Гоша, – ты тоже хорошая. Он другого слова не подобрал, словарный запас его не отличался масштабом, да и уличная служба не требовала серьезных вдумчивых разговоров. Он, в принципе, сам не понял, зачем так сказал. Ему было неудобно слышать приятное от девушки и молчать в ответ. – Только я не мент никакой.

– Ну да, ну да, – хихикнула девушка, – думаешь, я дурочка глупая?

Она рассказала, что работа обязывает быть начеку. Пока мылся, прошмонала карманы, нашла удостоверение.

– Майор полиции Жарков, – отчеканила девушка. – Ничего не взяла, можешь проверить. Я не какая-нибудь там.

Тогда Гоша признался, зачем пришел, и сказал, что деньги обманутому клиенту все равно придется вернуть.

– Какому еще клиенту? – притворилась.

Жарков наступал действенным молчанием.

– Ой, да пусть подавится, – вскочила девушка, – он себя хоть видел в зеркало? Я как посмотрела, меня чуть не стошнило. Стоял на улице, дурачок, ждал. Урод!

Она перестала быть и нежной, и приятной. И Гошу, скорее всего, не хотела видеть.

– Сколько он там перевел? Семеру? На! – швырнула. – И сам иди. С тебя три штуки.

Три так три. У Гоши все равно больше не было. Он бы мог забрать ее в отдел и оформить как положено, пустить материал следакам, а те бы – дай только повод – закрутили бы и завертели. Но ничего не сделал. Только сказал, что ему все понравилось, и ушел.

Мужик, как велено, ждал в машине. Стоило появиться Жаркову, налетел с вопросами.

– Ну как? Получилось? Что сказала? Почему так долго? Мне жена звонила, я там сказал кое-что.

Гоша молча отдал деньги. Потерпевший не нашел ни слов благодарности, ни каких-либо других, только неприятно замычал и заухал так, что слюна заблестела на губах и потянулась дальше к подбородку.

Некрасивым тяжело, думал Гоша, а красивым – стыдно. Зачем сказала, что он – красивый, это даже звучит не очень. Он – оперативник Жарков – не сильный, не умный, не смелый, а красивый.

– Мошенница, да? – спросил мужик.

– Угу, – пробубнил Гоша, – самая настоящая.

– Вот скотина, – обозначил, и Жарков хотел возразить, но стало это необязательным. Уже стемнело. Они попрощались.

Доложил, что с заявлением разобрался. Ответственный по отделу разрешил ехать домой, но сказал быть на телефоне. Силами одной оперативной группы могли в новогоднюю ночь не справиться.

Жена спросила, почему так рано. Ничего еще не готово. Салаты надо и горячее.

– Сидел бы на своей работе, – недобро сказала она.

– Я, наоборот, старался, торопился, – не обманул Гоша.

– Ну и молодец. Иди вон, стол разложи. Сейчас свалишься, как всегда. А мне праздник не праздник с этой готовкой.

Гоша послушно вытащил стол-книжку, определив прямо по центру, напротив телевизора. Он стоял и смотрел, и думал, что, наверное, скатерть нужна. Хотел спросить, где эта скатерть, но жена обязательно бы раскричалась. И так на взводе – новогоднюю суету не любила, не понимала, в чем смысл не спать полночи и наедаться как в последний раз. А насчет алкоголя – один бокал шампанского, да и только. Жарков еще в ноябре запаса дорогим вискарем, который ему продали за полцены по хорошему знакомству. Но не был уверен, что жена позволит опустошить бутылку хоть на треть.

– Банку открой, – крикнула с кухни.

Он обрадовался, что стал нужен, и с удовольствием шибанул по запаянной крышке.

Запах лимона разлетался по квартире, и жена вроде перестала бузить: все успела, все сделала, можно теперь и расслабиться.

- Осторожней, – причитала жена, – набрызгаешь мне. Руки ты помыл?
- Помыл-помыл. Скатерть у нас... есть?
- У нас – есть, – как и ожидалось, брякнула недовольно, – а у вас – не знаю.

Сказала взять в антресоли на второй полке.

Сложно только первые десять лет, думал Жарков. Почти как на службе, где в первые годы тоже приходилось нелегко. В отделе Жарков пользовался уважением, а в семье был вынужден подчиняться. Срок семейной выслуги небольшой, дальше легче будет. Он пытался как-то включить мужика и запретить общаться с ним в таком угнетающем тоне. Жена обозначила, что впредь готовить будет сам, убирать за собой – тоже сам, а супружеские обязанности может не выполнять, нет теперь никаких обязанностей. Одни права у нас, правое государство. Жарков не выдержал и сдался. Может быть, так у всех. Пусть лучше так. По крайней мере, всегда убрано и сыто.

Вазочки с салатами спешно заполняли стол. Нарезки, бутерброды, аккуратно порезанные фрукты, там какие-то финтифлюшки, здесь – крабовые рулеты, еще утка вот-вот запечется. Запах лимона разлетался по квартире, и жена вроде перестала бузить: все успела, все сделала, можно теперь и расслабиться.

Спросила, как на работе. Ответил – нормально. Будут ли выходные? Нет, не будут. Преступность выходных не знает.

- А могли бы съездить куда-нибудь, – протянула мечтательно жена, – за город или вообще в Европу.
- Я невыездной, ты забыла?
- Не забыла. Забудешь такое. Все вон по миру катаются, а мы тут сидим. Достала твоя работа, вот честное слово.
- Ну, хочешь, – пытался Жарков, – хочешь, поезжай без меня. Деньги-то есть, возьми вон, откладывали.

– Хочу, – призналась, – но это... да ну, блин.

Она хотела сказать, это неправильно, что семья, несмотря ни на что, должна оставаться семьей, то есть если куда-то и что-то – обязательно вместе. Иначе такие одиночные выпады – первый признак предстоящего развода. Ничего не сказала, только разрешила достать алкоголь и не ждать, пока великий и могучий обратится к ним с торжественной речью.

Они выпили по третьему, наверное, бокалу, прежде чем пробили куранты и прогремел гимн. Ничего не загадывали. Жена лишь мечтала о всяком невозможном: путешествиях, богатой жизни, дорогой одежде. Гоша ни о чем особенном не думал, было бы спокойно, и хорошо.

- Ешь-ешь, – говорила совсем уж тепло, – салаты ешь, утка – скоро.
- Ага, – улыбался Гоша. Казалось ему, что в новом году все действительно станет иначе. Всем казалось. По крайней мере, старались поверить, изобразить, притвориться. – Покурить схожу – и поем.

Курил в кухне. Жена обычно запрещала, но сегодня – ладно, так и быть. Воздух, полный молодого январского ветра, хватал дым и выдыхал его в праздничную разноцветную улицу.

Ну, бросит он работу, думал, что изменится. В одну Европу поедут, в другую. А потом. Дома чаще будет, присутствием своим вымораживать начнет, отсюда скандалы и все такое. Может, притрутся, наоборот, если не пропадать по ночам. Но работать все равно придется. А что он может, кроме. Менеджером каким-нибудь, толкать что-то, да ну – на фиг: не выдержит, тоска загубит.

Докуривал и слышал, как истерит телефон.

- Начальник тыла звонит, – обозначил жена, когда вернулся в комнату, – работа твоя любимая.

Он ответил и, услышав знакомый голос, отошел. Сбавил незаметно громкость, отвернулся. Жена все равно не следила. Служебные вопросы ее мало интересовали.

- Да, Михалыч. Ага. Какие проблемы? Что значит? Убьет, говорит? Жди!

Обозначил кратко: случилась беда. Район шумит, надо торопиться.

- Год новый, а ничего не меняется, – подтвердила супруга, – надолго?
- Нет, – замешкал, – не знаю, я быстро постараюсь.
- Да уж постарайся, – вздохнула, оценив нетронутый почти стол.

Уже в дороге понял, что сел за руль под градусом. Не тормознули бы. Мент, как известно, гаишнику не кент. Лишат, увольят, забракууют.

Примчался к дому с порочной «блатхатой», где его по-настоящему ждали.

«Начальник тыла, – ухохатывался, – тыл что надо».

В подъезде стоял прочный шум. Басил тяжелый мужицкий голос. Он поднялся на последний этаж и увидел, как обманутый сельчанин с огромным хозайством безнадежно пытался достучаться до пре-красного.

– Все заberi. Хочешь, все деньги отдам. Только от-крой. Хочешь, десять, хочешь, пятнадцать. У меня есть, я полгода копил. Открой, открой! – кричал тот, пока Жарков не хватил его за плечо.

– А? – обернулся мужик. – Ты!

– Я, – ответил Гоша, – чего тут?

Пьянящий взрыв, уже побитый, с глубокой бо-роздой на шее.

– Ее хочу! – ответил и ударил ногой в дверь, а по-том плюхнулся прямо на грязный пол и распла-кался. – Жена узнала, – изливался, – фотографию увидела, – захлебывался в соплях, – фотогра-фию-то не удалил, вот и выгнала. Иди, говорит, и не возвращайся. Я и пошел, выследил, а она (такая-сякая), не открывает. Шлюха!

– Пошли, – сказал Жарков и опять взял за плечо.

– Куда ты меня? Куда? Только не в мусарню, я не пьяный.

Гоша вывел мужика на улицу. Не хотел, чтобы – она – слышала.

– Это моя хорошая знакомая, – нес Жарков, – я люб-лю ее! Слушай внимательно: еще раз появишься – грохну. Понял?

Мужик харкнул в снег и потопал по тяжелому снегу.

Куда он шел, пьяный, Гоша не знал. Наверное, стоило догнать, остановить, отвезти домой. Мало ли что могло случиться, непременно что-то, да могло.

Думал, подниматься ли. Поднялся.

– Ты женат, да? – спросила. – Я, наверное, помеша-ла, ты прости.

Они любили друг друга несколько раз подряд, пока Жарков не протрезвел окончательно и понял, что надо возвращаться домой. Все хорошее прихо-дит, когда не ждешь, но заканчивается вовремя.

Денег не заплатил, побоялся оскорбить. На про-щение сказала, что обязательно бросит свою рабо-ту, просто обстоятельства так сложились.

– Да ладно, – особо не задумываясь, ответил Гоша, – все должны где-то работать.

Ожидала услышать: «вот и правильно, давно пора», представляя, как будут строить семью, но Жарков сказал то, что сказал.

Он выезжал со двора и заметил мужика. Тот сидел на ледяной скамейке и пил из горла водку. остано-вился, подошел.

– Ты мне скажи, – гудел мужик, – я разве такой пло-хой? Как мне теперь жить? Я жену только люблю, а это так, не считается. Ты скажи мне, товарищ полицейский, что теперь делать?

– Поезжай домой, – ответил Жарков, – Новый год все-таки.

Он вызвал ему такси и сам тоже укатил.

Жена уснула, не дождавшись. Калачиком на ди-ване.

В телевизоре пели про счастье и любовь.

МАЛЬЧИК И КОТ

—
КОНСТАНТИН НУПРИЯНОВ
Родился в 1988 году в Москве. Окончил Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «международное право» и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Живет и работает в Сан-Диего (Калифорния). Проза опубли-

—
нована в журналах «Знамя», «Волга», «Октябрь», «Нева», «Москва», «День и ночь» и др. Лауреат журнала «Знамя» (2017), премии имени Марна Алданова (конкурс на лучшую повесть на русском языке, написанную автором, проживающим за границей России, 2017), премии «Лицей» имени А.С. Пушкина (2018, проза,

—
1-е место). В 2019 году отдельной книгой изданы роман «Желание исчезнуть» и повесть «Новая реальность».

«Я всегда буду тебя любить и защищать, Медвежонок» – этим обещанием мальчик успокаивал своего подопечного, когда того пугали причуды человеческих поступков или призраки замка.

...Знал, что Медвежонок понимает по меньшей мере одно слово – собственное имя. Произнеси «Медвежонок» или «Медвежончек», и хвост его начнет плясать, бить по полу (если он лежал) или ударять по бокам (если бегал). Знал, что в отличие от других животных, Медвежонок любит, когда глядят против меха, шурится и начинает вытягиваться, показывая белое беззащитное брюшко, а потом сворачивается клубком, смотрит снизу вверх, спрятав когти, издает в ответ на прикосновение нежное вкрадчивое мурчание (даже странное для такого огромного, волшебного существа). Знал все любимые местечки, в которых он предпочитал точить коготки, его любимые игрушки: нитки, оставшиеся от матушкиного вязания, ручка от сломавшегося папиного ножа, маленький мячик Ее Высочества – перламутровый, вырезанный мастером-тибетцем из слоновой кости, и, конечно, гребешок.

Знал, что добрее Медвежонка никого в мире нет: он всегда приходит на выручку и всегда угадывает, когда надо побыть тихоней, а когда пора играть до потери сил! Знал, что любимое место Медвежонка – в тепле. Но именно перед этим огромным камином, возле которого они сейчас сидят, рядом с покоя-

ми, где живут родители котенка, Медвежонок любит бывать особенно. Кстати, похоже, они уже подзабыли, что родили его – умные, но забывчивые королевские кошки... А Медвежонок, верно, все еще это помнит и потому обожает греться, уставившись блестящими, отражающими красный свет зрачками в центр очага. Тепло медленно размаривает его, и он роняет огромную пушистую голову на колени мальчика, шурится все сильнее, пока тишина и дрема не подхватывают его и не уведут в мир кошачьих сновидений...

Знал, что этого сумрачного человека, пришедшего с севера, где, говорят, не бывает солнца, бояться все в замке, и каждый опускает глаза перед ним. Знал, но отчего-то вместо страха испытал любопытство и поднял взгляд ровно в тот миг, когда фигура, шелестя тяжелой тогой, следовала мимо. Из-под капюшона ему ответили два неожиданно веселых раскосых голубых глаза. Совсем как у среднего кота молодой принцессы, понял мальчик, и невольно улыбнулся.

Незнакомец остановился. Котенок оторвал голову от коленей мальчика и с подлинным удивлением осмотрел человека. Присматривать за ним было легко – этот котенок был самым смысленным и добрым из помета и сам ходил всюду за мальчиком, лез бодаться, если голова ребенка оказывалась близко. К тому же благодаря огромным размерам (мальчик

Стало видно его лицо: бледное и сухое, изуродованное длинными рыжими шрамами, симметрично окружавшими рот и тянувшимися к крыльям носа, — кто-то однажды с усилием начертил эти раны, и время никогда не смоет их.

в свои семь лет был немногим крупнее Медвежонка) его невозможно было потерять. Он поднялся, выгнув спину, встряхнул мордочкой и, подцепив зубами обрубков веревки, бросил перед мальчиком и громко, часто замыкал: «Играть, играть, играть!»

— Как его зовут? — услышал мальчик из-под капюшона.

— Медвежонок Первый, милорд.

Тот хмыкнул, однако глядел на шерсть, изогнутую от нетерпения пышную спину кота, как зачарованный, — так смотрели все люди, видевшие впервые столь необыкновенное существо, огромное, но тихое и ласковое.

— Это королевский кот, он принадлежит принцессе, милорд. — Мальчик поскорее снял с пояса старый, но искусно вырезанный гребешок.

Сделан он был из кости редкого животного, которое, как говорила мама, больше не живет на Земле.

Черный человек опустился на колено, став на один уровень с ребенком и котом. Приподнял капюшон. Стало видно его лицо: бледное и сухое, изуродованное длинными рыжими шрамами, симметрично окружавшими рот и тянувшимися к крыльям носа, — кто-то однажды с усилием начертил эти раны, и время никогда не смоет их.

Мальчика очаровали огромные улыбающиеся глаза, сверкавшие, будто голубые факелы. Они глядели в него без угрозы и нажима, но проникали глубоко, и мальчик почувствовал желание рассказать черному человеку про это удивительное животное, своего подопечного.

— Медвежонок, — сказал он, расчесывая редко взмуркивающего котенка, пока тот покусывал веревку, — младший сынок Герды Прекрасной — главной кошки Ее Высочества. Поскольку я тоже маленький, мне поручили за ним присматривать, содержать шерстку его в чистоте и порядке, пока он не подрастет. Тогда его, может быть, отправят в подарок куда-нибудь за границу, а может быть, Ее Высочество заметит, какой он замечательный и умный, и не станет отправлять. Она наверняка заметит, — добавил мальчик убежденно, — и заберет Медвежонка к себе в покои, и будет жить и спать с ним, как сейчас спит с Гердой Прекрасной и Бароном Пушком. Он самый лучший котенок! — добавил мальчик в порыве нежности.

Человек усмехнулся. Кот оторвался от веревки и внимательно осмотрел незнакомца. Взгляд его остановился, будто он увидал змею, и постепенно шерсть приподнялась, встала дыбом.

— Не нравлюсь ему? — спросил человек.

— Нравится, он всех людей любит, — сказал мальчик, — просто он очень-очень умный, а значит, и осторожный. Всегда держится чуть в сторонке, прежде чем решится подойти. Ну, Медвежоночек, не будь таким букой...

Мальчик заволновался, потому что котенок не на шутку занервничал. Он начал пятиться и явно собрался улизнуть и спрятаться. Ниточка, которой был обвязан его маленький ошейник, натянулась. Кот застыл на границе тени, разбавленной светом камина, и улегся на холодный пол, замер, прижав к нему лапки, морду и живот. Забил хвостом по бокам и вжал уши: «Страшно! Нет! Нет!»

— Ну, Медвежонок, невежливо так себя вести! — уговаривал его мальчик, глядя синеватой узор шерсти.

Черный человек выпрямился и ждал. Он протянул руки к огромному камину, чтобы погреть свои костлявые, пахнущие кровью пальцы. В столь поздний час огонь почти погас, едва догорали мелкие язычки, жар шел от огромных, давно обглоданных бревен. Повсюду, куда не доставало излучение камина, царил холод, ведь уже стояла поздняя осень. На горных вершинах давно белели шапки, понемногу снег приходил в долину; вскоре укроет он и замок, и вычесывателям прибавится работы на время линьки королевских зверей...

— Тебе сильно повезло, что получил такую работу, — заметил черный человек. — Служить королевским животным — великая честь. Кто твои родители?

- Да, я сын младшей вычесывательницы кошек Ее Высочества и младшего повара. Ее Высочество была очень добра ко мне...
- Что ж, тогда не стоит тебе сидеть в таком месте в поздний час. Что ты тут уселся, разинув рот? Слыхал я, еще от лестницы, как вы здесь топали с этим... животным. Нарушали покой Ее Высочества. Разве не ясно тебе, клопик, что рядом с покоями принцессы должно быть тихо?!
- Клянусь, мы будем тихими, как мышки. Мы просто здесь греемся, Медвежонок любит этот камин...

Черный человек снова натянул на лысую голову капюшон, полутени спрятали его лицо. Теперь только слышалось его дыхание да тихий треск в камине. Мальчик внезапно ощутил, как море страха проглатывает его, а сердце трепещет кузнечиком. Оно подсказывало немедленно сбежать, но, разумеется, не мог он просто так взять и повернуться спиной к милорду. Поэтому, обняв Медвежонка, боднувшего его и сжавшегося в комочек, мальчик замер и мечтал испариться.

- Очень плохо знаешь свое дело, маленький вычесыватель, – бросил раздраженно страшный человек.

Мальчик так впился в шерстку Медвежонка, что тому стало больно. Он начал вырываться, а черный милорд вдруг протянул к нему ладонь. Мальчик не успел опомниться, как котенок все же вырвался, полоснул протянутый палец, а когда страшный человек зашипел от боли, Медвежонок уже и след простыл – испарился в тених, а там уж было его не так просто отыскать.

Черный человек свирепо уставился на мальчишку.

- Ты его упустил, – сказал он.

Вычесыватель дрожал. Он понял, что капля крови, которую пролил его подопечный, дорого им обойдется.

- Милорд, мне так жаль... Позвольте побежать его искать.

Мальчик встал, опустил взгляд в пол и ждал кары. Милорд не торопился отпускать его: рылся в дорожной сумке, свисавшей с плеча.

- Больше ты сидеть у покоев Ее Высочества не станешь, вычесыватель, – бормотал он.

- Я больше не буду, милорд! Просто внизу так холодно, а котенок...

- Не ной. На-ка, выпей вот это. Поможет в поисках. Сейчас темно. Вдруг он сбежит в погреб? Ты, кажется, совсем не умеешь с ним управляться.

Мальчик нерешительно взял крохотный пузырек, открыл его, но медлил.

- Пей-пей, – приказал страшный человек.

- Мама мне не велела пить из рук господ, милорд.
- Это еще что?! – взорвался человек. – Споришь со мной, щенок?! А ну пей, шавка мелкая, и бегом искать котенка Ее Высочества!

Мальчик поспешил, не нюхая, вылить содержимое себе в рот. Казалось, там обычная вода, по крайней мере, он не ощутил ни вкуса, ни запаха. С удивлением вернул скляночку страшному взрослому.

- Легкое снадобье, чтобы ты лучше слышал во тьме, – сказал тот, успокоившись, и бросил пузырек обратно в сумку.

Там тихонько звякнуло.

Мальчик поклонился и попятился во тьму. Странно ощущал себя: словно было раннее утро и он только проснулся, и голова еще тяжела, но при этом все остальное тело сделалось легким, почти невесомым. Хотелось бегать и порхать, будто в него вселился эльф.

- Доброй ночи, малыш-вычесыватель, – сказал ему человек, потрепав мягкие волнистые волосы.

- И вам спокойной ночи, добрый милорд!

Наконец-то можно было сбежать! Но стоило мальчику нырнуть в тени и начать шарить руками по углам в поисках забившегося куда-то Медвежонка, как новая мысль остановила его: ведь действительно не было близ камина ни одной комнаты или зала, куда бы могло понадобиться на ночь глядя идти благородному господину. Была лишь одна комната, где его могли ждать – покои Ее Высочества, где любезная принцесса готовится ко сну и, может быть, напоследок обнимается с Гердой Прекрасной и Бароном Пушком.

Любпытство стало мучить сердце мальчика. Он с великой осторожностью возвратился к камину, на единственный освещенный пятачок. Потрескивали догорающие поленья, но в остальном было тихо настолько, что он улавливал отдаленный шум дождя за толстыми ледяными стенами. Вдруг ему стало казаться, что слышит он и то, как мыши маршируют по тайным ходам, и как на соседних этажах слуги трудятся, готовя на утро покои для обещанного посольства из заморской страны... Что он слышит тихое протяжное мурчание Герды и чавканье Барона Пушка, и даже прикосновение принцессы к белоснежной шерстке Герды. Но разве такое возможно?..

Мальчик понял, что посреди этого всего слышит и самый страшный звук – поступь черного человека. Впрочем, тот удалялся, любопытство брало верх. Он ушел с освещенного пространства и прокрался поближе к покоям принцессы, замер почти у самой двери. Совершенство слуха, которым он теперь об-

Совершенство слуха, которым он теперь обладал, позволяло ему почувствовать, что его самого никто не слышит и не замечает. Больше того: когда он обернулся, то с удивлением увидел собственное тело, лежащее перед камином, и котенка, который осторожно выглядывал и водил носиком у самой границы тьмы и света.

ладал, позволяло ему почувствовать, что его самого никто не слышит и не замечает. Больше того: когда он обернулся, то с удивлением увидел собственное тело, лежащее перед камином, и котенка, который осторожно выглядывал и водил носиком у самой границы тьмы и света. Но это уже явно было помутнением, и в звук мальчик верил теперь куда сильнее.

Звуком было все вокруг, даже стена, к которой он приник, даже гробовое молчание, которым встретила принцесса позднего гостя. Они смотрели друг на друга, и их взгляды тоже были теперь потрескивающим, ломающим преграды звуком. Затем услышал мальчик, как лапки Герды касаются ковра и как умная кошка сторонится, спешит сбежать с освещенной части комнаты, которую пересекает поздний гость. Барон Пушок замешкался было, оторвав мордочку от миски с куриными потрохами, и смотрел с изумлением на гостя, пахнущего мертвецким темно-синим и склизким темно-зеленым. Но затем, будто разделив ужас Герды, за нею вслед юркнул под огромный письменный стол и свернулся там массивным калачиком.

— Как поздно ты явился, — полушепотом, который никто не должен был слышать, сказала принцесса.

Мальчик понял, что лишь во второй раз в жизни слышит ее голос. Обычно она всегда проходила мимо прислуги, не замечая простолудинов: шагала в сопровождении двух лейтенантов охраны, закованных в броню из северного железа, и одаривала пространство перед собой непроницаемой улыбкой, за которой невозможно было увидеть никаких чувств. Сейчас ее голос сочился ядом, в его эхе мальчик распознал неутолимый голод.

Строгий милорд усмехнулся, но не ответил. Он присел на табурет, установленный перед постелью, и тяжело вздохнул, словно лишь теперь долгий путь его кончался. Снял капюшон, протер голубые глаза, ткнул острым ногтем собственное лысое темя. Улыбка не сходила с его лица, когда он глядел на принцессу. Мальчик перестал думать о том, каким образом ему удастся «слышать» все это — звук делал сейчас с ним нечто такое, чего обычно он делать не умел: рисовал картинку, столь тонкую, но правдоподобную, что не было нужды гадать, как она возникает. Вычесыватель поверил, что услышит все, что пожелает.

— Расскажи, что чародей сказал перед смертью, — еще тише прошептала принцесса, залезая обратно в постель, под одеяла.

Человек сел на самый краешек гостевого табурета и вдохнул запах молодой девушки. Он набрал полные легкие ее чистоты и ухоженности, задержал его, пока запах не стал удушающим газом, и лишь тогда испустил выдох.

Потом он стал рассказывать тихим шепотом, но мальчик сумел подслушать все до единого слова:

— Когда палач в последний раз вытянул его на дыбе, я услышал, как трещит и рвется шея, и он, должно быть, сам услышал, понял, что это смерть. Вместо крика посеял нечестивый в мир последний выдох, в нем много слов скопилось. Я заглянул в его глаза и демону, что тлел там, велел мне именем Христовым все раскрыть. Всю ложь, что дух предателя питала, червями, дымом сердце осквернив, потребовал я свету выдать... Уж знал тот бес, что тело это кончено, и щедр был на стон предсмертный. То, что говорил он, не утаю, и юная миледи слово каждое узнает и запомнит вслед за мной. Пусть знает, в канун короны обретенья, какими помыслами полнится котелок еретика.

— Поведай мне!

— Моя принцесса, он сказал: «О милорд, я потому открыл свой рот, что увидел в тот день исполнскую черную тень, не проницаемую никаким светом. Она была такая густая, милорд, что нет

Наблюдавший со стороны мальчик вцепился было в собственное тело, но напрасно: только звуки давались ему, а материя вдруг стала рассеиваться, словно в ней и не бывало порядка, а он сам никогда не имел с ней связи.

слов в человеческом языке, чтоб описать... В ней хранилось, с самого начала, все то, что случится, включая эту пытку и этот разговор.

В ней хранилась линия, на которую я буду нанизан и по которой стану путешествовать через отдаленное время, думая, что я Йонас, сын портнихи из речной деревни... Когда померкнет последнее воспоминание о темноте, я стану думать именно так, и тень это знала наперед. Когда ее уже не будут помнить, нитки продолжают складываться в удивительный узор, и одним из его изгибов буду я, простой портной, а другим – он, мой мучитель, злой черный инквизитор.

Чернота понятия не имела, как будем мы называться и как выглядеть, как назовут меня и какой верой окрестят, кому из принцесс мучитель станет служить и против кого будет воевать наше царство. Все это несущественно там, в начале, но это распустилось именно оттуда, будто бутон цветка, не подзревающий о своем пути во чреве земном... Черной спиралью, милорд, тень продвигалась, сметая многие царства и делая безымянными даже императорские дворцы: в конце она поглотила все династии и всех священнослужителей.

Черная злая принцесса, приказавшая мучить и убить меня, тоже была там, в глубоком, дремлющем замысле, в корне цветка. Я видел ее, и я знал, что сыграю свою роль в том, чтобы смел народ ее с престола, хоть она и доберется до меня своей мстостью. Твоими длинными когтистыми пальцами она добралась до меня, черный инквизитор. Но когда я смотрел, я видел, что бездна без труда вычистит даже это страдание. Все сгладится и пропадет в ней,

все будет умыто ею, все будет предано забвению, и твоя беспощадная принцесса падет среди прочих помутнений. И хотя землистую тьму в конце времен назовут невежды светом, это не так важно – главное, что весь грех будет смыт и сожжен, и забыт, и окажется эхом игры...

Это было спето прежде, чем человек узнал о самой песне, о языке, которым можно ее произнести, или о шифре, который даст к ней разгадку. Все уже случилось, звук побывал всюду и давным-давно вернулся в пасть обратно, в совершенное молчание. Теперь...»

Инквизитор остановился. Мальчик услышал, как шелестит шелковая одежда принцессы, как Ее Высочество пересаживается, и вливается в сухую злобную руку черного человека, и шипит на него, как дикая голодная кошка, загнанная в угол:

– Что еще? Что чародей еще промолвил?! Он выдал сообщников? Сказал, кто среди баронов козни строит?!

– Нет, на этом слове он дух испустил. Он умирал еще несколько мгновений, но чувствительность его покинула. – Инквизитор с великой осторожностью и почтением отцепил пальцы принцессы, густо шелохнулась под нею мякоть одеял. – И голос он утратил. Змеиный рот его залила тишина, и тот, кто козни строил бесконечно, в пучину ада сброшен. Восслався, госпожа, и Господу молитву вознеси!

Некоторое время оба молчали, но слышалось учащающееся дыхание принцессы, и как пламя подкатывает к ее губам, и как она сдерживается, чтобы не завопить.

– Все рассказал ты понапрасну. Впустую тратил минуты этой ночи. Нет утешенья мне в твоих речах! – обжигаящим шепотом проговорила она. – Зачем мне слушать про его предсмертные бредни, раз заговор ты не раскрыл?! Предателей не смог ты привести на цепи в замок, и завтра кости их коты глотать не станут!.. А значит, паучьи козни ткать они не прекратят! Страх... Давний брат мой, – прерывающимся голосом добавила принцесса, отвернув лицо к оконной прорези, – продолжит в ночи тлеть, здоровье красть и молодость мою... Не принесет ни желтый, ни розовый восхода свет мне отдых. Ни в танце, ни в пиру я не забуду братца. Как долго в пустоту смотреть? Как долго уродливую ведьму видеть вместо лика светлого надежды?..

Мальчик услышал, как инквизитор улыбается, как медленно поднимаются и опускаются его плечи. Когда же он вздохнул, шелестнули кошачьи тени:

Герда с бароном Пушком одновременно отпрянули от границ теней, что скрывали их, спрятались еще глубже в невидимости.

– Великим королям и королевам благие вести приношу, хотя горьки они бывают: искореняя зло, я сею в душах царственных лучи надежды, но также опасенье пред грехом. Весь мир тому свидетель. И вам, миледи, я также весть принес от сердца, плоды работы к трону возложил, едва достиг покоев ваших. Йонас, чародей, клятвопреступник – мертв. Не радуйтесь, ведь дьявол нового слугу обрел сегодня утром, но знайте. И с волей Божьей я всех суду предам изменников. Неспешно выслежу, настигну, правду выясню – их удача временная шлюхой обратится и улизнет к восходу следующего дня, как повстречаюсь им. К торжественному воскресенью – тому, что ваше темя короной золотой украсит, разгладив тень тревоги, морщины испарив, – последний из предателей уж дух испустит, на дыбе скорчившись, а царство ваше, чистое, как дева, песнь воспоеет в тот день: «Славься, повелительница! Славься, – петь станут люди добрые, – славься, кошек изумрудных госпожа!»

Растерянно глядела на него красавица несколько секунд, словно чем-то он сумел на короткий миг поразить ее сердце, и болезненный страх чуть ослабил хватку.

– Велеречив ты... Заговор раскрой и принеси мне мир, инквизитор! – воскликнула, едва не плача, принцесса.

Мальчик услышал, как инквизитор кланяется и разворачивается, и как немой смех дрожит в его теле, когда Принцесса не видит его лица. Слух мальчика смог даже различать сердцебиение и хлюпанье крови в теле милорда. Обрел свой звук и рябой страх перед королевским безумием, которое ведет убийцу и вынуждает его ломать ступни и позвоночники жертв.

– Ее уж не насытить ничьей смертью, – прошептал он одними губами, а принцесса шипела ему вслед:

– Найди мне всех заговорщиков и убей! Найди и убей!.. – повторяла, пока милорд не покинул комнату, низко поклонившись напоследок.

Мальчик догадался, что вот-вот черный человек выйдет из покоев и заметит его, прячущегося. Он опрометью бросился к камину, однако не успел: инквизитор лязгнул за собой дверь и спешно пересек темный коридор. Впрочем, он прошел мальчишку насквозь, даже не заметив, и склонился над теплым тельцем, в которое все еще тыкался лбом котенок.

Медвежонок стремился ласково разбудить своего друга, чтобы еще поиграть. Завидев человека, животное бросилось наутек.

Инквизитор потрепал лежащего будто в глубоком сне вычесывателя по волосам.

Наблюдавший со стороны мальчик вцепился было в собственное тело, но напрасно: только звуки давались ему, а материя вдруг стала рассеиваться, словно в ней и не бывало порядка, а он сам никогда не имел с ней связи. Перед ним все начало убыстряться и закручиваться. Спираль добралась черным щупальцем сюда, и раскачивала реальное из стороны в сторону, рвала крепость пайки.

Звуков сделалось так много – он теперь мог услышать весь мир, но рвался сознанием только к сердцебиению любимого котенка. Ни за что не хотел он присоединяться к исполинскому молчанию, не ощутив еще хоть раз скребущееся в пушистой груди мурчание, ласковое и неторопливое. И он искал его среди лавины звуков, надвигавшейся со всех сторон. Маленький отважный кот, будто поняв, что мальчик не уходит благодаря ему, бросился навстречу, хотя лавина вот-вот могла накрыть их.

Они вцепились друг в друга, две незначительные ноты из всеобъемлющей песни. Сновидение сомкнулось, его рев заглушил любые мысли, кроме одной: «Я всегда буду тебя любить и защищать, Медвежонок».

И кот в благодарность замурчал, становясь последним из гаснущих для мальчика звуков. В огромном кошащем глазу, где все-все переставало быть, юный вычесыватель растаял, как и остальные воспоминания маленького пушистого существа. Потом, как и обещал чародей, тишина восторжествовала, будто никогда ее не перебивал скоротечный век человеческих царств.

9–14 января 2019 года

НИКОГО НЕ ВИНИТЬ

НИНИТА НЕМЦЕВ

Родился в 1997 году в Красноярске. Окончил Институт журналистики и литературного творчества, сейчас учится в РГГУ на филологическом факультете. Лауреат премии «Лицей» (второе место), публиковался в журналах «Знамя», «Алтай», «Полутона».

Специально развязал шнурки и ходил так – может, заметят, остановят, скажут? Жалкие надежды! Сёма ходил со шнурками навывпуск – спотыкался, падал, прыгал, падал опять – в мелкой оторопи дождей, в промозглой улице московской, смутной огнями, лужами склизкой: среди прохожих безликих, к чужим шнуркам безразличных, – как призрак в мясной лавке, – ходил мимо этих сизых и дымных, застрявших на своих орбитах, туда и сюда, по одной и той же улице, где только ночь и фонарь, а на аптеку денег зажали, вымачивал башмаки, убивал пимпочки на шнурках и совсем немного не плакал.

Никакой трагедией Сёма не был растоптан – все какие-то пустяки. В конторе (по продаже скрепок, затюханной) протянул начальству руку и сказал: «Здравствуйте!» – а его не заметили. Ехал в метро, уткнувшись в спасительную книжку Белого, решил уступить старушке место – а она не села. Заходил в школу проведать учителей – его не узнали. В столовой взял салат «Мимоза», а туда не положили майонез. Нашел на улице рублик – оказался девяносто первого года. Пытался срезать путь домой – уткнулся в забор: пробовал обойти – окатила машина. Хотел сходить в кино на добрый мультфильм – попал на фильм про холокост. Синий «Винстон» и творожные сырки не такие вкусные, как в детстве. От пальто оторвалась пуговица, а еще одна болтается. Стертые буквы все равно остаются в ка-

тышках резинок. Если вымыть тарелку – ее снова придется мыть.

Но самая гадость случилась сегодня. На работе у него – Настя. Сёма ей в любви признавался, а она сказала, что другого любит. На всякий случай Сёма еще пять раз признался (примерно каждый месяц повторял), а она все то же самое отвечала.

Говорили они только в перекурах. В общем-то, они не говорили, а молчали. Сёма иногда думал, что он, наверное, назойливый (поэтому не решался ее никуда, кроме перекуров, приглашать), но все равно каждое утро ждал ее шагов, ждал, как она появится – невероятная: вся в черном. В этот раз купил на самые последние гроши кислых червячков в мармеладном магазине: решил Настю угостить (этого бы вполне хватило, чтоб быть счастливым еще год). Ноги коллег сновали по офису. Змейка из скрепок не радовала глаз. Часы тикали, фальшивы. Насти все не было.

Горя дыханием, Сёма почти уже, еще совсем чуть-чуть, немножко – и вот-вот он будет решаться ей написать.

Вдруг – пришло СМС от Насти:

«Исчезни, гнида. Развоплотись, мать твою!»

И почти тут же:

«Извини, я не тебе».

Сёма тихо встал из-за стола, вышел в коридор, поднялся на глухую лестницу – почти к чердаку – лег на ступеньки и лежал там одиннадцать минут.

Он бы рад был собакой завять, рассмеяться истериком, ударить кулаком в стену, откусить кому-нибудь нос, сжечь сторублевую бумажку, стать коммунистом, бросить курить, – но его растоптанных, повешенных и закопанных чувств никто не видел (не считая камеры видеонаблюдения). Сёма развязал шнурки и пошел гулять под дождем.

Сёма кутался в свою исхудалую шинель и ходил. Он знал только улицу Дом – Метро – Работа – Дом: заплывающие дворы, повороты, проулки из разу в раз оборачивались заборами. Звезд не было. Неба не было. Сёма скучал по лужковской Москве, когда все было дико и первозданно: никаких строек, никаких заборов – тихая жизнь, тихая смерть. Мыкнулся в переулок без имени: какие-то пацаны пробежали Сёму чуть не насквозь. Сёма не обиделся – хотя, конечно, обиделся.

Зашел в какой-то двор, лег на мокрую – зарыданную – скамейку, где остался окончательно один. Тут ему что-то дернулось в уме, он медленно и тщательно выдохнул весь воздух из легких, зажал одной рукой рот, другой схватил нос – и просто перестал дышать. В груди что-то дергалось дикое, нос щекотался, в голове кто-то орал: просилось сделаться хоть что-нибудь: если не вздохнуть – то хотя бы проглотить слюну, дернуться, почесать глаз – ну а раз уже все равно слюну проглотил, то и вздохнуть мож... – воздух ворвался с неистовой мощью.

Сёма не сдавался, он пробовал четыре, пять раз – но никакой воли не хватало. На шестой получилось: умер.

Лежал покойный-покойный – пока мысли не затекли. Захотелось ужасно курить. Сёма встал со скамейки, поглядел по сторонам, бросил взгляд за плечо – и увидел, что тело продолжает лежать на скамейке. Сёма заорал:

– Ааааа!

– Чего кричишь? – сказал брызгливый полицейский с фонарем под глазом. – Ша, увезем.

Он просто, по-житейски, подхватил тело и закинул на плечо. Сёма задыхал громко-громко (кажется, все же оставалось, чем дышать; вообще, постмортем Сёма сделался похож на грифельный набросок).

– А дальше что? Закопаете меня? – вскричал он, хватая себя за голову, но руки проходили насквозь.

– У всего свой порядок.

Полицейский ушел, все так же пытая: труп на его плече показывал фиолетовый язык. Сёма постоял, подумал – и отправился искать продуктовый.

Ходить стало гораздо легче: в общем-то, Сёма не столько ходил, сколько летал. Он держал в уме, что

под землю проваливаться неприлично – и оставался сантиметром-двумя выше. Люди и стены не чинили препятствий. Воздух он не вдыхал, а ощущал всей пустотой своего набросочного тела.

В продуктовом попросил «Кэмел». Продавщица протянула пачку, но та провалилась сквозь руку.

– А. Вы уже? – Она нарисовала на чеке пачку.

Сёма ее взял.

Он гулял по Москве, растерянный: все-таки свернул с той улицы, что с фонарем и без аптеки, а тут оказывается – Староглинищевский переулок, синагога, парки, бары, Златоустинский переулок (Малый, Большой), Маросейка, аптеки, больницы. По пути встретил начальство: раскланялись, поздоровались, обнялись (официально, по-призрачному).

С карандашной сигаретой Сёма стоял у подземного перехода и не мог решиться – пройти по низу или сквозь машины? Его окликнула то ли нищенствующая, то ли попрошайничающая бабка:

– Да ты не стесняйся, милочка. Прямо сквозь землю.

– Прямо сквозь землю?

– Ей-ей.

Он пощупал прозрачным носком асфальт, завязал на всякий случай шнурки и стал спускаться. Наблюдал узоры пород, черноту пород, абсолютную черноту и такую черноту, о которой и говорить нечего. Когда Сёма спустился до ядра, ему живо отсалютовал мужик в черном спортивном костюме, с горящей бородой (со свисшими руками он отплясывал странный танец под электронную музыку, звучавшую из недр). Сёма догадался, что это он-то Землю и вертит, а никакие не белые медведи.

Не прекращая, мужик корчил рожи и улыбался. Сёма улыбнулся тоже – и вылетел на другой конец земного шара. Километра три еще пришлось лететь через воду, где мутно, скользко и противно, – зато Сёма видел кита, а еще медузу, которая оказалась ровесницей Христа: поиграли с ней в города.

Наконец-то – вылетел. Со всех сторон было пусто и сине. Сёма полетел на восходящее солнце – и оказался среди изумрудов и пыли Африки: подумал, клево бы сюда Настюху свозить, она любит юг (это то небольшое, что Сёма о ней все же знал). Полетел обратно.

Мужик с горящей бородой продолжал пляску: движения были круговые, с приседаниями и какими-то пассами руками. Сёма встал, посмотрел – и решился на вопрос:

– Что вы тут делаете?

– Пустяками пробавляюсь. А ты?

– Пока не определился. Времени мало прошло.

Мужик остановился и с грохотом расхохотался (недра тоже смеялись). Сёма поднял лоб недоуменно. Отсмеявшись, мужик все-таки проговорил:

– Времени же нет.

Сёма быстрее мгновения отлетел на поверхность – прямо на МГУ: везде, со всех сторон – голосили трубы, звезды валились, дама в солнце ходила по бульварам, луна мазалась красной помадой, кони носились, саранча лютвала, семиглавая тварь грозила хвостом из Москвы-реки, кто-то бил ее копьем – небо свилось как свиток, земля испарилась, все стало черное, потом белое, потом вообще не стало, потом снова стало (но непонятно только что – слово? мысль? дело?) – потом поделилось, потом еще поделилось – забегали электроны, закружили атомы, прошептался секрет апельсина, и вот уже бесплотный Сёма опять стоит на шпильке МГУ, созерцает Лужники с огоньками, борьбу желтого и фиолетового, и чувствует, как сквозь его бесплотные бока продувает ветер.

– И так, представляете, каждую секунду, – сказал ему кто-то снизу. В остром костюме, с ухоженными залысинами, небесными глазами и папиросой.

– Что – каждую секунду? – Сёма спустился на площадку пониже и закурил свою рисованную сигарету.

– Демиург. Остановится, рассмеется – а мир в лепешку. Потом опять собирается – ну и так далее.

– Каждую секунду?

– Каждую-каждую! Если обращать внимание, конечно. Вы, к слову, в этом тоже участвуете. Но тут главное не ударяться в солипсизм.

– Как это еще – участвуя?

– Вы ведь тоже Его часть.

Этот кто-то покачал головой с академическим видом и уставился в фиолетовую мглу подслеповатых звезд и раздетой луны.

– Почему все стали меня видеть? – спросил Сёма и сунул руки в прозрачные карманы.

– По правде, это иллюзия диалога. Вы просто слились с миром.

Сёма напряг весь свой эфемерный взгляд и уставился в чужие глаза.

– Кто вы? – спросил он.

– Ваш друг во сне и наяву. – Тот рассмеялся и прокашлялся. – Мы иногда спим вместе.

С довольно бесформенным, но все же напоминающим восторг чувством Сёма вспомнил шершавый томик серого цвета, который он читал-перечитывал и нередко клал под подушку.

– Андрей Белый! – воскликнул он.

– Да, душа моя. А впрочем, я схватил первый попавшийся образ. Но если вам так нравится – буду для вас Андрей Белый.

Дрожа прозрачными шагами, Сёма отошел чуть-чуть: он затаился и дымно задумался.

– А на самом деле вы кто?

– Никто. Такая же песчинка бесконечной Вселенной, как и вы... Я же верно понимаю, что... – Ветер перебил его резко. – Я говорю: вы направляетесь к своей Софии?

– К Настюхе, ага. Я ее с собой в Африку возьму. Она любит юг.

Белый цокнул и покачал головой:

– И опять мозговая игра? Опять быть сотканным из боли?

Бесплотный Сёма представил, как он сидит сейчас в Африке где-то на почте, в очереди – потеет, пьет воду, смотрит по сторонам на черные мокрые лица и хочет закурить настоящую сигарету (бумажные курились как воздух – должно быть, ему дали нулевку). И вроде бы – как-то противно: опять все вот это вот ощущать, дышать, хотеть, существовать... А с другой стороны – зато жизнь: пусть задрипанная и ничтожная.

– Я не могу по-другому, – проговорил Сёма нелепо (радуясь, что нелепо). – Я ее люблю.

– Вашу Настюху?

– Жизнь.

– А-а-а! Понимаю... Я-то думал, вы чтоб раствориться в пространстве...

– Что – чтоб раствориться в пространстве? – Сёма весь заколебался.

Андрей Белый почти улыбнулся:

– Убили себя.

Сёма бросился своими прозрачными кулаками на такого же прозрачного Белого. Тот сперва шутя уклонялся от бессильных атак, но скоро ему надоело, и он застыл пристыжаяще. Кулаки проходили жилет с цепочкой насквозь, луна бросала лучи и тени, тучи носились в припадке. Тут ветер загрохотал опять – страшный.

Вдруг Сёма понял, что ни в чем Андрей Белый не виноват, что его положение немногим-то лучше, что все это так же глупо и так же смешно, как и все, что было там – внизу.

– Вы... простите, – пробормотал Сёма.

– Ничего. Случается. Я сам был живой – тысячу раз... – Он взял часы, звякнув цепочкой. – А вам пора.

Ветер снова рванул хорошенько, Сёма запрыгнул в него.

– Не пропадите! – крикнул он фигуре на шпильке.

– Я постараюсь! – Белый махал рукой. – Увидимся в снах!

Сёма шагал, Сёма летел – раскинув руки, – и ночь обливалась ядовитыми красками. Мимо пролетали ведьмы на ведрах, духи, похожие на мимов (они показывали Сёме большой палец и кричали: «Молодцом!»), космонавты в немых скафандрах, светящиеся змейки. Сёма летел за воздух, прямо к звездам: приодетые, напудренные планеты уже гарцевали свой вальс, а Сёма летел – летел! Венера подмигнула и сделала реверанс, приглашая кавалера. Сёма пожал прозрачными плечами и весело крикнул:

– Извините! Я другую люблю!

Слова проглотил вакуум, но Венера поняла, улыбнулась. Все равно ее уже пригласил старик с лицом старухи. Оглядываясь, он, с сухой рукой, как-то кивнул – и до Сёмино сознания дошло: «Живой космос обожги». Сёма не понял, понял – и обжег. И вот – он уже не летит к ковшу Медведицы, Сёма уже сам звезда: он наливается жадным жаром, участвуя в пляске Вселенной: он теперь важная особа, он раздает всем свет! И он так счастлив, так счастлив – что мог бы исчезнуть!..

И тут он вспомнил.

Сёма бросил свои звездные дела, переоделся в призраче – и устремился обратно, быстрее, чем свет: он пронесся мимо оскорбленных планет, мимо надменного старика, мимо все так же курящего Белого, бросив на ходу:

– А еще есть сострадание!

Мимо все же долетевшего до слуха «Браво!», мимо Лужников и Кремля: прямо на Соколиную гору, к Настиному дому.

Потрескавшаяся хрущевка с пахнущим луком подъездом. Избитые повседневностью ступеньки. Подделка под японскую сакуру над почтовыми ящиками. Сёма не влетел прямо в квартиру: он послушно поднимал и опускал ноги над ступеньками, совсем как живой. Он занес палец над кнопкой звонка и – не решился: прошел дверь насквозь.

Он никогда не был у нее дома и даже не знал адрес (сюда его привела какая-то сила), он не мог представить, как она ест, как она спит, как она ходит в тапочках. Сёма не знал, где ее искать: глупо, но казалось, что в такой штуке, как дом, такого человека, как Настя, – быть не может. Он застал ее в кухне, в плюшевых штанах и спортивной майке (даже они были черные): она сидела над блокнотом и говорила затылком:

– Не потому ли я позволила тебе отречься от меня, что я прах из кости?

– Я никогда не отрекался, Настя!

Она двинула плечом (косточка подпрыгнула), что-то чиркнула и добавила туманно:

– Карандаш велик, а мир огромен... Не то!

– Настя! Это я, Сёма с работы!

Она обернулась – с естественностью ивы, вся как бы из цветов: с измученным морщинами лбом, бесстрастными страдавшими губами, отпеченным по-детски подбородком, самовлюбленным, едва курносящимся носом, каштановым клубком на голове (волос она не распускает) – строгая, неприступная, совершенная. Ее блестящий карий взгляд был вечен – он оглушал: Сёма проваливался в этот зрачок, пролетал заново всю Вселенную, был коридором из отражений, был всем Мирозданием, обнявшим Настю, был Сёмой, был ею, и видел, и понимал: Настя не видела Сёму – она смотрела, вскипел чайник или нет.

Болью тысячей крохотных ручек вцепилась в Сёму – и потащила назад: через окно, через Москву, через МГУ, планеты, галактики, время, пространство, не-время – воздух ворвался в Сёмины легкие кувалдой и порвал их в клочья и крик. Сёма разодрал свои веки: он был в угрюмом неизвестном дворе – лежал, на скамейке, в ночь.

Он сел. Жадно дыша, Сёма смотрел на свои ноги.

Специально развязал шнурки – и ходил так: может, заметят, остановят, скажут?

Ноябрь 2019 года

МУЗЕЙ ШКУР

СЕРГЕЙ НОСАЧЕВ

Родился в 1986 году в городе Чехове Московской области. В 2000 году поступил в Ленинградское Нахимовское училище, где отучился два курса. Окончил Московский государственный университет инженерной экологии. Срочную службу проходил в Носмических войсках.

После демобилизации несколько лет проработал на ракетостроительном заводе имени Хруничева. Одновременно учился в Литературном институте имени Горького на Высших литературных курсах. Репортер, теле- и радиоведущий. Сейчас ведущий на телеканале «ОТР».

В 2015 году вышел сборник рассказов «По ту сторону листа». Шорт-листер премии «Лицей-2018». Публиковался в журнале «Октябрь».

Масляно-черные кушетка и кресло густо блестя в белом свете ламп. Они стояли у свободной от книжных шкафов стены. Саму стену расквадрачивали разноформатные фотографии, глянцевые, пускавшие по всей комнате солнечных зайчиков. Из-за бликов большую часть снимков нельзя было разглядеть, но было понятно, что на всех работы Ангела.

– Чай-кофе? Коньяк? – Ангел положил руку Юре на плечо.

– Нет. Хотя... чай, если можно.

Юра виновато улыбнулся. Он пытался избавиться от холопского страха лишней раз кого-то напрячь. Ангел усмехнулся.

– Присядь пока. – Он махнул на кресло.

Юра раньше не бывал в тату-салонах, но здесь все казалось правильным, именно таким, как должно. Темные стены, мягкий желтый полусвет и рабочее место, высвеченное холодным белым. Оно горело, как сцена в концертном зале. Вот-вот выключат большой свет – и начнется представление. В зрительном зале книжных полок расположились черепа всех форм и размеров. С другой стороны, тату-салоном это место было только технически. Обычная квартира, огромная квартира, в сталинке, где Ангел заодно и работал.

Юра прошелся по периметру комнаты. Три стены закрывала интеллектуальная броня библиотеки.

Хребты книг, матовые и, реже, глянцевые, с тиснением и относительно новые, полиграфичные, широкие и тонюсенькие, в которые едва втиснулись серебряные полоски скоб, – они поднимались от самого пола до потолка. Белые поблескивающие черепа придавали важности и без того весомым томам.

Окно тоже было обрамлено шкафами – буквой П. Под подоконником чернела решетка батареи, изящно вписанная в эту гармонию вертикальных линий.

Юра вглядывался в корешки, шевелил губами, проговаривая фамилии писателей. Как выживший солдат на мемориале павшим товарищам, он читал фамилии и вспоминал лица, героев, сюжет, цитаты. Нет, это не его однополчане, скорее – генералы: династия Андреевых, Бабель, Куваев, редкий даже для государственных библиотек Кржижановский, Набоков, полные собрания Паустовского, Пастернака...

Рядом – стена со снимками татуировок. Черт, да как это вообще возможно? Татуировщик-интеллигент. Даже звучит... каламбурно? Странная эклектика. Но диссонанс быстро отошел на второй план, и Юра всецело погрузился в разглядывание татуировок. Работы впечатляли. Изящные, целостные, умело вписанные в анатомию картины в совершенно разной стилистике – цветные и черно-белые, гиперреалистичные, мультяшные, акварели. Наверняка каждая из них имела свое «отраслевое» назва-

Взгляд поглощал один рисунок за другим, отчего вскоре кожа по всему телу начала слегка зудеть в предвкушении – вот-вот и на ней появится нечто, что он еще долго вот так же будет разглядывать, только уже на самом себе, в зеркале.

ние – их Юра не знал. Взгляд поглощал один рисунок за другим, отчего вскоре кожа по всему телу начала слегка зудеть в предвкушении – вот-вот и на ней появится нечто, что он еще долго вот так же будет разглядывать, только уже на самом себе, в зеркале.

Раньше татуировка пугала Юру. Несколько раз он едва не набил себе – сначала якорь и штурвал в училищную бытность, когда валялся в госпитале с воспалением, потом то ли дракона, то ли бульдога на какой-то пьянке у подруги, где среди гостей был начинающий татуировщик, потом еще в армии... но каждый раз в последний момент он соскакивал. Приступы трусости вызывало слово «навсегда». Но сейчас он чувствовал необходимость внешнего атрибута, который повяжет тело и сознание, станет вектором мыслей. Он не видел конкретного рисунка – набор элементов, из которых хотелось построить нечто целостное.

В центре комнаты стоял огромный письменный стол. Без компьютера и ноутбука. Настоящий скелет динозавра – такой же огромный и архаичный.

Юра вдруг понял, что чересчур долго находится здесь один. словно Ангел намеренно дал время прочувствовать атмосферу студии, своеобразный аперитив. Это сработало. Юра усмехнулся.

– Ну, больной, рассказывайте!

От неожиданности Юра вздрогнул. Ангел, улыбаясь, поставил на стол поднос с кружками и сахарницей.

– Хочу татуировку, – растерянно пожал плечами Юра.

Лицо Ангела заострилось и стало почти дьявольским, зубы белели оскалом – он улыбался.

– Подробности будут или бьем на мой вкус?

Юра прокашлялся и пожевал губу. Хотелось сначала определиться с оплатой.

– Малов сказал, что... То есть... – Юра потупился.

Разговоры про деньги ему никогда не удавались.

Ангел наблюдал за этой миниатюрой, широко улыбаясь. Сузившиеся глаза, морщины у рта и заострившийся нос снова сделали его похожим на черта с детской иллюстрации.

«Черт-альбинос», – подумал Юра, глядя на соломенные волосы и белую футболку.

– Не тушуйся. Я могу поработать бесплатно, это правда. Малов дал тебе подробностей?

– Нет.

– Нет, – повторил Ангел и снова зловеще усмехнулся. – Ладно. Подробности позже. Одно из условий бесплатной работы – ты не сводишь, не правишь. Порывистых барышень я за так не татуирую. Поэтому скажи: зачем тебе татуировка? Жил же без нее.

– Сложно объяснить. – Юра пожевал губу. – Просто почувствовал, что ее не хватает. Что-то вроде способа присвоить свое тело.

– Ну вот. А говоришь – сложно. – Ангел удовлетворенно кивнул. – Какой рисунок, где?

– Этого пока не решил. Про место. Рисунок... тут тоже сложно. – Юра достал телефон. – Я тут подобрал... Но я не понимаю, как это все объединить. – Он протянул смартфон Ангелу.

Тонкие брови Ангела с каждой новой картинкой поднимались все выше и выше, еще немного – и они бы уползли с лица. Юре стало неловко. Он несколько раз переступил с ноги на ногу.

– Бык, чертополох, сова, кобра, пламя... – выпас в огне.

– Ну, может, что-то выбросить... – потупился Юра, но вдруг взволнованно затараторил: – Мне нравятся символы. Год змеи, телец. Сова и чертополох – это мистицизм. А змей просто люблю. Можно выбрать... Что удобнее.

– Мне нравится весь набор. Давай я сегодня порисую, а завтра ты ко мне заглянешь. Вечером. Сможешь?

Юра кивнул.

– Ну вот и отлично.

– А что по поводу...

– Завтра. Сначала соображу эскиз.

Спустя два дня Юра лежал на столе и обреченно восхищался тем, как Ангел разыграл комбинацию. Эс-

киз был невероятен. Огромная морда быка, сплетенная из гротескно-шипастых стеблей и листьев чертополоха, с розово-черными цветами вместо глаз. Трава оплетала корягу, ветки которой причудливо изгибались кривыми рогами. Вокруг рогов обвивались две кобры. Длинные языки из открытых пастей распространялись в пламя; в черно-оранжевом огне проступал силуэт совы, широко раскинувшей крылья и распахнувшей клюв в охотничьем визге. Юра долго водил взглядом по сложной композиции, и вскоре ему уже чудилось и огненное шипение змей, и совиный крик, и мерное дыхание ветра в кустарнике.

– Это очень круто!

– Спасибо.

– Но она... огромная.

– Хорошая татуировка должна быть большой.

– И куда?

– Спина. Или пузо-грудь. Что скажешь?

– Черт! Да! – Он не мог оторваться от рисунка.

Ангел улыбнулся. Юра краем глаза заметил лицо мастера и поежился. Захотелось никогда больше не видеть его улыбающимся.

– Тогда обсудим условия.

– Вы серьезно?

Ангел кивнул.

– Это же средневековое какое-то. Что-то среднее между инквизицией и нацистами.

– Тебе-то будет уже все равно. – Голос и лицо мастера переменялись, наполнились лаской и родительским вниманием.

– Да, но... – Он не знал, что «но». – Просто это мерзко.

– Опять же – тебе будет все равно.

Юра с тоской посмотрел на полотно эскиза.

– Это вообще законно?

Ангел пожал плечами.

– Ты задаешься ненужными вопросами. Подпишемся, заверим у нотариуса – и забудешь обо всем этом.

– Забудешь... Плохо представляю, как о таком можно забыть.

– Ладно, чего я тебя тут уговариваю. Мое дело предложить.

Ангел встал, давая понять, что дальнейший разговор ему не интересен. Юра сделал вид, что не заметил. Уходить он не собирался. В глубине души он уже дал согласие, а теперь нужно было вытянуть из него это «да» и подписать на сумасбродном договоре.

– А вообще, многие соглашались?

– Ты не представляешь. – Ангел снова присел на край стола.

– А тебе-то с этого что? Я моложе, и вряд ли ты меня переживешь.

Вот-вот Ангел станет его душеприказчиком, и выкать здесь уже не имело никакого смысла.

– Опять же, это моя забота.

– Черт. А если ты меня прибьешь? Чтоб не дожидаться?

Только произнеся эту смутную догадку вслух, Юра почувствовал простоту и неискривленную логику такого поворота событий, и прикусил губу.

– Я давно уже этим занимаюсь. До открытия музея я вряд ли доживу. Пока все снобы и попы наскандалятся... Расписки приведут в исполнение другие люди. Это шаг к вечной жизни, Юра, – рассмеялся Ангел.

– Ладно, – обреченно кивнул Юра. – Согласен.

Он спешно расчеркнул под самым странным документом, о котором когда-либо слышал. По этим бумагам после его смерти Ангел или его доверенное лицо имеет право срезать с Юриного тела фрагмент кожи с работой Ангела «с двухсантиметровым запасом по периметру для удобства дальнейшего экспонирования» в Музее татуировки Павла А. Краснова.

Вечером был обманчиво-радушный город с горящими витринами закрытых магазинов, Вероника, легкий ужин и невразумительный секс.

– Ты сегодня странный. Что-то не так?

Юра молчал слишком долго, отчего его «все в порядке» прозвучало фальшиво. Но обсуждать тут было нечего. Он мог рассказать сухие факты, но не объяснить, почему в итоге согласился на дурацкие условия и отчего они, условия, кажутся ему нездоровыми.

Он отчетливо представил себе смерть. Безапелляционную отсеченность себя, носителя мыслей и чувств, от остальных. Огромный мир, полный людей, мест, красок и звука, сменит тесная деревянная капсула, темнота и непостижимая в своей глубине и бесконечности тишина. Рай? Ад? Даже ад выглядит привлекательнее небытия. И если, да, черт побери, если ничего дальше нет, то его тело – единственное, что останется после. И может, не так уж плохо, что после похорон – в том, что это будет после похорон, Юра был уверен, – кто-то разроет могилу и вытащит его на свет. Ненадолго, но все же выудит тело из душного безысходного однообразия.

Всегда более теплое, чем его, тело Вероники показалось раскаленным. Оно неприятно согревало – жгло. Он осторожно отодвинулся, чтобы не касаться.

Когда закрыл глаза – снова, ярко: ночь, фонари, трое. Пар изотров и от разгоряченных лиц.

Земля, хоть и свежекопаная, но все равно успела уже смерзнуться, и работа далась нелегко. Им не хватает четвертого, чтобы легко выволочь гроб, но один – здоровый – накинул по ремню на каждое предплечье и пятится от вскрытой могилы, тянет не хуже, чем двое; парочка на другой стороне ямы, перешучиваясь, неспешно и слаженно выбирает ремни.

Гроб в свете фонарей. Монтировка со скрипом один за другим шелкает гвозди. Под белыми кружевами савана – бледное лицо, еще более мертвое в лучах светодиодных фонарей (или живое, если свет будет желтым. Да, лучше желтый, теплый свет). Рядом раскинуто покрывало. На него лицом вниз бросают тело, кривыми садовыми ножами спарывают одежду.

В луче света Ангел со скальпелем. Он был одним из тех двоих или дожидался где-то в тени? Скальпель проникает в тело на половину лезвия. Он аккуратно обходит рисунок, оставляя ровную белую полосу запаса «чистой» кожи.

Охотничий нож для снятия шкур.

– Мерзость какая...

– Заткнись и свети! – обрывает соучастников Ангел.

Десять минут спустя рядом с освеженным телом падает полотно кожи.

И снова – гроб, могила, рез лопат и стук окаменевшей земли. Свет гаснет. Темнота и тишина.

Юра вскочил с кровати, вышел на кухню и зажег свет. Воды? Нет. Света вполне хватило. Он отдышался.

– Ты чего? – Вероника, шурясь, вошла на кухню.

Ее голая грудь, трусики, обтягивающие округлую раздвоенность лобка, разлохмаченные волосы – все это было таким живым. Мысль о бессмертии, смутно знакомая с юности, наполнила собой Юру. Нужно было жизни. Прямо сейчас. Он подошел к Нике вплотную, опустил на колени и, целуя живот и ноги по-другому, стянул с нее белье.

К боли он постепенно привык. Но через пять-шесть часов она трансформировалась во что-то новое, стала невыносимой. Вся спина саднила, как обожженная. В кожу с сумасшедшей скоростью врезался гребень из пяти игл. Спасали только разговоры. Ангел оказался отличным собеседником с десятком историй на любой случай из жизни. В своих рассказах он умудрялся перебивать самого себя: начинал рассказывать об одном, но где-то иголка сознания перескакивала в соседнюю борозду, и рассказ о походе за грибами заканчивался раскапыванием танка в белорусских болотах. Но чаще

он говорил о женщинах. Их было много и таких незнакомых в своей раскрепощенности и похоти, что Юра даже не пытался скрыть зависти.

– А муж?

– Зашел на кухню, посмотрел на все это действо и вышел, прикрыв дверь.

– И ни мордобоя, ни развода?

– Нет. Обычно у таких странных союзов нет причин для развода.

Еще одной излюбленной темой была юность среди родительских друзей-интеллигентов и литературных деятелей средней руки, шпаны и бывших эзков.

– Раз шесть жену убивал. На это уже даже внимания никто особенно не обращал. Ментов, конечно, вызывали, но, скорее, по привычке. То душил ее, то голову чем-то пробьет. Один раз вываливается во двор весь в крови с огромным свиноежом в руке: «Я Наташку зарезал!» Скорая, менты, Склиф. Выходили. Шрам на полшеи. И не посадили ведь.

– Чем кончилось?

– Не знаю. Пропали куда-то. Квартиру продали. Наверное, продолжают давать концерты во дворах на окраине.

Юра пытался вывести закономерность между многопытным и разнообразным детством, инженерным образованием и теперешним шкурником. Но от боли мысли были нестройные, как будто не свои. Ангел выкрашивал одно место по третьему или четвертому разу, и даже самые простые размышления тонули в жужжании машинки и непрерывных уколах. В такие моменты Юра впадал в подобие транса. Он осознавал происходящее вокруг, но старался отменить это, спрятавшись в уютной темноте за глазами яблоками.

Там боль была визуальной – отдаленные красно-оранжевые всполохи, – и если внутреннему ему удавалось тоже закрыть глаза, она исчезала совсем. И тогда оставались только темнота, Пашин голос и музыка. Когда приходилось выбираться наружу и реагировать на байки Ангела очередной усмешкой, вопросом или попыткой что-то рассказать самому, снова появлялись обожженная спина и стрекотание машинки. Но и тогда мозг, искавший спасения от боли во всем, выкручивался. Он превращал Юру в слух, всецело сосредотачивался на музыке. Громкая, тяжелая – грохотание барабанов, визгливые гитарные рифы, гроул солистов – они давали совершенно другое спасение, диаметрально противоположное спокойствию. Это была музыка, от которой незримо росли мышцы. Мелодия переносила его в поле. В одной руке у него появлялся то-

пор, в другой – кружка пива. Лицо увлажняла роса. Сосредоточенный взгляд неотрывно всматривался в черную полосу леса впереди. Первые лучи рас- света – как сигнал. Вот-вот лесная чаща поползет на него полчищами безликих врагов, и он ринется на них... Ох, эта музыка! Наверное, чем-то подобным берсеркеры вызывали свою ярость. Он уже не бежал от боли внутрь себя, а выгибал спину навстречу иг- лам и иступленно беззвучно смеялся.

Сеансы продолжались, пока не уставал Ангел. Юра терпел не из страха показаться слабым – хо- телось поскорее получить свой страшный задаток и как можно раньше начать попытки на долгие годы забыть о расплате. Поэтому от Паши он уходил словно пьяный. После первого сеанса его лихора- дило. Ментоловый вазелин, обильно укрывший за- чаток рисунка, охлаждал так, что трясущиеся ноги едва попадали в асфальт. Чужая тяжелая голова с трудом управляла телом. По дороге он выпивал катастрофически много воды, как при отравлении. Приходя домой, садился в ванную и терпеливо сно- сил помывку от вазелина, крови и краски. Напо- следок, когда остатки пены были смыты, Вероника с минуту поливала горячую спину успокоительной ледяной водой. Мазь, повязка, обезболивающее – и Юра с легкой пустой головой валился на дурма- нящие свежие простыни и спал без снов. И так по кругу. Две недели он облазил, как змея, и силился не почесать заживающую кожу огромным кухонным ножом. Несмотря на боль и сложный обременитель- ный уход, все время заживления Юру съедало дет- ское нетерпеливое ожидание следующего сеанса. И после – снова боль, сон на животе и неудобные повязки из одноразовых пеленок на всю спину.

- Сегодня закончим пораньше, если ты не против. У меня еще есть кое-какие дела.
- Не вопрос, – чуть досадливо согласился Юра. – Ты здесь босс.
- Смешной ты. Можешь спорить. В конце концов, оплата-то внесена.
- Юра пожал плечами. Спорить не хотелось, да и не умел он требовать. К тому же у короткого сеанса были свои преимущества. Когда Ангел обмазывал его вазелином, всегда обильно, так в армии они ма- зали масло на хлеб – слой был толще самого ломтя, он чувствовал только легкий дискомфорт: голова не гудела, и от ментола не было озноба.
- По идее, осталось не так много.
- Припухшая кожа была перемазана кровью, крас- кой, и оценить степень законченности было сложно.

– Да. В общем, все. Через пару недель на доводку зайдешь, и все.

У Юры перехватило дыхание.

Ангел закончил с повязкой и вышел. Вернулся он с бутылкой коньяка и двумя стаканами; под мышка- ми он зажимал шоколадку и апельсин.

– Не-не, я пас, – отмахнулся Юра, но Ангел подмиг- нул и широко улыбнулся, отменив все возраже- ния.

К тому же спину немного саднило. И впрямь, чего отказываться?

– Давай. Немного.

Ангел вынул из кармана нож и прямо на зеркале лакированного стола разделал апельсин.

– Не жалко?

– Ерунда. Протру – и как новенький будет.

Громящая ножками по полу, Ангел придвинул к столу два полукресла и пригласил Юру сесть.

Они выпили. Юре не нравился привкус крепко- го спиртного во рту, и он жадно вгрызся в дольку апельсина. Живот уже час как урчал, поэтому алко- голь с фамиллярной легкостью ударил в голову; по спине пробежал приятный озноб, боль утихла.

– Ты же говорил, бухать нельзя.

Ангел ухмыльнулся и плеснул в оба стакана еще понемногу. Юра выпил снова и снова торопливо за- кусил. Словно в пику ему, Ангел пил иначе. Он долго причмокивал, не торопясь избавиться от обжигаю- щих остатков спирта во рту, неторопливо шелестел фольгой, разворачивая шоколад, и, закончив, звон- ко отломал и закинул в рот глянцевый прямоуголь- ник и с блаженным видом откинулся в кресле. Ангел прикрыл глаза. Было видно, что шоколадом он на- слаждается не меньше, чем коньяком, – топит его во рту, медленно раскатывая языком по нёбу. Юре тоже захотелось откинуться и, прикрыв глаза, отдаться опьянению, но он боялся задремать.

– Люблю это состояние. Когда не дошел до без- удержного веселья, но уже не трезв. Все легко и понятно. Стоит напрячься – и раскусишь ал- горитм бытия, раскроешь тайны вселенной... Все кажется таким осмысленным – каждое слово, каж- дая вещь. Хочется встать на колени, раскинуть руки и отдаться пробуждающемуся на задворках сознания.

Юра осторожно зевнул.

– Но мы выпиваем еще, и единение с миром об- рывается. Остаемся только мы и вещи... – Ангел восторженно, приподнялся и снова плеснул им коньяка.

– Не, мне хватит. – На этот раз Юра картинно зев- нул. – До дома не дойду.

Юра терпел не из страха показаться слабым — хотелось поскорее получить свой страшный задаток и как можно раньше начать попытки на долгие годы забыть о расплате.

— Уже налил. Давай по последней, и я тебе кое-что покажу. — Ангел улыбнулся своей фирменной демонической улыбкой.

В теперешнем состоянии она не казалась Юре отталкивающей, даже наоборот.

Ангел грохнул пустым стаканом о стол, хлопнул себя по ляжкам и встал.

— Пойдем.

Они прошли по длинному коридору. Юра, конечно, знал, что квартира немаленькая, но никогда не вступал в ее просторы. Как с океаном — одно дело знать и совершенно другое — оказаться на лайнере посреди всей его необозримой величины. Высокие потолки и двери, которых слишком мало для одного жилого помещения, и зловещие кованые подсвечники с черными немymi свечами; неяркий теплый свет был устроен как в галереях — направлен на картины, из-за чего потолок висел над головой чернеющим недвижимым покрывалом. Юра представил, как оживет это пространство, если погасить электричество и зажечь свечи.

Стены плотной чешуей укрывала живопись — пастель, графика, акварели, масло. Юра то и дело приостанавливался, запинаясь о какую-то из картин. Он не разбирался в живописи, но в каждой из работ было что-то необъяснимо живое, неуловимое: так мертвый отличается от мирно спящего. Цвета и свет врывались в Юру запахами и звуками, приковывали к себе. На каждой в уголке красовалась вычурная литера «А».

— Ты отличный художник... — Он удивленно уставился на Пашу.

— Спасибо, — усмехнулся Ангел.

— Не понимаю...

— Почему татуировка?

Юра кивнул.

— Деньги, слава и почет.

— Думаю, что хорошие художники неплохо зарабатывают. Да и не такие уж безызвестные.

— Назови хоть одного современного. Можно даже не только наших.

Юра задумался. Искусством он не интересовался. Тем более современным. То ли в нем не осталось чистых художников, то ли о них не говорят — одни инсталляции и перформансы.

— Бэнкси? — всплыло спасительное имя.

— Бэнкси, — рассмеялся Ангел. — Он не «хороший художник», он гений, новатор. Так вот, ты либо Бэнкси, либо эпигон, про которого быстро забудут. Поэтому искусство превратилось в помойку — каждый ваяет малопонятное дерьмо, творит сумасшедшие вещи, заботясь только о том, чтобы сделать это раньше других. Есть, конечно, вариант быть просто хорошим художником, о котором никто никогда не узнает, разве что пара десятков друзей и два-три искусствоведа, если повезет. Нужно быть первым. — Ангел излучал самодовольство.

— Музей?

— Музей. Шкуры, снятые с людей. Запреты. Суды. Но это только подогреет интерес. Рано или поздно выставку признают частью культурного пространства, а то и наследия. Ведь даже концлагеря стали музеями. А там с людьми и похлеще штуки вытворяли. И договоры никакие не подписывали. Хотели содрать кожу — сдирали.

От сравнения музея с концлагерем у Юры на мгновение ослабли колени. Вот что его смущало. Пренебрежение жизнью. Да, он умрет, но его тело — доказательство того, что когда-то он был, итог и символ минувшего бытия. И надругаться над мертвой плотью — это как сказать, что он не был никем. Как собака. Жил и издох. Можно бросить в канаву и не морочиться с копанием ям: «Ему-то уже все равно».

— Брось кривиться. Сделка уже свершилась, — без улыбки сказал Ангел. — Я не дьявол во плоти. Обычный комплекс бога. Все эти истории про живые портреты. Надежда не просто скопировать мир, а создать свой, живой, реальный. Надежда, рождающая страх. Если долго смотреть на хороший портрет или, скажем, нарисованную женщину со спины у окна, как одно время было модно, — в какой-то момент начинает казаться, что картина живая; под пристальным взглядом нарисованный человек словно сдерживается, чтобы

не улыбнуться, не шелохнуться. Сколько ни смотри – этого не произойдет, но ты не смотришь. Страх, что, может, становится в конце концов таким сильным, что ты холодеешь, отворачиваешься и сбегаешь подальше от жуткого полотна. Мистицизм хороших картин. А татуировка – это буквально живая картина. Ее питала кровь, и отпечаток этой жизни сохраняется навсегда. И впечатления зрителя от картины на спущенной человеческой шкуре удесят�еряются.

- Все ради славы?
Ангел ухмыльнулся.
- Ты в бога веришь? Неважно. Я – нет. Остается только то, что ты сделал до могилы. Жизнь, она только здесь. В этом мире. – Ангел постучал кулаком по стене. – Сумеешь забраться на страницы энциклопедий – значит, будешь жить дальше. Нет – тогда ты просто всю жизнь шел к тому, чтобы тебя жрали черви. Долго готовившееся блюдо для опарышей. И вся эта серьезность по поводу надругательств над мертвыми... А анатомические театры? Тогда люди были куда набожнее и все же – воровали трупы и разделявали на публике.
- Ну ты вспомнил...
- А Маяк?
Юра пожал плечами и покрутил головой. Они дошли до конца коридора и остановились у двери. Она отличалась от остальных – металлическая, без ручки, с кодовым замком на стене.
- Маяковский. Пришли ребята и тепленькому еще поэту вскрыли черепушку и вытащили мозг. Он еще в разряд мертвых толком не перешел, а его уже разобрали на запчасти. Да и вообще. Когда человек мертв, сделать с ним что-то еще более страшное уже невозможно. Потому что только смерть непоправима. Остальное – игрушки.
- Это все здорово, но меня убеждать не в чем. Будь у меня деньги, я бы предпочел другой вариант. Такой вот я ретроград.

Юре стало неприятно от самого себя. Ангел пожал плечами.

- Ну что, пойдём? – Ангел потыкал в писклявые кнопки панели замка, и дверь бесшумно скрылась в стене.

Юре стало не по себе. Обоняние уловило едва различимый запах, напоминавший то ли мастерскую сапожника, то ли обувной магазин с примесью чего-то больничного. Он поежился.

Ангел вошел. Юра в нерешительности прятался за укрытием дверного косяка, боясь даже заглянуть внутрь комнаты.

- Не бойсь, – подбодрил его Ангел.

Юра не был особо впечатлительным, и вряд ли ему грозили кошмары. Но не хотелось сдвигать грани нормальности. Ангел был прав. Голова работает ровно так: сначала шок, потом брезгливость, смешанная с интересом, и вот ты один из тех, кто не видит ничего странного в картинах на содранной человеческой коже. И этот запах. Мозг уцепился за него, и теперь казалось, что тот стал ярче, отчетливее. Где-то он слышал, что охотники специально делают себе ожерелье из зубов убитых хищников – медведей и волков, – одежду из их шкур. Что зверь чувствует запах мертвого сородича и боится напасть. Сейчас Юра верил в это как никогда. От запаха из комнаты пересохло во рту, а тело лихорадило. Юра сдержал рвотный позыв. Он решил, что не пойдет. Теперь осталось переступить через глупую деликатность и озвучить вслух. «Нет!»

– Ну? Идешь?

- Нет, – выдавил Юра. Стены не обрушились и даже картины на них не дрогнули, и тогда он повторил более уверенно: – Нет, извини. Не хочется. Здесь подожду.

Одно дело теоретически рассуждать о чем-то, предполагать, как это может выглядеть, и другое – ткнуться носом в факт, который уже ничем не отменишь. И Ангел из художника станет чокнутым кукольником-патологоанатомом. Он просто не сможет прийти к нему на последний сеанс. Чтобы утихомирить воображение, Юра уткнул глаза в картины. Но мысли не хотели лезть на эту тропинку, с ослиным упорством возвращаясь к недрам комнаты. Через пару минут Ангел вышел.

- Ну, как скажешь. – На лице Ангела странным образом читались одновременно самодовольство и разочарование. – Не думал, что ты такой впечатлительный.

- Молодой еще, – отшутился Юра, но улыбнуться не вышло.

Избавиться от мыслей о его «не его» татуировке, выделке человеческих кож, смерти и сопутствующем мрачном было невозможно. Липкие, как еловая смола, эти мысли могли отстать только от времени. Юра примирился с этим и решил, что раз все равно от них не уйти, стоит понять хотя бы, почему он напуган.

Во-первых, сам факт смерти. Как будто перед ним поставили песочные часы, которые точно знают, когда он отдаст концы. И когда кожа на спине начинала зудеть, заживая, этот зуд мнился чуть ли не знамением: торопится слезть с тепленького, чтобы не умирать вместе с телом.

Во-вторых, отсутствие весомых аргументов против. Он будет мертв, и это точка. Есть волшебный диснейленд с чертями и ангелами или нет – значения не имеет. Тело тут ни при чем. Ведь при любом варианте дальнейшее с телом не связано никак.

В-третьих, то, что мысли упирались всегда в религию, а рассуждать о боге даже мысленно было неприятно. Выкладки сводились к «есть» и «нет», тем не менее отрицание существования Создателя (даже мысленное) било по нервам. А если есть? Хотя какой-нибудь логики, кроме детского страха, за вариантом с богом не было. Но что, если есть? И тогда Он знает, что Юра тогда-то и тогда-то в городе таком-то по адресу... отрекся. А переживания за тело при большей важности души – так это вообще ересь. Тогда при чем здесь бог?

С того злосчастного дня, когда Юра поставил подпись на договоре, кабинет Ангела виделся ему совсем иным. Загадочная привлекательность множества книг, сокрытое в них больше не вызвали восторга и жажды дерзновенных открытий. Ведь книги можно было прочесть, познать, а в него уже пробралось что-то холодное, страшное. Вечное, что нельзя освоить умом – только почувствовать, испытать. Библиотека стала лишь задником. Его взгляд замыкался на черепах, расставленных по книжным полкам. Человечьи или звериные – они одинаково скрывали в себе это знание, хранили его отпечаток. Даже в самом закоренелом цинике при виде их начинал звучать тоскливый гимн вездесущей неотвратимости. Совсем не страшные, молчаливые внутри тела, вне его кости оживали. Они символизировали некий мост, соединявший жизнь и смерть, и он, казалось, уже перешел по нему через бесконечно глубокую пропасть, разделявшую два мира, но та сторона, как театральная сцена, была завешена непроницаемым тяжелым пологом. И Юра вглядывался в него, пытаясь уловить неуловимое, раздвинуть бархатную завесу, но никогда не обнаруживал искомого стыка, а только перебирал складки. И оголенные предводители мрачных мыслей злобно улыбались своими зубастыми ртами и пустыми глазницами. Для этого, видимо, они и стояли здесь – провоцировать мысли, а потом насмехаться над нелепостью слабого ума.

Хотя, может, все это только игра перепуганного разума, и черепа – символ познания. Знак того, что художник хочет стать совершеннее, научиться вписывать свою работу в чужое тело, как часовщик, вставляющий выскочившую шестерню на место.

Куда страшнее было думать о содержимом комнаты под кодовым замком. Спрятанное там уж точно

не оправдать жадой самосовершенствования. Но он мог только предполагать, что скрывается за бесшумно отъезжающей дверью. Это спасало, но в то же время питало глупое и ущербное любопытство.

Юра не чувствовал уже игл, раз за разом проходивших по одним и тем же местам. Мысли были больше. Комната пульсировала как живая, стены таяли перед глазами, становились прозрачной пленкой, за которой проявлялись смутные интерьеры комнаты-сейфа. И куда ни посмотри – ухмыляющиеся черепа и стопки шкур, украшенных, как ковры, – узорами, отдельными рисунками или целыми картинами, – ожидающие своего часа. Часть из них была растянута в стеклянных коробах витрин; они были подсвечены, как картины, а внизу белели аккуратные информационные таблички: название, модель, автор и год. Из причудливого видения вырвал Пашин голос.

– Ну вот. Все.

Юра встрепенулся. Ангел распылил на спину прохладу мыльно-спиртовой смывки, протер кожу от потеков смеси вазелина и краски и нанес свежий слой вазелина. Юра поежился.

– Щас замотаемся – и все. Заживешь и станешь гордым носителем.

– Я дозрел до твоей тайной комнаты. Если не передумал.

– Напротив. Ждал, когда ты передумаешь, – усмехнулся Ангел. – Домотамся – и свожу.

Дверь отъехала, и у Юры перехватило дыхание. Он снова почувствовал запах выделанной кожи и каких-то химикатов. Дыхание перехватило, как если бы он стоял голый над парящей прорубью. Но это волнение – своего рода предвкушение последующей почти библейской легкости тела и мыслей. Нужно было только войти, окунуться, проплыть... И он шагнул за порог.

Только он вошел в комнату, как тут же едва не выпрыгнул обратно спиной вперед. Манекены. Их было штук шесть, в шахматном порядке расставленных в вертикальных шкафах просторной комнаты. Он старался не смотреть на них прямо, ловил краем глаза, расфокусируя зрение или сосредотачивая взгляд на невинных деталях.

Музейность зала отчасти успокаивала. Никаких стопок из кож здесь не было – все очень эстетично и аккуратно. Так же согревал и призывал к тишине мягкий свет, кололи глаза отблески стекол витрин, резонирующих от шага. Кроме вертикальных шкафов по центру, периметр комнаты обрисовывали горизонтальные застекленные столы, как в энтомологиче-

ском музее. Большинство из них пустовали; на некоторых в уголках белели прямоугольники с описанием. Все бы ничего, но именно от этих благообразности и цивилизованности бросало в дрожь. Слишком нездоровой была эта экспозиция, ненормальной.

Юра нерешительно подошел к первой витрине. Та оказалась пуста, и он продвинулся на пару шагов к заклеенной прямоугольником с текстом. На ней лежал пожухлый измятый лист кожи. С него смотрело изящное женское лицо с поднятым забралом маски-черепа. Вздернутый носик, благородные манящие черты лица и зловеще нависший над всем этим пустоглазый череп. Ее волосы разлетались перьями, обрамляя лицо и делая границу татуировки неровной, свободной. Вглядываясь в живые глаза и точность линий, Юра на секунду забыл, на что именно смотрит. Осознав – вздрогнул.

Он переходил от витрины к витрине, каждый раз отшатываясь, но мгновением позже вновь приближаясь. Некоторые татуировки захватывали своей выдумкой и изяществом исполнения, и он едва не прижимался к стеклу, чтобы рассмотреть получше. Он не читал сопроводительных листов. Не мог. Точное знание, имя того, кто носил рисунок при жизни, – прочитав такое, Юра бы не выдержал и стошнил... или сбежал.

Наконец он решил осмотреть манекены. В центре зала стоял законченный. Настоящий кожаный костюм – от макушки до пальцев на ногах – весь был покрыт рисунками и надписями. Нити швов соединяли кожу так ловко и аккуратно, что выглядел костюм содранным с одного человека. Только едва заметные полоски «чистой кожи» на швах выдавали разобщенность, отдельность большинства кусков. Грудь, спина и голова определенно принадлежали кому-то одному. Юра представил себе освежеванное тело, как в кабинете физиотерапевта – красно-белое, разлинованное канатиками мышц и сухожилий, с живыми смотрящими прямо на тебя глазами, и едва не потерял сознание.

– Ты в порядке? – спросил Ангел.

Юра обернулся и хотел ответить что-то патетичное и честное, но лицо Ангела выражало только насмешливое самодовольство, и Юра молча кивнул.

Юра вглядывался в рисунки, и в нем росло неясное беспокойство. Сперва он не обратил на это внимания – слишком уж разнообразную палитру эмоций вызывала экспозиция. Но чем дальше, тем увереннее беспокойство оттесняло брезгливость. Болезненное любопытство, животный страх, пробиравшее через десятки гомонящих голосов, выбиваясь на первый план.

На следующем манекене были закрыты только отдельные части – икры, плечи, грудь и верх спины. Куски кожи были пришиты к кукле швейными булавками. Напоминало старые латы времен Римской империи. «Где-то ведь гуляют еще живые части для этого костюма... Или они только в планах?»

На следующем манекене была полная спина и правый рукав с пальцами. Ровную пустоту бежевого пластика ног и спины делил на сектора разной площади неумолимый черный пунктир. В нескольких местах стояли буквенно-цифровые маркировки. Он вдруг понял, что его беспокоило. Викинги, оборотни, медведи, изящно и натурально отрисованные механические части под содранной якобы кожей, киногерои, небольшие олдскульные пистолеты, птицы и цветы, даже орнаменты – от всего этого веяло сегодняшним днем. Это были простые тату, какие можно увидеть на пятидесяти-шестидесятилетних мужчинах. Рисунки предполагали молодость. И вместе с этим пониманием пришло другое – он скоро умрет. Ему грозило не касание рока и вечности, а совершенно вещественный камень, разбивающий его череп, или холодный острый нож, с пугающей легкостью проникающий в его живот. Ангел не станет ждать, а просто прикончит его, как прикончил всех этих, носивших когда-то его рисунки на себе. На одном из следующих манекенов на ограниченном пунктиром пространстве наверняка уже нанесена маркировка, обозначающая его, Юру. От этой мысли ему стало на удивление легко. Ясность тело принимало лучше домислов. С ясностью можно что-то делать. Он попружинил на носках, повел плечами, свел лопатки, чуть прогнув спину, и звонко хрустнул позвоночником. Только сейчас он заметил, что крепче Ангела и почти на голову его выше. Да, когда все ясно, можно что-то делать.

– И какой номер у меня? – бесцветным голосом спросил он Ангела.

Ангел только рассмеялся.

ЧЕСТНАЯ ИГРА

Лифт судорожно дернулся, готовясь распахнуть двери, и Михаил привычно натянул на растерянно-отрешенную физиономию обыденное выражение перманентного недовольства. Ритуал этот был связан с тем, что Михаил Афанасьевич действительно большую часть времени был раздражен окружающим.

С порога он нахмурился еще сильнее. В прихожей, как и неделю назад, валялись пакеты из-под чего-то и с чем-то. «В этом доме все вечно валяется, потому что ни у одной вещи нет своего места!» – в который раз подвел он черту под очевидным. Он все ждал, что этот свинарник начнет хоть немного заботить его подругу, но Кристина сама валялась среди баракла на диване перед телевизором.

– Привет, милый! – не вставая, поздоровалась жена. – Ты чего суровый?

– Ничего.

Начинать разговор, который они имели уже несколько десятков раз, сегодня не хотелось. Михаил решил удовлетвориться внутренним монологом: «Негласные правила организации быта. Если ты женщина – будь добра держать жилье в порядке, приходя с работы, вставать за плиту, чтобы накормить мужа. Тогда все будет в порядке. Но нет! Я слишком устала, чтобы вставать с дивана, и налить себе чай, но сил хватит на полуторачасовой секс или выяснение отношений до четырех утра!»

Пролистав этот небольшой список причин домашнего негодования, Михаил разделся. Он аккуратно повесил куртку на плечики, поставил ботинки в обувную полку и стал экспрессивно рыскать в ее, полки, окрестностях, ища свои тапки: куда бы он их ни ставил, уходя на работу, к вечеру они исчезали. – Ой, ты тапки ищешь? Я обула. Роро сбросил кружку со стола – тут везде осколки и липко.

Михаил обошел кухонную столешницу. Ступать приходилось осторожно – осколки, припаянные к полу сладким чаем, все еще окружали стол. На несколько секунд он оторвал взгляд от пола и с укором глянул на Кристину. Она невозмутимо валялась среди подушек, пледов (во множественном числе!), шмотья и подносов с кружками (тоже во множественном числе). Он отметил, что во всем этом бедламе она смотрится органично. Полноценная часть баракла. Одним глазом Кристина таращилась в телевизор, другим – сосредоточилась на переписке в мобильнике. Операция была сложной, поэтому от напряжения она даже закусилась язык.

По этой причине его взгляд заметили не сразу. Пришлось подождать.

– Я сейчас все уберу!.. – встрепенулась она, но с дивана не встала.

Михаил нашарил в кармане ключи. О ногу уже терся Роро – жирный котяра, считавший квартиру своим персональным луна-парком. Единственное

место, куда он никак не мог попасть, – всегда запертый кабинет Михаила.

Михаил отпнул кота, отпер дверь, вошел в свою комнату и спешно закрылся. Только здесь он чувствовал себя как дома. Чистота и порядок. Все вещи на своих местах. Книги на книжных полках, документы в столе, одежда аккуратно развешена в шкафу. Даже трусы, носки и футболки лежали в трех разных ящиках. Это был уютный мир с границами и жестким укладом.

Стоя под душем, Михаил привычно перебирал раздражители, накопленные за день. Несколько дураков на дороге, непонятно как получившие права. Больше всего раздражали именно водители. Как будто правила дорожного движения – это нечто вроде Библии: можно назвать себя агностиком и творить все, что душе угодно...

О работе вспоминать вообще не хотелось. Ощущение, что всех там набрали по объявлениям. Марина два часа правила статью на три тысячи знаков. Это же нелепо! Она читает со скоростью второклассника и так же шевелит губами! Как может работать редактором женщина, которая делает ошибки в слове «мясной»? И она! редактирует его! тексты... При капитализме успеха добиваются самые способные – ага, как же... Нужна жесткая система власти, нужно всех приструнить – от лезущих к врачу без очереди до чиновников с их детьми, которым закон не писан.

От обилия пара в душевой, злости и умственного напряжения, постоянного спутника носителей спасительной истины, у Михаила потемнело в глазах. Он завернул горячую воду и полил затылок холодной. Отпустило. Покачиваясь от остаточного головокружения, он еще немного постоял под холодным душем. Горячая вода расслабляет. Холодная – закаляет тело, а с ним и дух. Это истина и правило, а правила Михаил очень любил.

В постели он холодно пресек Кристины липкие приставания. «Не заслужила». Хотелось поскорее заснуть, но всеобщее несовершенство утыкало сознание занозами, которые разом решили загнать его. Его подрезали на дороге, лезли в двери лифта, не дав ему выйти, заставляли смотреть на рабочего, который клеил обои от двери к окну, когда все знают...

«Не так! Все не так! Господи! Как тут уснуть?» Несколько раз он выходил на кухню – сделать глоток остывшего чая – и, набравшись сил на новую попытку, возвращался в кровать и пытался заснуть.

За много лет в Михаиле скопилось огромное количество «не-так-ов». Но именно в эту ночь к ним

добавился решающий десяток. И тело Михаила вдруг сработало не так.

Он очнулся от холода. Сознание вернулось раньше, чем силы открыть глаза, из-за чего открывать их стало страшно. Сперва он почувствовал запах. Очень похожий на больничный, но все же другой. Кунсткамера, хирургия?.. Не то. Он узнавал только оттенки, но пахло совершенно по-новому. И запах этот был страшен.

Михаил слышал, что лежит в просторном месте, настолько звонком, что даже полная тишина здесь звучала.

Наверное, все стены, как в туалете, покрыты глянцевым кафелем.

Он мысленно ощущал тело. Лежит на твердом и холодном, накрыт простыней... Это шутка?! Он открыл глаза и тут же зажмурился. Никаких шуток. Сквозь окна без штор свободно и густо лил свет луны, яснее, чем днем, вырывая главные детали помещения: сияющая стена холодильника, стол в центре комнаты и несколько раковин. Он пошевелил пальцами ног. Левую ступню щекотнула бирка.

Нужно бежать. Определенно и точно. О чем тут думать? Но он оцепенел и не мог пошевелиться. Изошренная попытка сознания – сковать тело и транслировать на экран захлопнутых глаз жуткие картины с мертвецами. Наконец он собрался и соскочил с каталки. Ему показалось, что этим прыжком и ограничился его путь до двери.

В коридоре стало спокойней. Он обернулся простыней, как в бане, и пошел искать, кому можно доложить о вопиющей ошибке помещения его, живого, в морг. Коридор с обеих сторон оканчивался закрытыми дверями. Но за правой горел свет. Из одного коридора Михаил попал в другой, такой же длинный и по-больничному постный. Правда, здесь среди ниш с дверями была стойка дежурной медсестры. Издалека показалось, что за ней никого нет, но когда он подошел ближе, оказалось, что дежурная просто спала, уложив голову на руки и укрыв лицо крылом иссиня-черных волос.

– Кхе-кхе... – деликатно прокашлялся Михаил, переминаясь с ноги на ногу – пол был ледяной. Медсестра продолжала спать. – Ну это уже... Дамочка, а ну-ка вставайте! – прикрикнул Михаил, а для верности потряс девушку за острое плечо.

Медсестра вскочила и в страхе отпрянула, едва не кувыркнувшись через стул. Из них двоих девушка больше его подходила на роль постояльца морга: бледная кожа обтягивала худощавое лицо, слишком уж подчеркивая все анатомические особенности

черепа. Обильный черный макияж на глазах и губах усиливал эффект.

– Вы кто?

Михаил замешкался с ответом. Ситуация необычная. С чего начать?

– Эм... Я проснулся в вашем морге. Не понимаю, как попал сюда. Очевидно, меня привезли по ошибке. Я ведь живой. Вот. Я замерз.

Девушка сурово посмотрела на Михаила.

– У нас серьезная больница. Никаких «по ошибке» быть не может. Минуту.

Она взялась листать журнал регистрации.

– Да, вот. Видите? – Она протянула разлинованную вручную амбарную книгу и ткнула в строчку 137. – Освидетельствование проводил сам Вениамин Борисович. Ошибки быть не может. Если Бублик сказал «мертв», значит, так и есть.

– Бублик?

– Вениамин Борисович Бублик, – кивнула девушка. – Очень серьезный человек. Профессор. Светило. Так что отправляйтесь обратно в морг и не мешайте работать.

– Но позвольте! Я же живой!

– Не выдумывайте! И не кричите! Пациентов перебудите.

– Что значит – не выдумывать? А какой я, если не живой?

Девушка мечтательно закусила губу.

– Возможно, вы зомби. Снимите простыню. Ну! Снимите, снимите!

Растерянный Михаил подчинился.

– Ну да, смотрите сами.

Михаил опустил глаза и ужаснулся: на груди и животе чернели огромные полосы резов, заштопанных заливчатскими широкими стежками.

– Что же это... – Михаил пытался от стойки, а когда уткнулся в стену, съехал по ней и шлепнулся голым задом на пол.

– Ой, не волнуйтесь вы так. – Девушка заметно оживилась и потеплела к нему. – Умерли. Ну, с кем не бывает? Пойдемте, я вас уложу. Не стоит вам вот так вот по коридорам разгуливать. Еще увидит кто – заполучите себе соседа. Давайте прикроем вас. Ну же, вставайте!

Михаил медленно переставлял ноги, то и дело повисая на медсестре, оказавшейся на удивление крепкой.

– Поверить не могу! Я работаю здесь всего неделю, а уже такое! Фантастика!

Она продолжала восхищенно вскрикивать, и когда они вошли в морг, Михаил отметил, что теперь

это место не нагоняло жути. И дело было не в его спутнице. Просто чего ему бояться мертвецов, раз он сам – один из них?

Медсестра увлеченно повествовала о своих тайных пристрастиях к мистике и кладбищам.

– Там так тихо и красиво... – Девушка мечтательно закатила глаза. – Особенно в глубине, где в зарослях прячутся неприметные старые могилы. Однажды мы даже пробовали провести ритуал.

– Да неужели... – без интереса вставил Михаил.

– Да-да! Представляете?! Глупость страшная. А ведь верили, – рассмеялась медсестра, но тут же заострила лицо серьезностью. – Не то чтобы я сейчас не верю. Но разве можно всерьез рассчитывать воскресить мертвеца текстами из книги, купленной в книжном? То-то и оно...

Михаил тяжело вздохнул. Навязчивость медсестры и ее неутешимая болтовня раздражали. Сам он думал только о том, как быть с работой. Его материалы наверняка передадут другому корреспонденту, а там ведь сюжет про «Вихрь»... И без того ледяное тело покрылось острыми мурашками. Отдадут наверняка Васькиной. Она ведь ни черта не смыслит в технике, и в интервью с конструктором много пробелов... Все особенности они обсуждали за кадром. Учитывая уровень и способности Васькиной, из сюжета в лучшем случае будет понятно, что эта штуковина может ездить и стрелять. Михаил схватился за голову. Его комната... Кристина моментально устроит там мемориал и станет пускать туда своего ужасного кота, и все будет в шерсти... А его вещи? Она же будет рыться в его вещах, а там столько личного... Боже! Она же будет организовывать похороны! Наверняка соберется кудла ее родственников, и обязательно припрутся эти трое дегенератов – ее двоюродные братья. И родители улетели. Если не успеют вернуться, некому будет отогнать от могилы стонающих и молящихся подружек ударившейся в религию бабули... И она против кремации, а значит, он будет медленно гнить в компании червей... И кладбище. Он приметил местечко под раскидистой березкой в Шатуре, рядом с дедовской могилой. Кристина наверняка захочет закопать его поближе, чтоб в любой момент можно было приехать и поголосить над его бранным телом. А то еще поставит урну дома. Роро обязательно ее расшибет и нагадит...

– Нет! – Михаил с креном прыгнул с каталки.

Медсестра попыталась удержать его за руку, но он вывернулся.

– Нет! Нельзя! Ни в коем случае. Я не могу быть мертвым. Это слишком... – Он быстро шагнул по

моргу туда и обратно. – Нужно сперва утрясти... Похороны, и работа. Нужно завешание. Да! Завешание. Распишу все в завешании. Принесите бумагу!

Медсестра осторожно, с ласковой улыбкой двинулась к нему, слишком заблаговременно растопырив руки то ли для объятий, то ли для захвата.

– Ну-ну, успокойтесь. Без вас разберутся. Идите, идите ко мне.

С материнской нежностью она обняла Михаила и погладила по спине. Ее руки были успокаивающе теплыми, и Михаил послушно двинулся обратно к своему предпоследнему ложу.

Медсестра придвинула стул к изголовью и стала гладить усопшего по голове, как мать, укладывающая температурающего ребенка. Тревожность немного отступила.

– Не переживайте. Ни о чем не нужно волноваться. Все без вас сделают.

– Вы не понимаете, – уже совсем спокойно ответил Михаил. – Они все сделают не так.

– Ну с чего вы взяли? – Медсестра облокотилась на каталку. Ее лицо оказалось так близко, что дыхание неприятно жгло щеку.

– Потому что именно так они обычно и делают! Как бог на душу положит!

– Думаю, вы преувеличиваете. – Медсестра чмокнула его.

– Нисколько.

– Тогда зачем окружили себя такими людьми?

– О! – усмехнулся Михаил. – Это не я... Дело ведь не в конкретных людях, понимаете? В отсутствии централизованности. Какая-то всеобъемлющая бессистемность – в воспитании, образовании, вообще во всем. Раньше все было строго, всегда были правила – гласные или негласные, этикет, в конце концов. Сейчас – нет. Все, что не нарушает закон, – можно. А если никто не видит, то можно и нарушать; там чуть-чуть, здесь немного... В результате – всеобщая расхлябанность, заразившая даже старшее поколение. Хаос! А завешание – непреложный алгоритм; ни шагу в сторону!

Медсестра задумчиво жевала губу, ища, что ответить. Михаил наслаждался произнесенной речью и произведенным эффектом. Но радоваться пришлось недолго.

– Знаете, странный вы.

– Это еще почему?

– Вот, жалуетесь, что все вокруг не так, не по правилам, а ведь сами такой же.

Михаил от удивления приподнялся на каталке.

– Да, да. Сами посудите. Вот вы умерли. Но вместо того, чтобы как должно лежать себе тихонечко до погребения, вскочили, начали требовать, спорить... И ведь, кроме вас, никто себя так не ведет. А я уверена, – глаза медсестры снова заволокло романтической пеленой, – что вы здесь такой не один. Но все лежат себе тихонечко, не пискнут...

Михаил раздосадовано откинулся на каталку и подтянул простыню к подбородку.

– А ведь вы правы... – Он нахмурился и закрыл глаза.

Медсестра потрясла его за плечо. Труп не реагировал.

– А все-таки, ответственный человек! – с восхищением она поцеловала тело в лоб, вернула стул на место и пошла к выходу.

Щелкнул выключатель, и морг снова наполнило бело-голубое свечение из окна. Девушка немного еще постояла в дверях, глядя на Михаила, вздохнула и заперла дверь морга на ключ.

«ТАТ-НЕФТЬ»

МАРИЯ МОНЕЕВА

Родилась в 1993 году в городе Хотьково Московской области. Окончила Институт журналистики и литературного творчества. Финалист премии «Лицей» (1-й сезон). Рассказы публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя» и «Грани». В настоящее время живет в Мытищах.

Алексей не верил в стабильность и каждый день листал новостную ленту в ожидании девальвации рубля или объявления военного положения. Не верил батюшке, телевизору, современной медицине и гневался при словах вроде «антиконституционность» или «бюрократическая машина». Он был уверен только в надежности немецких автомобилей и незаменимости фирменной изолянты. Недавно у него появилась и другая отрада, которая указывала путь, как маяк, и обещала приют всем странникам, – заправка «Тат-Нефть» на Новоугличском шоссе между деревнями Запольское и Селково. Только здесь, в чистоте и уюте, в кафе с национальной кухней и вежливым персоналом, он чувствовал себя человеком. Особенно ему нравилось, что в туалетах были одноразовые салфетки для сидений унитазов, мощная, как ветер перемен, антибактериальная сушилка для рук, отдельная роскошная кабинка для инвалидов. В кафе были кожаные кресла, на парковке бесплатная подкачка шин – все это казалось ему невероятным проявлением человеколюбия.

Как обычно, Алексей выехал рано утром, чтобы успеть до пробок. Было шесть сорок, но он все-таки застрял из-за ремонта дороги возле мемориальной ракеты «Восток». В год его рождения на космодроме Плесецк во время запуска такой ракеты прогремел взрыв, погибло почти пятьдесят человек. Стоя в пробке на въезде в Королев, Алексей вспомнил об

этом и представил себя рядовым, помогающим на последней «заправке» перед стартом. Вдруг вспышка, грохот и тишина... Так ли это было? Он попытался вообразить себя спасателем, рвущимся сквозь клубы горящего топлива на выручку товарищам, но не смог. Таким он был: не смелый и не глупый. Поэтому и с его полулегальной автомастерской, набитой полуживыми «мерседесами», дела шли то хорошо, то плохо: клиентов много, а вот с полицией не всегда удавалось договориться.

«Я тут прям душой отдыхаю, – думал Алексей, сидя в кафе своей любимой “Тат-Нефти” и жуя эчпочмак, разогретый пирожок с бараниной, – может, если бы татары победили, мы бы жили в нормальной стране? Там, где не выбрасывают ветхие диваны с балкона, не вскрывают гаражи ради детского велосипеда, не воруют средства через госзакупки. Это, конечно, были, скорее, монголы, но ведь китайские хронисты всех кочевников Великой степи называли татарами...» Он огляделся и снова удовлетворенно заключил, что на заправке полный порядок: натертые до блеска кофейные автоматы, аккуратно завязанный фартук у татарочки за кассой, на плазме мелькают блюда и крупно написаны цены бурексов, вакбалишей и бекенов. Есть отдельный стенд с полезными вещами для походов: аэрозоль от комаров, складные ножи и даже фляги для воды. Ему эти приспособления, правда, не нужны, он ведь

У него были любимые блюда: куриный суп, наваристый и сытный, эклер с шоколадным кремом, двойной эспрессо с одной ложкой сахара. Но в то же время перед ним стояла задача попробовать все, что предлагает татарский храм благоденствия тому, кто засиделся в машине. Он многое успел: и грибной крем-суп, и азу, и баурсаки, распробовал тыкмач, бурчак-шурпу и «татарский хворост», оценил блинчики на катыке и кулламу.

едет по работе, по сути, просто возиться с бумагами, но кому-то из проезжающих этой дорогой туристов такой набор может очень пригодиться. Как хорошо придумано!

В Калязин из Китая по железной дороге везли запчасти для устаревших моделей «мерседесов». В Москву их транспортировали уже небольшими партиями на неприметных грузовиках, чтобы уклониться от налогов. Так делал и Алексей. Каждую субботу он проверял детали и подтверждал заказ у калязинских посредников, а в понедельник получал запчасти в столице. По пути каждый раз останавливался на «Тат-Нефти».

У него были любимые блюда: куриный суп, наваристый и сытный, эклер с шоколадным кремом, двойной эспрессо с одной ложкой сахара. Но в то же время перед ним стояла задача попробовать все, что предлагает татарский храм благоденствия

тому, кто засиделся в машине. Он многое успел: и грибной крем-суп, и азу, и баурсаки, распробовал тыкмач, бурчак-шурпу и «татарский хворост», оценил блинчики на катыке и кулламу. Горячий бараний бульон с кружочками моркови и кубиками сельдерея. Десерты.

Управляющий с татарской фамилией приметил постоянного посетителя и временами интересовался, как он поживает. Для Алексея это было очередным подтверждением идеальной организации всего, что происходило на заправке. Он все чаще думал о «Тат-Нефти» как о храме, где верят в целебную силу тишины, вежливости и чистоты. Не нужно слушать речь проповедника, чтобы проникнуться этой верой: все, что требуется, – это сходить в сияющий туалет и заказать суп и кофе с булочкой. Однажды какая-то клиентка, карикатурная дама, вся в розовом и блондинка, устроила истерику: стала кричать и требовать, чтобы ее скорее обслужили, потому что она торопится. «Вы как будто назло!» – сказала она Алексею, который стоял перед ней и неторопливо выбирал начинку для пончика. Все недоуменно покосились на нее с упреком: какое возмутительное поведение и где – на «Тат-Нефти»! Если бы у заправки был официальный статус храма, то можно было бы подать на нее в суд за оскорбление чувств.

Шел третий месяц, как Алексей причащался там. Иногда исповедовался соседям по столу. Последний раз разговорился с дальнбойщиком, который мечтал открыть свою пекарню: чиновники нас обманывают, приходится и нам обманывать их, а что делать, как выживать? Он говорил ему, что хотел бы по-честному, что малый бизнес похож на хромую ослицу: она есть, ее можно погладить, а работать не погонишь, только сено ей таскай, чтобы не подохла. И вспомнил, что читал где-то – жизнь непасионарных кочевников была такой же бесперспективной: двухлетний сын хана имел больше власти и возможностей, чем когда-либо мог иметь самый мудрый человек.

– Будешь им за каждую проданную булку отчитываться... – пророчил Алексей.

– Не может быть такого, – возражал дальнбойщик.

Алексей решил, что бессмысленно наставлять на путь истинный человека, который не понимает, что ты говоришь, и в ответ только неопределенно вздохнул.

Когда дальнбойщик ушел, Алексей остался сидеть и глядеть в окно. По обочине шоссе в сторону Москвы медленно ехала запряженная лошадкой телега – мужик вез куда-то сено. «Ничего тут не изменилось за

Что-то взвизгнуло у него над головой, а затем еще раз, и еще, пока не попало в колонку дизельного топлива. Одолеваемый нехорошим предчувствием, Алексей подбежал к колонке. Рядом на асфальте лежала сломанная стрела с белым оперением. Он поднял железный наконечник и стал разглядывать его, и в этот момент почувствовал острую боль в левой ягодице.

тысячу лет, – подумал Алексей. – Впрочем, появились правила дорожного движения, а в них – раздел, относящийся к гужевому транспорту». Алексею вдруг захотелось вставать и ехать дальше, в Калязин, чтобы осматривать там свой заказ: шаровые опоры, рулевые рейки, тормозные барабаны и даже архаичные карбюраторы времен холодной войны, каждый раз от этого ему становилось стыдно, мучила совесть, потому что все это было нелегально, он словно опять гнал хромую ослицу по бездорожью.

К заправке подъехал автобус с детьми. Все они показались Алексею какими-то смуглыми, не совсем русскими. Дети тут же оккупировали туалет и обступили прилавки со сладостями и лимонадом. У кофейных автоматов рядом со столиком Алексея бродил мальчик, Алексей спросил у него:

- А вы что, татары?
- Нет, – ответил школьник и спокойно, выжидая, посмотрел на него.
- Куда едете?
- В Калязин на концерт. Выступать, – сказал мальчик и ушел.

Алексей, повинувшись смутному инстинкту, встал и пошел вместе с детьми в автобус. Никто этому не удивился. Автобус тронулся, и дети запели песню на непонятном языке, но мотив был знакомый. Он пытался подпевать. Дети хлопали в такт песне. Алексей тоже захлопал. Не заметил, как доехали до Калязина. Автобус, трясаясь по разбитой дороге вдоль незамысловатых построек, подрулил к берегу водохранилища.

Все вышли из автобуса – посмотреть на колокольню вдалеке, отрезанную водой от всего мира. Какой-то мальчик выстрелил из рогатки в воду, и на поверхность всплыла рыбешка. «Как это он так? – задумался Алексей. – Ведь вода преломляет свет и не дает попасть в цель».

Когда-то тут был монастырь и рыночная площадь, но большевики взорвали старый город и затопили. Из-под воды послышался глухой гул затонувшего в подвале колокольни старого колокола. Птицы взлетели с воды. Дети образовали хоровод и стали плясать вокруг Алексея, на нем откуда-то взяли разноцветные ленты и лапти...

Проснувшись на заправке за столом, Алексей подумал: к чему бы ему все это привиделось? За окном было темно, и он с облегчением подумал, что ехать в Калязин уже бессмысленно и можно возвращаться домой. Алексей вдруг понял, что сам обрек себя на выполнение суетных обязанностей хозяина полулегальной автомастерской. Взял кофе с молоком и вышел на пустую стоянку. За ней было заросшее высокой травой поле, по которому проходила граница между светом от фонарей заправки и тьмой. Он глубоко вдохнул прохладный воздух и почувствовал какой-то тягостный запах. Этот запах становился все крепче. Зловещая вонь надвигалась с поля, будто приближался товарный состав с мусором, но это было маловероятно. Алексей задумался над объяснением происходящего. Послышался гул, будто где-то на соседнем поле начался ночной футбольный матч и кто-то успел забить.

Алексей удивленно вглядывался в темноту. Что-то взвизгнуло у него над головой, а затем еще раз, и еще, пока не попало в колонку дизельного топлива. Одолеваемый нехорошим предчувствием, Алексей подбежал к колонке. Рядом на асфальте лежала сломанная стрела с белым оперением. Он поднял железный наконечник и стал разглядывать его, и в этот момент почувствовал острую боль в левой ягодице. Алексей ощупал свой массивный зад и с ужасом обнаружил, что там застряла такая же стрела. «Вроде неглубоко засела, – пронеслось у него в сознании, – только бы кость не была за-

дета». Боль резко усилилась. Он обернулся и увидел, что на темном поле появились силуэты сотен всадников, которые стремительно приближались. Он упал на асфальт и пополз к автомату подкачки шин, чтобы спрятаться. Успел. Мимо с гиканьем проскакали всадники. Алексей побоялся взглянуть на них. Всадники понеслись дальше, к белой церковке, к селу на другой стороне шоссе. Алексей сжался в комок, насколько это было возможно при его ста двадцати килограммах, стараясь не двигаться, чтобы не привлечь внимания. Он подумал, что татары, кажется, убивали только тех, кто им не подчинялся, а значит, если его захватят в плен, то надо быть покорным, и, возможно, потом получится убежать.

Рассудок заволокла новая волна боли. Через некоторое время он выглянул из-за автомата подкачки шин и увидел, что село пылает, и совсем не так, как пылает романтический закат, скорее, это был средневековый огонь смерти. Алексей заметил хозяйственную дверь с тыльной стороны здания заправки и пополз туда. Дверь, на счастье, была не заперта. Он протиснулся туда, в кладовку с метлами и лопатами, тут же закрылся на задвижку и забаррикадировал дверь какими-то вещами. Пульсирующая боль разрывала зад. Он сделал несколько глубоких вдохов, изо всех сил зажмурился, будто это могло помочь, и выдернул стрелу, завыв от боли. Кровь потекла сильнее. Алексей услышал, что кочевники возвращаются. Лежа в углу, он нащупал какую-то тряпку и прижал ее к ране. Сквозь стену доносился гомон, плеск воды и шум электрической антибактериальной сушилки. Через некоторое время все стихло. Алексей решил, что татары ушли, вынул из... кармана рубашки свой китайский мобильник, вызвал МЧС и потерял сознание.

ПОДЗЕМНЫЙ ПОКЕР

Правила такие. Используется колода из пятидесяти четырех карт. Раздается по пять, участники кладут на кон по пятьдесят копеек. Смотришь свои карты – и если у тебя собирается приличная комбинация, изображаешь печаль или равнодушие, чтобы обмануть соперника, бросающего на тебя изучающий взгляд.

Иерархия комбинаций такая:
пять карт одного достоинства
подряд одной масти (стрит-флеш)
четыре (каре)
три плюс два (фулл-хаус)
масть (флеш)
подряд (стрит)
тройка
две двойки
двойка

Происходит обмен ненужных карт на те, что остались в колоде. Пятьдесят копеек за карту. По часовой стрелке от раздающего. Теперь у всех на руках итоговая комбинация. Несколько секунд тишины занимают оценка ситуации и продумывание дальнейшей стратегии. Раздающий делает первую ставку.

- Даю рубль!
- Пять!
- Джокера, что ли, хапнул?
- Поддерживаю!
- Скидываю.

- И что теперь?
- Ты должна повысить и продолжить, за четыре рубля открыться или скинуть.
- Даю десять...
- Тридцать.

Дядя Вася лезет за кошельком, всем своим видом показывая, что готов бросать на кон крупные купюры. Все вглядываются в его веснушчатое лицо, стараясь понять, блефует или нет.

Бабушка со смехом сбрасывает карты. Дядя Вася кладет на кон сто рублей. Все сбрасывают, кроме дяди Андрея, его брата.

Он кладет двести.

Дядя Вася кладет пятьсот.

Дядя Андрей – тысячу. Получает в ответ две тысячи. За тысячу вскрывается. У него подряд, а у дяди Васи всего лишь тройка на тузах. Я вздыхаю, ведь была масть – можно было выиграть, если бы не такие большие ставки.

Только в связи с недавними обстоятельствами я услышала историю о том, как в нашей семье стали играть в покер. Началось это, когда мой прадед жил с семьей в ивановском доме-подкове, построенном для энкавэдэшников, а его сестры – в старом семейном доме на Черкасской. Дом-подкова напоминал крепость. Не ту, где проводятся веселые пиры и рыцарские собрания, а, скорее, замок ведьмы Гингемы:

Дом-подкова напоминал крепость. Не ту, где проводятся веселые пиры и рыцарские собрания, а, скорее, замок ведьмы Гингемы: это был серый овалыный дом с окнами-бойницами, неприступными металлическими воротами и часовыми.

это был серый овалыный дом с окнами-бойницами, неприступными металлическими воротами и часовыми. Ходили слухи, что из подвала шел подземный тоннель прямо в ОГПУ. Бабушка говорит, что подземного хода не было, но, знаете, там, где мы сейчас находимся, в подземный ход поверить легко. Так вот, вскоре после Второй мировой войны, когда быт налажился, в доме на Черкасской собиралась вся семья, играли в карты и домино на деньги. Время от времени кто-нибудь вскакивал со своего места и произносил запальчивую речь о бессердечии родственников или шальной красотке Удаче, бессознательно устремляя палец в потолок. Все присутствующие инстинктивно поднимали взгляд вверх, и речь тут же заходила о ремонте крыши, а недовольство таяло и исчезало.

В доме напротив жил художник Пророков, который рисовал во время войны карикатуры на немцев. За это его наградили орденом Красной Звезды, а потом Ленинской премией. После его смерти Черкасскую, которая до этого уже была Прислонихой, Московским переулком и 1-й Поперечной Московской улицей, переименовали в улицу Пророкова. К тому времени семья поредела, играть было особо не с кем. Тогда моя прабабушка организовала вместе с подругами-пенсионерками карточный клуб. Они собирались по шесть человек, по очереди принимали у себя в гостях картежную команду. Кружок собирался каждую среду, после чего делался небольшой перерыв и подсчитывалось количество побед. Именно на собраниях этого кружка сформиро-

ровались те правила игры, по которым мы до сих пор играем. Иногда старшие внуки пытаются склонить остальных сыграть в «правильный» покер. Но очень быстро становится ничего не понятно, и мы снова играем в свой, наследственный.

Раньше мы играли, когда собирались у бабушки по праздникам. Сначала обед, за которым делились последними новостями. Часто именно в этот день играл «Спартак», поэтому дяди и братья слушали разговоры вполуха и все время косились на телевизор с непривычно задумчивыми и сосредоточенными лицами. Когда «Спартак» забивал, разносился дружный победный клич прямо посреди истории о том, как кот залез на шкаф.

Обед длился около трех часов. Поедались закуски, пробовались вина и колбасы, привезенные из заграничных поездок, потом подавался суп, затем из духовки бабушка доставала жаркое. К этому времени мужчины переходили на крепкие напитки, а женщины допивали вино. Часто после жаркого была возможность отведать блинов с начинкой. После того как последний человек заканчивал есть, еда и посуда убирались со стола, внуки несли из серванта на стол чашки и блюдца, из кухни – чайник с заваркой и чайник с кипятком. Стол стремительно заполнялся сладостями и вскоре так же стремительно от них освобождался. Шоколад был тоже из-за границы.

После чая наступало время покера.

Впрочем, и сейчас все происходит так же. Только трапезы стали не такие изобильные: нужно разумно распределять запасы тушеного мяса, копченой рыбы, печеной картошки, черной икры, голландского сыра и бельгийских шоколадных плиток.

Все достают припасенную мелочь. Кто-то любит строить из монет башенки, кто-то просто распределяет по номиналу в разные кучки. Дядя Вася потирает руки, дядя Андрей подкладывает под спину подушку, внуки переглядываются, а бабушка сидит во главе стола и радуется тому, что семья в сборе. Тети тем временем моют на кухне посуду.

– Меняю все пять!

– На что ты, Дусик, надеешься?

Дядя Вася поправляет очки и загадочно улыбается.

– Кто меняет?

– Все поменяли!

– Даю рубль!

– Поддерживаю.

– И я.

– Тоже.

Бабушка кладет пять рублей.

- У-у-у!
- У кого-то двоечка?
- Ну раз бабушка пять дает, надо сбрасывать!
- Даю десять!
- Двадцать!
- Пятьдесят!
- Бабушка кладет сотню.
- 0-0-0!
- Все сбрасывают. У бабушки двойка на вальтах.
- А помните, как мы тут играли и у Васи было под-
ряд одной масти?..
- Стрит-флеш!
- Ну да, а одновременно Андрей у себя дома играл
с племянниками. И у него тоже получился...
- Стрит-флеш!
- Бывает же такое!
- А помните, Вася пятнадцать тысяч выиграл?..
- Все в семью!
- За это надо выпить...

Благодаря игре мы забывали, что уже несколько месяцев живем под землей: началась Третья мировая война. Многие отказывались верить, что правительства станут использовать атомное оружие, но только не дядя Андрей. Он заранее построил под своим дачным участком двухуровневый бункер. Как только коалиция сбросила первую бомбу на Ханты-Мансийский округ, где добывалось особенно много нефти, мы переехали в бункер, хотя и находимся далеко от Сибири, в Московской области. Пронесся слух, что следующий удар будет нанесен по столице. Сотни тысяч людей, пытаясь выехать из Москвы, стояли в многосурочных пробках, лишь бы уехать в более безопасные регионы. Но как они там живут? Как беженцы. А ведь скоро зима. В общем, надеемся на лучшее. Нас бомбят, но обычными бомбами, слава богу. Радиации нет. На верхнем этаже бункера мы живем, а вниз спускаемся, когда чувствуем, что земля трясется от далеких взрывов, – коалиция бомбит какие-то подмосковные склады. Но это не чаще пары раз в сутки. Пока мы тут сидим, я узнала много семейных историй, которые, если бы не новая война, могли бы исчезнуть. Хотите, я расскажу вам, как мой прапрадедущка бежал из немецкого плена и пять месяцев жил в лесу?

1989

РАССКАЗ

ЛЮДМИЛА ПРОХОРОВА,
АЛЕНА РАНИТИНА
Людмила Прохорова родилась в 1990 году в Москве. Окончила Государственную академию славянской культуры. Редактор портала «ГодЛитературы.РФ». Участник Форума молодых писателей России и стран зарубежья (2016, 2018). Финалист

литературной премии «Лицей» имени А. Пушкина (2017).
Алена Ранитина родилась в 1990 году в Москве. Окончила Московский государственный лингвистический университет. Нуратор литературного направления в Арт-кластере «Таврида». Финалист литературной премии «Лицей» имени А. Пушкина (2017).

Судьба распорядилась так, что роль неудачника в их семье выпала именно ему. Он бы и хотел стать кем-то другим, кем-то умнее и лучше, но место уже было занято. Его старший брат Павел рано начал говорить, читать и писать, показывал поразительные успехи в учебе, был примерным сыном и гордостью школы. А Александр был лодырем, мечтателем и хулиганом. Кто разбил окно, намочил тряпку мыльной водой и прилепил конфету к спинке учительского стула? Конечно, Александр Верейский. А кто выиграл олимпиаду по биологии, принес больше всех макулатуры и снял котенка с дерева? Конечно, Павел Верейский. Павел собирал гербарий, а он — остатки табака из отцовских папирос. Павел зачитывался медицинскими энциклопедиями, а он — книгами Дюма, Азимова и Лема. Павла интересовало, как устроен мир, а его — как из этого реального мира сбежать. Павла первым в классе приняли в комсомол, а его единственного из всех не приняли в него вообще. Но родителей тогда это не сильно заботило. Они любили его мягкой, потакающей любовью и к его радости не тратили времени на муштру и наказания.

Павел без проблем поступил в первый мед, в котором когда-то учился их отец, а Александр, естественно, провалил экзамены. Устроился санитаром в Боткинскую, надеясь, что на следующий год, как-то миновав армию, поступит, хотя по большому

счету ему было откровенно без разницы, куда поступить. А точнее, куда не поступить. Его ничто особо не интересовало. И в выходные, вместо того чтобы нависать над учебниками, он слонялся по улицам с местной шпаной. Один раз его даже взяли на задание — обчистить квартиру. Но из всего того, что они с товарищами вынесли, ему выделили лишь тоненькую цепочку, да и та, как он понял уже дома, оказалась всего лишь позолоченной.

Не поступил он в медицинский и на следующий год. Мать пила валокордин и каждый день ходила в церковь ставить свечки, чтобы его не отправили в Афганистан. Александр не знал, кто из святых внял ее молитвам, но в Афганистан он действительно не попал. Зато, несмотря на граничащую с непригодностью к службе кардиограмму, его определили на флот, и на три года, вместо сухопутных двух, он отправился на Дальний Восток.

Из армии он посылал домой длинные жизнерадостные письма, сопровождая их карикатурами в виде животных на своих сослуживцев. Мать радовалась, что с ним все в порядке, отец радовался, что их сын хотя бы не нытик. В ответ же Александру чаще всего приходили письма, выведенные все менее разборчивым почерком Павла. К концу его службы из всех их писем можно было сложить неплохую книгу армейско-врачебных рассказов и небылиц.

С Дальнего Востока Александр вернулся повзрослевшим, похудевшим и погрузневшим. Мать бросилась к нему на шею с поцелуями, пачкая его обветренные щеки жирной красно-коричневой помадой. Отец хлопал по плечу и бравадно повторял: «Орлик вернулся. Ну, заживем!» Павел гордился братом, любовался его нарядной формой и обещал познакомить с одной миловидной студенткой педиатрического факультета.

На следующей неделе они вместе отправились на день рождения к товарищу Павла. Конечно же, среди приглашенных была и эта студентка. Она и вправду оказалась на редкость хороша собой, волосы ее были уложены красивой волной, и цвет платья весьма шел к ее лицу. Но когда пробка от шампанского угодила Александру прямо в левый глаз, она так пискляво и отрывисто засмеялась, что вся зарождающаяся симпатия к ней с его стороны вмиг исчезла. Дура. Павел потом спрашивал, понравилась ли она ему, и очень удивлялся, получив отрицательный ответ. Он предпринял еще одну попытку устроить счастье брата, но, услышав комментарий про слишком большие уши девушки, оставил это. Сам Павел уже давно встречался с деловитой, постоянно дававшей непрошенные советы студенткой юрфака Галочкой и уверял привередливого братца, что ищут не до лучшей, а до первой подходящей. Александр мог только позавидовать его практичности и удачливости. Никакие «подходящие» ему не попадались, все было не то. На горизонте маячил призрачный идеал, но он был настолько призрачный, что Александр опасался, что тот затерялся где-то между прошлым и будущим и на его век так и не выпадет никакой встречи.

Потом были какие-то подработки, опять Боткинская... Твердо решив, что больше никаких попыток поступить в мед он предпринимать не будет, Александр подал документы в ГИТИС. У него было живое, пластичное лицо, хороший рост, который особенно бросался в глаза, когда он не сутулился, приятный тембр и удивительная способность касаться каких-то тонких материй души. Но, как оказалось, подобными талантами обладал не только он. И хотя он явно приглянулся членам комиссии, имя свое в списке рекомендованных к зачислению так и не нашел. Его постигла очередная неудача. И сколько их еще будет?

От здания института до дома Александр шел пешком. Надо было подумать. Надо было что-то делать со своей жизнью. Заняться чем-то полезным, начать зарабатывать, отдавать родителям деньги за квартиру и продукты. Надо было найти место, в которое он будет уходить и из которого будет возвращать-

ся, как любой нормальный человек. Любой. Нормальный. Человек. Только была одна проблема: он не был нормальным. Он был бракованным, плохо сделанным устройством, которое вопреки всем законам логики как-то умудрялось функционировать. Все чаще его мучили мысли о бессмысленности жизни. У своего существования он не видел никакой цели. Он не обладал выдающимися способностями ни в одной области, он не встретил ту самую женщину, которая должна была перевернуть весь его мир с ног на голову, а потому не хотел заводить семью, у него не было каких-то удивительных и сложноосуществимых желаний. Но главное – жизнь не доставляла ему никакого удовольствия. Каждый новый день приносил ему лишь новую порцию сомнений и вопросов. И никаких ответов. Александр не понимал, кто он, чего он хочет и куда он идет. Зато он лучше всех в своем окружении умел держать лицо. Александр Верецкий производил впечатление довольного, пригретого и легкомысленного человека, который мог бы многого добиться, но ему мешает лень.

Чтобы скрыться от родительского внимания, он устроился в военизированную охрану Курчатовского института. В свободное время на работе много читал: книги по истории, философии, классике, которую пропускал в школе, детективы и фантастику. В свободное время от работы делал варёнки и записывал на кассеты зарубежные хиты. Он засыпал, прокручивая в голове песни Высоцкого и Цоя, и просыпался под мелодии The Beatles и Rolling Stones. Он и сам хорошо пел. Мать с отцом любили слушать его на семейных застольях. Павел старался не подавать вида, что любит, с каждым месяцем обрастая циничным врачебным панцирем и пытаясь избегать всяких «сентиментальностей», но та пелена, которая вставала перед его глазами, когда он слушал голос Александра, говорила лучше любых слов.

Когда Павла приняли на работу в Центр Бурденко, они устроили праздник. Родные, друзья... Мест даже за раздвинутым столом не хватило на всех. Павел представил гостям свою невесту, ту самую Галочку-советницу. Они сидели с ней рядом, соприкасаясь руками, и были такими бесконечно молодыми, счастливыми и пьяными уже от того, что все в их жизни правильно и идет своим чередом. Звучали тосты и шутки. Звенели бокалы. Когда стемнело, Александр достал гитару и под мерцание свечей зачем-то спел «В лунном сиянии». За окном стоял июль, полный надежд и очарований. Воздух был таким теплым и опьяняюще сладким, что хотелось пить его, как вино. А он отчего-то пел про зиму

и горечь, про чужую любовь. И ему самому вдруг стало так больно и горько, что на последних словах голос его надломился и треснул. Но никто этого не заметил – все думали о чем-то своем. Кроме Павла. Он смотрел прямо на брата, умный и проницательный. Словно вспомнил то, чего помнить не мог, и безмолвное прошлое загустилось папиросным дымом между ними по столу.

Затем играли свадьбу Павла. Александр был без подружки и потому весь вечер протанцевал с сестрой невесты. Мать щебетала «Как хорошо вы смотрите вместе», вгоняя девушку в краску. Время от времени та робко поглядывала на Александра, но не находила в его взгляде взаимности. Вот же ирония. Он мог подойти почти любой, но той, которая нужна была именно ему, все не было. Он искал ее в театрах и кино, вглядывался в лица прохожих. В метро, троллейбусе, магазинах и парках. Ее не было нигде. «Да Саша, что Саша... Обалдуй он, – отмахивалась мать в разговорах с подругами. – Безответственный мой Саша! И в кого только? Горе-то какое». «Да прекрати ты, мать, дай человеку нагуляться. Не дави ты на него, сам разберется. Уже не маленький», – пытался смягчить ее отец. А вот Павел в этом вопросе твердо стоял на стороне матери. Александр отчетливо различал, что восхищение первых месяцев после его возвращения из армии давно уже сменилось во взгляде Павла густым и тягучим неодобрением: бесперспективный, безынициативный бобыль. Его рациональный, прагматичный, порядочный и любящий порядок брат усматривал в его нежелании самореализации лень, а в нерешительности перед отношениями – прикрытый романтикой эгоизм. Александр всем сердцем протестовал против этих ярлыков, но как знать... Может, он и сам себя не знал.

Вскоре Павел съехал из родительской квартиры и зажил своим домом. «Паша – нейрохирург, – гордо заявляла мать по телефону все тем же подругам. – А Саша... Саша в Курчатовском работает». И после этих слов всегда быстро переводила разговор на что-нибудь еще, лишь бы не пришлось уточнять, что ее младший сын вовсе не ученый, а самый обыкновенный охранник.

И хотя Александр не чувствовал в себе никаких амбиций, но постоянная материнская конспирация так ему опостылела, что невозможно захотелось сбросить удушливую маску неудачливого Арлекина и доказать себе, родителям и Павлу, что он тоже чего-то стоит. Его бывшие школьные товарищи решили организовать кооператив, и Александр ухватился за эту идею как за шанс стать успешным,

обеспечить себе и родителям такую жизнь, о которой Павел, горбившийся над операционным столом, даже не мог и мечтать. Вот только денег, чтобы вложиться в дело, пришлось просить у отца. Идея сына заняться изделиями из кожама хоть и смущала его – они с Павлом спасают реальные человеческие жизни, а Александр не придумал ничего умнее, чем заняться подделками, – но в то же время вселяла надежду. А вдруг! Впервые Александр решил заняться чем-то своим, взять на себя ответственность, не стоило рубить планы сына на корню. «Я все верну. В два, три раза больше верну!» – обещал Александр, пряча отцовские деньги во внутренний карман куртки.

Вначале работа шла бодро. Они сделали и продали несколько вещей. Успешное начало необходимо было обмыть, и вся прибыль ушла на это. Затем большая часть вырученных от продажи средств пошла его «семейным» партнерам. Саша, ты же понимаешь, жены-дети, это такое дело... Да, конечно, понимаю. И дальше его доля оставалась все такой же небольшой. Похвастаться было нечем. Вместо отданных сторицей денег он отплатил отцу натурой. Да и то не совсем ему – подарил матери на день рождения сумку и куртку из искусственной кожи, которую она вроде как благодарно приняла, но так никогда куда и не надевала.

От безысходности Александр начал играть. Удача улыбнулась ему только вначале, а затем пошла непрерывная полоса невезения, которая лишь сильнее поджигала его азарт и желание отыграться. Не везет в картах – повезет в любви. Он так часто слышал эту фразу, что уже готов был в нее поверить. Но в любви ему тоже не везло. Были какие-то женщины, лица которых он забывал сразу же после того, как они расставались. Были какие-то объятья и поцелуи. Нежеланные, пустые. И ночные разговоры по телефону с гнетущими паузами, которые он должен был заполнять признаниями в чувствах, которых у него не было. Коммерсантом он так и не стал, дела шли из рук вон плохо. Не было в нем предпринимательской жилки, стержня, куража. Все на нем проезжались. «Мягкотелый наш Саша, безотказный», – говорил отец, все больше и больше разочаровываясь в сыне, и окончательно перестал давать взаймы. И Александр теперь раз за разом звонил брату. Паша, выручай. Паша, дай. Паша, верну. Клянусь-обещаю. И раз за разом Павел с тяжелым сердцем выручал, давал и не надеялся, что брат ему что-то вернет. Жена Павла с каждым таким звонком все сильнее мрачнела, а вскоре и вовсе перестала сдерживаться и откровенно говорила о том, что ду-

мает о его непутевом, безответственном и бездарном брате. Александр приносил хаос и разлад в их и так неидеальный семейный быт, но ничего не мог с собой поделаться. Только Павлу он доверял и все еще надеялся, что когда-нибудь сможет отплатить ему сполна.

Когда и как наркотики вошли в его жизнь, он и не понял сам. Хотя... Они пришли вместе с ней. Это она их принесла. Молодая художница. Сбросила пепел от сигареты на его ботинки, ухмыльнулась, вскинув бровь. «Софья», – протянула руку с рассеченными тонкими полосами запястьями. Все пальцы в кольцах, в ушах звенят крупные серьги. «Хочу написать ваш портрет». Вот так запросто остановила посреди улицы, а он почему-то согласился. На следующий день пришел к ней в мастерскую. Разглядывал картины с оглушением. Талантлива глубоко и прочно. Порочно. Какая-то болезненность во всех работах, даже ярость. Но ведь хороши, свежи. И все портреты. И все мужские портреты. Ловит на себе ее взгляд. Разглядывает его, словно товар на прилавке. Оценивает. «Наконец-то. Идеально. Именно то, чего не хватало. Посмотри на свой профиль». Бесцеремонно перешла на «ты». Подала ему зеркало, а сама отошла. Любуется. «И нос с горбинкой. Совершенен». Заварила кофе в турке. Немного перца и меда. «А это на десерт», – протянула запястье, а на нем, прямо по линии одного из шрамов – белая полоска. «Не бойся, пробуй». И он, зачарованный всей этой распушенностью, зачем-то пробует. Втягивает ноздрями белую пыль. И запивает сладким и острым кофе. И жизнь вдруг начинает нестись по венам. Ему становится так легко, как не было никогда.

Все дороги теперь ведут в ее мастерскую. Он идет в кооператив, а попадает к ней. Идет в универсам за столичным и «Столичной», и вновь у нее. Он приходит к ней часто и остается, пока не прогонит. Она пишет его, а в перерывах между этим они спят, пьют портвейн, курят «Яву» «явскую» и нюхают с линий жизни на ее ладонях асбестовые дорожки. Иногда приходят ее друзья-художники. Ее друзья. Или ее любовники? Ревнует до смерти, но вида не подает. Решает с ней познакомить Павла. Мол, смотри, и у меня кое-кто появился. Нашел я. А ты волновался. Ведет посмотреть на ее картины. И на нее. Пока идут, захлеб рассказывает, какая невероятная. 0-го-го красotka и талант-талантище! Пришли. Представляет их друг другу. Соня протягивает Павлу руку, а тот, после рукопожатия, демонстративно вытирает ладонь платком. Оскорбилась страшно. «Заразу платком не сотрешь. Не желаете

спирта?» – а сама улыбается как ни в чем не бывало. «Предлагаете принять внутрь? Не хотелось бы нарушать традиции этого дома, но как-нибудь обойдусь». Вот и познакомились. Два главных человека в его жизни возненавидели друг друга с первого взгляда.

«Нашел кого выбрать, Саша. Подружка твоя – маргиналка и наркоманка», – отчитывает его на лестничной площадке Павел. «Замолчи, Паша, ты ее совсем не знаешь». Да он и сам ее толком не знает. И вместе с тем ему кажется, что он знает ее лучше всех на свете. Вот же глупость. Глупеет на глазах.

Так и живут.

Время течет так странно в этой новой для него жизни, в которой появилась она. Иногда Соня просит его что-то купить. Молоко, мед, орехи. Охра, марс, умбра. Но денег никогда не хватает. Когда он в последний раз работал? Когда в последний раз что-то получал? И Александр пускается во вранье, придумывает десятки причин и опять просит брата об одолжении. Какое-то время Павел даже продолжает идти ему навстречу, но с каждым разом делает это все менее охотно. Чтобы усмирить бдительность брата, Александр начинает понемногу возвращать ему долги. Берет в долг у матери, чтобы вернуть долг брату. И так без конца. «Какая низость», – думает он о себе и все время ждет, когда же в своем падении он достигнет дна, чтобы наконец от него оттолкнуться.

Но дно все не наступает. Лишь чернота и белый порошок. И «Звезда по имени Солнце», поставленная на повтор. И запах масла и растворителя в ее мастерской. И крепкие ночные объятия. Рука в руку. И совместные ломки.

Он переезжает жить к Софье. «С такой подругой и враги не нужны, Саша», – причитала мать. Но он делал свое фирменное беззаботное лицо, и она немного успокаивалась. Да, ее второй сын хоть и не умница, как первый, но где-то в глубине души он знает, что делает, и обязательно разберется со своей жизнью. «Мама, не волнуйся», – уверенно говорил он, а она и рада была обманываться. «Паша, не волнуйся», – ободряюще говорил он, а брат свирепел. «Эта твоя... Сожительница твоя. Картины бы, что ль, продавала. А то все малюет, малюет, а толку-то!» И чем более желчно Павел отзывался о Софье, тем сильнее Александр различал в его голосе не только ненависть, но и что-то еще, что поначалу не мог разобрать. А потом до него дошло. Сквозь плотный, делающий все нереальным и зыбким наркотический занавес он ясно увидел это, отчетливо представил, как Павел запирается в ванной, вы-

ворачивает кран с холодной водой и... Захотелось спросить: «Что, Паша, нравится она тебе? Хочешь ее? Хороша девка? Ни чета она твоей кудахчущей жене?» Но посмотрел на вымотанное от работы лицо брата, на его широкие, ссутуленные плечи, и не спросил. Да и есть ли разница?

Александр понял, что дело совсем плохо, когда застал себя в коридоре у Павла доказывающим что-то его беременной жене. Взглянув на ее скрещенные на животе руки и почувствовав волны презрения, исходившие от нее, Александр вдруг запнулся. Вышел из квартиры и через полчаса принес огромный пакет апельсинов.

В следующем месяце он почти не звонил брату. Но на большее его не хватило. Опять нужны были деньги. Софья, сжавшаяся в позе эмбриона в пустой ванне, билась о чугунную, с облезлой карриозной эмалью поверхность лбом и сипло твердила, что сейчас перестанет, прекратится... Хныкала, как ребенок. Просила помочь, и тут же переходила на крик, требуя дозы.

Прошу тебя, умоляю! Сейчас! Мне нужно прямо сейчас! Где?! Почему ты не несешь! Тваааарь! Меня разрывает изнутри! Ничтожество! Слабак! Я подыхаю! Саша, сделай же хоть что-нибудь, иначе я просто вскроюсь! И Александр, пытаясь унять липкую дрожь в теле, тенью выскользнул на улицу. Не придумал ничего лучше, как украсть. Из родительского дома. Пока никого нет. Прокрасться, забрать и продать. Только бы не было никого, только бы не было.

Пока стоял в вагоне метро, припав спиной к надписи «Не прислоняться», думал, что это лучший совет на свете – «не прислоняться». Чем ближе подошел, тем больше отходить. Прилип. Пропал. А может, не возвращаться к Соне? Сбежать от нее и от себя. Обнулиться. Попробовать начать все заново, не дожидаясь, когда на экране поплывут финальные титры «Конец». Александр сомнамбулически вышел на своей станции. Шел к дому, ничего не замечая вокруг, как вдруг выплыла перед самым носом. Неопрятная, златозубая, в каких-то цветастых тряпках. Глаза маленькие, жадные и смеющиеся. В черной радужке все кажется зрачком. Рука трясется, как раскрытый прожорливый клюв. Дай, дай. «У самого нет!» Отмахнулся, попробовал обойти. Но не пропускает. Дай, подай. «Добрый человек, дай. Вижу насквозь. Добрый человек заблудился. Не за тем идешь. Горе добудешь. Лучше подай-ка. Дай. Не ходи. Дай-ка лучше, дай». И трясет своей грязной рукой с сухими узловатыми пальцами. Отскочил в озлоблении. Какая-то карикатура на него самого. Назойливая попрошайка. Кричит что-то следом,

и крик переходит в грохот. И весь мир обращается в рот с золотыми и гнилыми зубами и громкий истерический взрыв над ним.

Дома никого. Снимает обувь прямо за дверью и проходит внутрь в одних штопанных нескольких раз носках. От мыслей о краже начинает знобить, но он не отступится. Ничего лучше так и не придумал. Прячет в карман украшения, которые мать бережет для особых случаев, и эти особые случаи никогда не наступают. Часы дедовские, подаренные каким-то знатным пациентом. И пистолеты. Точно. Два дуэльных пистолета. Пылятся на антресоли, а раньше пылинки с них сдували. Никто теперь и не заметит. Засунул в пакет, под куртку. И спешно, с побелевшими губами и горящими щеками, ушел. Надо скорее заложить, продать, чтобы купить то, что сейчас важнее всего.

Пришел с подарком, и Соня, расправившись с ним, вновь стала собой. Вернулась дерзкая веселость, игривость. «А это что?» – указала на пакет. «Пистолеты старые. В другой раз отнесу. Пока хватит». Какая-то сухость во рту. Сел на кровать и весь обмяк. А ей любопытно. Встала нагая. Свет от фонарей скользит по коже. Когда успело стемнеть? Нет сил отвести взгляд. Молодая, гибкая. Даже худощавая. Но как-то трогательно, хрупко. И не скажешь, что больна, зависима. Наоборот. Вибрирует здоровьем и жизнью.

Неприятно шуршит целлофановый пакет. Вынимает один пистолет. Любуется им. Любуется ей. Вспоминает, как в жаркие, душные дни она любит работать голой. «Адольф Лоос писал, что все искусство эротично. И даже крест эротичен. Особенно крест», – стоя у холста, произносила уголкем губ, в другом зажав сигарету. И маленькая капля пота, проделав путь от ее шеи до низа живота, исчезала где-то в темном треугольнике лобка. «Идеально. Совершенен». А когда-то так говорила о нем, в день их встречи. «Заряжен?» Спрашивает восторженно и заинтригованно. Александр сквозь опущенные веки смотрит, как она вертит в руках один из пистолетов. «Ему уже лет сто. Нет, конечно». Голос далекий и словно не его. «Ну, тогда...» Возвращается к нему, держась пальцами за ствол. Запрыгивает рядом и начинает гладить пистолет, словно тот живой. «Интересно, из него убивали?» Рука движется все настойчивее. «У нас в семье все врачи, а не убийцы. Нет, не думаю... Соня?» Невинно вскинула бровь. «А что такого? Я просто играю». Ласкает дуэльный пистолет. Подушечка пальца ложится в дуло. Облизывает губы. «Соня, может, не стоит? Он наверняка в какой-то грязи...» «Ты так

боишься грязи?» Опускает дуло пистолета в рот, глубже проталкивает его и начинает неспешные движения головой. Александр смотрит на Софью со смесью желанья и отвращения. Так нелепо то, что она проделывает с этим пистолетом. Какая легкомысленная игра. Такая возбуждающая игра. «Соня, хватит», – хочет сказать он, но как в болезненном сне его охватывает немота. Софья испытующе смотрит на Александра, продолжая поступательно погружать ствол пистолета себе в рот. Ждет, что он начнет отбирать. «Соня, прекрати», – хочет командовать он, но вместо этого с его губ срывается слабый стон. Она замирает. Ее глаза улыбаются. Ее глаза смеются. Она нажимает на курок. Раздается выстрел. И все, что мгновение назад смеялось в ней, перестает существовать, раскинувшись грубыми плотскими мазками по постельному белью и стене. «Соня, прекрати!» – наконец вырывается из его горла. Но уже поздно.

Все дни, которые наступают после, наступают не для него. Они проходят незамеченными. Тонут в наркотической дреме, в объятьях, которые с каждым днем становятся все более смрадными. Александр запирается с телом Софьи в мастерской и лишь изредка выходит за хлебом и за новой порцией спасительного порошка. Каждый раз, возвращаясь, он надеется, что застанет Соню живой. Воскресшей. Но с каждым разом он находит ее тело все более раздутым и безобразным. Он открывает окна, но ничего не помогает. Разложение не останавливать. Мастерская все сильнее наполняется запахом смерти и гниения. И ему кажется, что он и сам гниет заживо вместе со своей Софьей. В приступе решительности он хватается за второй пистолет, но тот пуст. Не заряжен. Пистолет-пустоцвет. Как и он сам. Александр смеется и плачет. Давно пора это прекратить, но ему стыдно и страшно... А после новой порции – хорошо. И смерть более не разлучает их с Софьей. Он видит ее живой. Прекрасной, чистой и проникнутой светом. Но за ночью иллюзий неминуемо наступает утро, или день, или вечер прозрения. И эта похожая на кошмар реальность мастерской сводит его с ума. Тело Софьи разбухает, и кровать впитывает все то, что когда-то было ей. Александр ложится на пол, и на помощь ему вновь приходит верный белый помощник. И так по кругу. Но затем все кончается – и порошок, и деньги, – и пальцы вновь берутся за телефонный барабан. Александр крутит его, звонит Павлу и сбрасывает, не дождавись ответа. Вновь набирает, произнося про себя, как мантру: «Паша, приезжай. Сони больше нет. Тут кошмар. Что же я наделал». Не выдерживая,

прерывает вызов. На шестой раз он все-таки слышит гремющий негодованием голос Павла и вместо того, чтобы сказать то, что должен, почему-то жалобно просит: «Паша, последний раз. Так плохо, Паша».

«Саша, прекрати звонить! У меня завтра серьезная операция, ты это понимаешь? Мне рано вставать», – процедил Павел. На часах было два ночи. О том, что жена его лежит в роддоме и со дня на день должна родить, он решил промолчать. Братец-эгоист все равно не поймет. Куда ему, несчастному романтику, до таких низменных забот. Но телефон не унимался. Звонил и звонил. «Саша, прекрати хулиганить, завтра поговорим!» – закричал Павел и выдернул телефонную розетку.

Утром ярко светило солнце, играя лучами на вымытых до блеска стеклах горки и вычищенном линолеуме. В квартире стояла тишина. Глядя в окно, Павел съел два бутерброда с сыром, овсянку и выпил еще более крепкий, чем обычно, черный чай. Одевшись, он отправился на работу.

Из операционной он вышел обессиленный, но довольный. Операция прошла успешно. «Павел Евгеньевич, – смущенно и испуганно отводя глаза, подозвала его сестра. – Ваш отец звонил. Павел Евгеньевич... у вас умер брат».

СТОЮ НА СТРАЖЕ СТИЛЬНЫХ РАРИТЕТОВ

БУЛАТ ХАНОВ

Лауреат премий «Лицей» (2018, 3-е место) и «Звездный билет» (2018). Двукратный финалист русско-итальянской премии «Радуга» (2018, 2019). Автор романов «Непостоянные величины» и «Гнев», а также повести «Дистимия». Публиковался в журналах «Дружба народов»

и «Октябрь», в сетевых изданиях «Литература» и «Textura». Рассказы переводились на итальянский. Живет в Назани.

Свой день Ленар и Матвей давно распланировали. Точнее, насчет вручения дипломов и похода в кафе решили за них, а со советским трипом они определились сами. Идею кинул Ленар, он же надумал лозунг – «Исторический экскурс без ссылок и списка литературы».

Из верности традициям историки обозначились на коллективном выпускном фото и пропустили по одному безалкогольному мохито в баре, куда отправились с однокурсниками. Уже через час, отделившись от них, Ленар и Матвей достигли Музея счастливого детства. Из мира кубиков, ярко-красных неваляшек с пухлыми щеками, из мира песенок про облака и голубой вагон вчерашние студенты переместились в Музей советских игровых автоматов, чтобы сразиться в морской бой, настольный хоккей и баскетбол. Преимущественно побеждал Ленар, зато Матвей, выбрав в «Торпедной атаке» одиночный поединок, получил право на призовую игру при ночной панораме.

Погасив пыл газировкой из автомата, друзья переправились в Музей социалистического быта, то и дело жалея, что теперь они не смогут пользоваться скидкой по студенческим билетам. Как историограф, Матвей дотошно разглядывал любые документы эпохи, будь то агитплакат по вступлению в комсомол или справочник по питанию школьника. Ленар, учившийся на кафедре всеобщей истории,

примерял вареные джинсы с кителем и в таком виде фотографировал себя на телефон. На память друзьям купили значки ударников XI пятилетки.

Трип завершился в парке «Черное озеро». На этом настаивал Ленар. По его словам, в парке концентрировалась история во всем ее многообразии. Еще в ханские времена Черное озеро с Банным, Поганным и Серным составляло цепочку водоемов, усложнявших супостатам осаду Кремля, если бы те на нее решились. Постепенно чистое и глубокое Черное озеро, по легендам, богатое водными духами, превращалось в болото. Если зловонные Чистые пруды некогда вычистили, то с Черным озером поступили проще. Его обнесли чугунной оградой и засыпали вместе с русалками и водяным, что дозвоительно для неотесанной провинции. При последних императорах на месте водоема разбили парк, засадив его редкими деревьями и кустарниками, и почтенная публика напивалась в местных ресторанах под пение музыкантов со сцены. Когда с одной империей было покончено, чекисты, базировавшиеся на соседней улице, устроили здесь подвалы, где по ночам десятками расстреливали заключенных, а днем доводили себя до беспамятства водкой и кокаином, чтобы не слышать голоса мертвецов. За Черным озером закрепилась слава, сравнимая с Лубянской. В заключительные десятилетия советской эпохи репутацию парка вновь подлатали, в немалой

В заключительные десятилетия советской эпохи репутацию парка вновь подлатали, в немалой степени за счет новогодней елки и лучшего в городе катка, зато в девяностые здесь заправляли угрюмого вида типы в черных спортивных костюмах, не давая и шагу ступить без вопросов, сколько времени и готов ли ты выручить их мелочью.

степени за счет новогодней елки и лучшего в городе катка, зато в девяностые здесь заправляли угрюмого вида типы в черных спортивных костюмах, не давая и шагу ступить без вопросов, сколько времени и готов ли ты выручить их мелочью. Братьев Ленар и Матвей не застали – они поступили на истфак в конце нулевых. Историки нередко коротали «окна» в парке с батоном и бутылкой йогурта.

Теперь друзья достигли конечной точки маршрута и с чувством исполненного долга заняли свободную скамейку напротив полуразрушенного деревянного павильона с выбитыми стеклами. Раньше в нем выдавали коньки напрокат. Стены павильона покрывали граффити и записи, например, «Русские, болгары и татары против кавказцев и хачей». На футбольной площадке без блеска в глазах играли в «триста» измотанные жарой школьники. Стайка уток скользила по поверхности искусственного озера. Каждое лето прямоугольное углубление, размером с небольшой пруд, обложенное плитами, наполняли водой из шлангов или фонтанов. Меж плитами пробивался мох.

– За светлое армейское будущее, – произнес Матвей тост.

Две бутылки «Буратино» звонко стукнулись. Честно говоря, Матвей не отказался бы и от «Жигулевского», которое вписалось бы в формат, однако Ленар придерживался убеждений популярного движения стрейт-эдж и поэтому не жаловал алкоголь и сигареты рядом с собой. Он не был готов нарушить правило даже ради исключительного случая.

– Тем более ради исключительного случая, – парировал он Матвеевы доводы. – Газировка – еще куда ни шло.

Июньский вечер подвинул историков на размышления. Тон задал Матвей, прочитавший на этикетке: «Любимый вкус детства».

– Чье детство имеется в виду? Я вот помню вкус «Читос» и киндеров.

– Наше детство прошло под знаком падающих звезд «Диснейленда», – сказал Ленар, перекачывая в пальцах крышечку от «Буратино». – Дешевыми уловками нас убеждали покупать «Пепси» и растворимые порошки «Инвайт». Те самые, где «просто добавь воды», не помнишь? Я к тому, что «Буратино», «Дюшес», «Ситро» выпали за рамки нашего детства, потому что был взят курс на вестернизацию. Сегодня в тренде советизация: нас переориентируют, а частью новой программы является подмена прошлого. Не такая грубая, как у Оруэлла, скорее, в духе восемнадцатого века, когда изобретение традиций поставили на поток...

– Тебе бумагу с ручкой не дать? – полюбопытствовал Матвей.

– Короче, у Пелевина это доступно изложено. Если сказать о «Буратино» в двух словах, то тебе внушают тоску по вещам, которых у тебя и не было никогда.

Матвей неопределенно покачал головой. Ленар головастый, один из лучших на потоке. Из списка «100 лучших книг» прочел больше восьмидесяти. Зря лишь повелся на стрейт-эдж: не пить, не курить, мясо не есть. Утверждает, что ограничения дисциплинируют. Из протеста отказался от аспирантуры. Само собой, в армии глупости выветрятся.

Ленар между тем, всматриваясь в даль, развивал новую мысль:

– ...феноменальное пространство. Как Крым, может быть. Толстой, когда к экзаменам готовился на Черном озере, открыл для себя неожиданную истину: катехизис – это ложь. Так прямо и сказал, причем осознанно, не пафоса ради.

С другой стороны, форму свою Ленар подтянул. Железо тягает, бегает по утрам. Ценно, когда ты можешь предложить оппоненту нечто, кроме интеллектуального превосходства.

Ленар меж тем продолжал:

- ...сильное утверждение для молодого человека, тем более в те времена. Да и Лобачевский любил в парке прогуливаться по вечерам, размышлять на свежем воздухе. Тоже теоретик великий...

Пока друг резонировал, Матвей допил лимонад. Притомленный, потный, он чувствовал себя будто под градусом. Утки недалеке рябили в глазах, словно вибрировали. Историограф вложил в руки рассуждающему приятелю синий диплом и похлопал Ленара по плечу.

- Я скоро, – сказал он и направился к заброшенному деревянному павильону.

Районная администрация за годы не позаботилась установить в парке общественный туалет, поэтому посетители решали назревший вопрос в индивидуальном порядке.

На обратном пути Матвей увидел, что его друг не один. Высокий незнакомец в форме, сложив руки за спиной, неподвижно наблюдал, как Ленар, поднявшись, доказывает ему что-то. Когда Матвей приблизился, незнакомец развернулся, вытянув подбородок. Михалковские усы с проседью добавляли гранитности взору. В двубортной кожаной куртке, армейских брюках и потасканных сапогах до колен, с надвинутой на лоб фуражкой незнакомец походил на советского комиссара из кинолент. Грудь пересекал ремень, на поясе крепилась кобура – внушительная буква «г», направленная вниз. Лучше бы она всегда оставалась в таком, вертикальном положении.

- Так понимаю, воспитали тебя скверно?

Необоснованное замечание, для пушного приличия замаскированное под вопрос, и резкое «ты» ввели Матвея в замешательство. Он ту же затянул ремень на брюках.

- Почему твой товарищ не здоровается? – обратился «комиссар» к Ленару.
- Здравствуйте, това... господин полицейский, – вымолвил Матвей.
- Господин, – проворчал незнакомец. – Кругом господ, а как доходит до конкретной практики, жизнь формировать некому.

В сухом голосе «комиссара» проскальзывал акцент сродни немецкому. Друзья переглянулись. Матвей обнаружил в глазах Ленара чувство, которого никогда раньше за ним не замечал. Не страх – растерянность.

- Сегодня вы добровольно изолируетесь ради отправления нужд, завтра насмехаетесь над партийной линией, послезавтра предаете классовые интересы, – перечислял «комиссар», по-прежнему пряча руки за спину.

В тоне не улавливалось и намека на иронию.

Матвей устремил взгляд на куртку строгого незнакомца. Кожа местами стерлась и выцвела, отчего куртка смахивала на троллейбусное сиденье, на котором долго ерзали.

- Скажешь, ты ходил туда из любопытства?
- Выпускник нашел силы поднять голову и сказал:
- А почему руководство не установит в парке биотуалеты?

«Комиссар» на мгновение сжал губы.

- Вообрази войну. Коммунальные службы парализованы, в центральное водохранилище угодил воздушный снаряд. Ты также продолжишь кивать на муниципальные службы? Преступная попытка утаить свое малодушие. И это поколение, от которого ждешь твердой веры и решительной поступи по дороге прогресса.

- Я обещаю за себя и своего друга, что подобное не повторится, – поспешно сказал Ленар.

Разговор затягивался.

- Ты готов поручиться за ненадежного товарища? Или говоришь ради того, чтобы отделаться от меня?

- Готов. Готов поручиться, – почти уверенно сказал Ленар.

- Твое право. Тогда оформим протокол. Учти, твоя ответственность возрастает. Одно дело – наивное безрассудство, виной чему юношеское слабоумие. Другое – ложь правосудия, отпирательство от законов диалектики. Мы караем всех, кто вводит партию в заблуждение, – словно между прочим заметил «комиссар», доставая из нагрудного кармана ручку и сложенный вчетверо лист. – Мне потребуются ваши паспорта.

Повисла пауза.

- У меня нет, – вымолвил Матвей.
- И за него ты собираешься ответственность? – сказал Ленару незнакомец с такой интонацией, точно задумал карать историка немедленно. – В судьбоносный момент он не подставит тебе плечо, и ты умрешь один. Будешь втоптан в грязь кирзовыми сапогами. Безвестно, бесславно, на издохе горько сожалея о доверии, оказанном...

- Я виноват, – тихо сказал Матвей.
- Оба. Вина, неискупимая и сотнями часов исправительных работ. Раз нет паспорта, я обязан отвести вас в участок – и заполним там документы. Втроем. Есть возражения?

Мимо проследовали домой школьники с мячом, совсем вымотавшиеся.

- Покажите, пожалуйста, свое удостоверение, – сказал Матвей, набравшись смелости.

Он и вправду чувствовал вину – перед другом, которого подвел дважды.

– Ценю гражданскую бдительность, – одобрил «комиссар».

Перед глазами историков раскрылась корочка в кожаной обложке. Мартин Думпис, отдел, участок, круглая печать. Они не представляли, что там должно быть написано и какие штампы должны быть проставлены. А главное, историки понятия не имели, как вежливо и, само собой, законно избавиться от навязчивого полицейского. Ясные голубые глаза Думписа выжидающе смотрели поверх усов.

По пути не разговаривали, только Ленар уточнял:

– А разве участок не на Япеева?

– На Дзержинского. Переехали.

Вечер был загублен. Советский трип перетекал в советский кошмар. Каждый из друзей переживал про себя, насколько узкими специалистами их выпустили. Включили бы им в свое время в программу экзамен по правоведению вместо зачета, тогда бы и стимул появился хотя бы пробежаться по верхам гражданского кодекса. В государстве, где любые границы регулярно смещаются, нет вещей, насчет которых можно однозначно сказать, имеешь ты на них право или нет. Особенно при контакте с теми, кто это право представляет.

В советском анекдоте, которые Ленар изучал на втором курсе, сообщалось: «Нельзя даже то, что можно».

Мрачный Думпис привел друзей к зеленой многоэтажке, построенной в драконовские времена специально для чекистов и их семей. Многие из обитателей дома повторили судьбу жертв. Сегодня двор пустовал. Матвей был бы рад и трогательному небритому забулдыге на скамейке, и толкущимся птицам у горки пшена или ячневой крупы, высыпанной одинокой бабкой на канализационный люк. Был бы рад всему, что противоречит порядку, будто пригвожденному к пространству.

На подкрашенной недавно подъездной двери не виднелось никаких опознавательных знаков полицейского участка. В самом подъезде пахло хлоркой. «Комиссар» двинулся по ступеням, уводящим в подвал. В полутьме Матвей, замыкавший короткую цепочку, едва не сшиб замешкавшегося Ленара.

Думпис проворчал:

– Человек разумный – это не про вас, как и человек умелый. Вы еще осваиваетесь в статусе прямоходящего.

Шутка, пусть обидная и неуклюжая, позволяла надеяться на сколько-нибудь конструктивный диалог.

Не успели друзья сориентироваться в помещении, как полицейский запер за ними дверь ключом. Щелкнул выключатель, и горбатая настольная лампа осветила комнату размерами чуть больше спальни из хрущевки.

– Плюс электрификация всей страны, – сказал Думпис поучительно.

Вместо обоев стены оклеивали вырезки из газет, портреты и плакаты, то требовавшие добить Врангеля без пощады, то зазывавшие в колхозы. Дальний угол занимал шкаф. На его верхней полке построились в ряд книги с однотипными корешками, как в собраниях сочинений; нижнюю полку оккупировали картонные папки цвета туалетной бумаги. Напротив шкафа располагался топчан, укрытый шерстяным одеялом без наволочки. На письменном столе привлекали внимание гипсовый бюст Ленина, чернильница в форме пистолета и груда папок с надписями «Хранить вечно». Судя по обстановке, хозяин замыслил то ли мастерскую, то ли музей, то ли все разом.

– Присаживайтесь. – Думпис указал на табуреты рядом со столом. – Чаю?

Историки недоуменно переглянулись.

– Как хотите. У меня и кипяtilьник новый есть. Между прочим, многофункциональный.

«Комиссар» занял стул по другую сторону стола. По правую руку от себя полицейский деловито бросил на стол пояс с кобурой, а по левую положил фуражку, обнажив ежик белых нордических волос, будто осветленных перекисью водорода. Прямо над его головой из тени с хитроватым прищуром смотрел из-под козырька практик коммунизма. Легендарная кепка скрывала непривлекательную плешь и словно приближала дворянина к рабочему люду.

Ленар покосился через плечо назад. Деревянная. Стрейт-эджер никогда не выбивал дверей и не интересовался, как это делается. Если что, придется рисковать. Сосредоточив всю силу, целиться в зону над ручкой. Этот участок отдален от петель, поэтому сопротивляемость там наименьшая. Один-два мощных удара ногой, на остальные не хватит времени.

Крайние случаи – крайние меры.

Думпис между тем выдвинул ящик и вытащил металлический портсигар и спички.

– Все курильщики всегда и везде отдают предпочтение «Красной звезде», – продекламировал он и затаился. – Если не позволять привычке обуздать тебя, то и вреда нет.

Матвей напрасно понадеялся, что убеждения приятеля не дадут ему мириться с табачным дымом.

На письменном столе привлекали внимание гипсовый бюст Ленина, чернильница в форме пистолета и груд папок с надписями «Хранить вечно». Судя по обстановке, хозяин замышлял то ли мастерскую, то ли музей, то ли все разом.

Хмурый Ленар, скрестив руки на груди, не возразил. Срывались планы и нарушались принципы, и хорошо еще, если им удастся выбраться отсюда живыми и здоровыми. Знать бы, кто перед ними. Не исключено, что особого рода маньяк, до безумия ценящий антураж, до последнего стоящий на страже стильных раритетов.

– Успокою вас тем, что я не собираюсь мучить вас лекциями или истязать иными способами. Моя задача – максимально кратко устранить пробелы в вашей картине мира, дабы направить на правильный путь. А шагать по нему вам предстоит самостоятельно.

Не сговариваясь, историки кивнули. Ленар, как и Матвей, не определился, как вести себя с незнакомцем. Далеко не факт, что весь драматический театр – это не игра. Далекий от юридического системы гражданин, каким бы сознательным он ни был, не может точно утверждать, до какой степени сложна правоохранительная структура в России. Детские комнаты милиции вроде бы ликвидировали еще в СССР, однако никто не мешал законодательной власти создать какой-нибудь комитет профилактики молодежи или отдел по принудительному инструктажу. Они и не такое соорудят – под шумок об Олимпиаде, например. В конце концов, Ленар в глаза не видел внутреннего устава полиции и содержащихся там директив по оформлению помещения.

– По-хорошему, конечно, вас стоит направить на курсы воспитания. Пристроить в коммуны на месяц.

Всякого неокрепшего духом можно и нужно возродить для новой жизни. История Германа Рымбаева показательна. Наверное, не слышали о нем?

Матвей на всякий случай мотнул головой.

– Но коммуна – это следующий этап, туда всегда успеете попасть, составить заявление я помогу. А первый этап – это уяснение истины. Родная партия не манипулирует психологией масс, как поступал царизм. Мы прививаем народу сознательность и тем самым убеждаем его идти за нами. За нами – сила.

Последнюю фразу Думпис произнес ровно, без напыщенности.

– Как вы понимаете силу? – спросил он. – Что ее дает?

Полицейский интонационно выделил «вы».

– Смелее, ваши мысли?

– Физика и интеллект, чтобы ее применять? – предположил Ленар.

– Выносливость и упорство, – прибавил Матвей.

Думпис неспешно достал пепельницу и затушил папиросу.

– Ум и физическая культура не главные составляющие. Лавр, Адмирал, Барон, Батяка обладали ими – и были образцово разбиты. Еще мысли?

Ленар для удобства убрал руки с груди на колени и произнес:

– Выразусь пафосно. Силу дает правда.

– Уже точнее, – сказал Думпис. – Правда нуждается в диалектическом подходе. Когда стороны меряются правдами, побеждает вернейшая из них. Истина рождается в искрах, высеченных классовой борьбой.

– Кто сильнее, тот и прав? – Ленар скрестил руки на груди.

Вольность не укрылась от Думписа.

– Повторяю, диалектический подход, – каменным тоном сказал он. – Не сила права, а правда сильна. А подлинная сила – это исторически обусловленная уверенность в собственной правоте, возникшая как реакция на несправедливость существующего порядка. После сращения христианства с капиталистической гнусью мир искал новой истины. После мутации либеральных образований в неолиберальный клоповник мир уже не ищет истины – он вопиет о ней. Паразитирование на массах, угнетение народов, культивация пошлости – все вызывает к свержению порядка, насаженого нелюдями ради нелюдей.

Глаза «комиссара» сверкали.

– Есть два пути: загнивание или красный ренессанс. Либо мы деградируем в безропотное стадо,

имитирующее борьбу, либо бросаем вызов самопровозглашенной власти. И ни секунды не сомневаемся в себе.

Если что отчетливо и выражали лица историков, так это сомнения.

– Подумайте над этим. Вот что я намеревался до вас донести.

Матвей и Ленар переглянулись. Ленар рискнул посмотреть время на наручных часах.

На прощание Думпис, прервав свои безумные косноязыкие измышления, дал историкам анкеты на пожелтевших листах и простые карандаши с затупленными грифелями. Друзья подошли к заданию по-разному. Матвей сверялся с совестью на каждой графе и размышлял даже на пункте «Национальность», хотя и обладал чистокровным русским происхождением вплоть до третьего колена, дальше которого простирался бесконечный пробел. Свои религиозные убеждения историограф определил как атеистические. Ленар предпочел творческую интуицию: назвался Махсудом, выдумал адрес (Кропоткина, д. 19, кв. 21). Предельную серьезность новоявленный Махсуд проявил лишь в графе «Интересы», первым делом вписав туда стрейт-эдж, и в графе «Политические взгляды». Либертарианство – это не поле для юмора.

Зачем искать другие убеждения, если тебя устраивают твои?

Непосредственно перед осенним призывом Ленар с удивлением узнал, что его друг вступил в компартию и уже оплатил оргвзнос. Сам Ленар настраивался держаться стрейт-эджа и в армии. Его вдохновляли истории американских участников движения, не изменивших своим принципам и в тюрьме. Устроить недельную голодовку – это сильный шаг, сравнимый разве что с толстовским вызовом церкви. Стрейт-эдж доказывает, что можно быть леваком и вне марксизма.

Когда Ленар в районном военкомате прошел всех специалистов, ему велели явиться в 37-й кабинет за инструкциями. Кабинет соседствовал с туалетом в конце коридора, поэтому призывник скоро прошмыгнул сквозь назойливый запах за массивную металлическую дверь.

В темной комнате без окна за узким столом восседал Думпис. Белый халат был накинут поверх поношенной кожанки. По обе руки лежали фуражка и пояс с кобурой. Ствол вытянутого револьвера смотрел прямо в живот Ленару. Настольная лампа высвечивала небритое лицо. Остатки света растекались по стенам, обшитым листовым металлом.

Историк дернулся обратно, и в этот момент Думпис саданул по кнопке перед собой, и раздался щелчок, будто внутри двери что-то сломалось.

– Заперто, – медью отозвался голос старого знакомого. – От вас я ожидал большей сознательности. Ваш бдительный друг сообщил, что вы поддались тлетворному влиянию буржуазной идеологии. Садитесь, Махсуд.

Ленар сел – чтобы прийти в себя.

– У нас есть неопровержимые доказательства ваших контактов с украинской ячейкой. Скрины, переписка, признания. Отпираться бесполезно.

В свое время Ленар и вправду обменивался с украинскими анархистами мнениями о новом альбоме известной в узких кругах группы Wolf Down. Сетевая беседа перетекла в обсуждение военного конфликта, и Ленар резко выразился насчет правительств. Обоих...

– Вы совершили акт политического безумия, – сказал Думпис. – Протянули руку врагу в переломный момент, выступили пособником западного капитала. Будете писать признание?

Призывник хотел возразить, что все иначе, что он из новых левых. Но язык будто онемел до корня.

НЕФОРМАТ

«В поисках новой пьесы — 2017», шорт-лист «Маленькой Ремарки» (2018). Шорт-лист премии «Лицей» (2018, повесть «Голова-жестяннка»). Шорт-лист премии «Нинигуру» (2018). Лауреат премии имени В.П. Крапивина (2018). Участник лабораторий театра «Прантина» — «Прантина пост-драматурга» (2018–2019).

– Слушай, я что на днях по телику видел...
 – Телик – зло.
 – Угу. Я же у бабки постоянно. Она обожает это зло. Просто притон зла у нее дома.

Лариса. Ну, дядя Валера.

Серена. Что-то ты путаешься в показаниях.

Лариса. Какая разница. *(Прячет деньги.)*

Серена. Правда что, какая разница.

Лариса. Не хочешь – не надо.

Серена. Не хочу. Не надо. И это вот тоже убери отсюда. *(Отодвигает от себя пакет.)*

Лариса. Че убери, может, ты убери? Мы это, как саврасы, вдвоем тащили, а ты и пальцем не пошевелишь, это ты тоже есть будешь, между прочим.

Серена. Не буду.

Лариса. Ты так долго не протянешь. *(Демонстративно достает из пакета кулек с черешней, ест, выплевывает косточки.)*

Серена. Что ты жрешь ее, она грязная, немывтая.

Лариса. Мне аппендицит уже вырезали.

Серена. Иди в дом вообще, что ты тут...

Лариса. Потом.

Серена. Ждешь кого-то, что ли?

Лариса. А ты не ждешь?

Серена. Саньку своего ждешь, да?

Лариса. А тебя Катька опять послала?

Серена. Давай-давай. Будешь ходить к своему Саньке, такой же станешь.

Лариса. Какой – такой же?

Серена. Как эта.

Лариса. Точно, послала тебя Катька. А мы видели их, когда шли. Они там за домом бутылки на палках повтыкали и ездят. Не скоро еще будут. А ты ее ждешь, как дурачок...

Серена. Слушай, я что на днях по телику видел...

Лариса. Телик – зло.

Серена. Угу. Я же у бабки постоянно. Она обожает это зло. Просто притон зла у нее дома. Так вот, там передача была, из этих скандалов, и вот показывают. У женщины умер муж. И она стала мужиков к себе водить. Крыша съехала маленько. А у нее два сына были, подростки. Они терпели-терпели, а потом закопали ее в огороде.

Лариса. Дебил.

Серена. Через три недели признались.

Лариса. Да это не то вообще! Кто к ней ходит? Это ее друзья вообще. Они же договорились ей помогать. Еще на поминках.

Серена. А че она из дома сразу выгоняет, как кто придет? Меня к бабке! А ты к Саньке ходишь, и ей ничего!..

Лариса. Да пьют они просто. Выпивают. Стыдно, наверное...

Серена. Ей другое стыдно. Не заметила? Она все фотки в комод прячет. Или вот так кладет плашмя. Ей стыдно, что отец смотрит.

Лариса. Бредишь... Я знаю. Это тебя Катька послала, и у тебя комплексы.

Серена. При чем тут Катька вообще?

Лариса. Послала же, да? Я по лицу вижу.

СЕРЕНА молчит, утынается в телефон. ЛАРИСА нидает в него носточными черешни.

Лариса. Серёнь! Ну Серёнь! Ну че у тебя там с Катькой? А? Ну, скажи, мне интересно. Ну, скажи!

Серена. Еще раз так сделаешь – буду бить тебя. Очень больно.

Лариса. Раньше что-то не бил. Боялся?

Серена. Просто раньше я любил тебя больше.

Лариса. Меня-то за что?

Серена. А ты, типа, не видишь ничего? Ты, типа, фея?

Лариса. Это ее жизнь! Понимаешь – ее!

Серена. У нее жизнь. А у меня что – говно на палке?

Лариса. Так скажи ей! Поговори с ней сам! Че ты мне-то вываливаешь!

Серена. Мне там находиться противно.

Лариса. А мне лучше, что ли? Потерпишь! Я в магазин ее водила! Теперь твоя очередь!

СЕРЕЖА берет панет с продуктами и рюкзан, уходит в дом. ЛАРИСА сидит на крыльце, плачет.

2.

Нвартира. Нухня. ЛИДИЯ режет хлеб. СЕРЕЖА входит, ставит панет на стол, рюкзан на табуретку. Некоторое время наблюдает за ЛИДИЕЙ.

Сережа. Тупой. Дай.

Лидия. Что? *(Сережа забирает у нее нож.)* Ты со мной разговариваешь?

Сережа. А с кем? С привидением? *(Внимает из ящичка стола точильный камень.)* Масло.

Лидия. Что «масло»?

Сережа. Масло дай. Надо капельку масла. Так папа делал, когда точил. Ты помнишь, я надеюсь?

Лидия. Надо вообще керамические ножи купить, они не затупливаются. *(Вытирает руки, достает из сумки кошелек, из кошелька – деньги.)* Вот. Пойдешь к бабушке – купи, у нее в торгушке рядом.

Сережа. Я сегодня опять к бабушке?

Лидия. Ей с утра на службу.

Сережа. Пусть Лариска проводит.

Лидия. Лариска к Саньке.

Сережа. Лариска к Саньке. Ты, значит, тут. А бабушка за всех молится. Хорошо устроились.

Лидия. Можешь не ходить.

Сережа. Да нет, я пойду.

Лидия. Не надо. Бабушка сама как-нибудь дотащится.

Сережа. Вот только меня не надо виноватым делать. И вообще, зачем эти ножи, они кости не режут. Надо машинку.

Лидия. Купи машинку.

Сережа. Купи да купи... Я к Кате схожу, у нее у папы есть.

Лидия. Ой, я не люблю вот это все. Хожение по соседям. Как в советские времена. За солью, за фикусами...

Сережа. Ты не любишь – я пойду.

Лидия. А потом говорят черт-те что.

Сережа. Кто говорит? Никто ничего не говорит.

Лидия. Ладно, иди к Кате своей.

Сережа. Я просто не хочу тратить деньги, которых нет.

Лидия. Только Катя же еще не дома. Они там на пустыре ездят. Папа учит ее.

Сережа. Ну, подожду под дверь.

Лидия. К бабушке пойдешь?

Сережа. Не знаю.

Лидия. Если пойдешь, позвони ей заранее.

Сережа. Денег нет.

Лидия. Возьми на телефон себе. И на ножи.

СЕРЕЖА забирает деньги со стола. Берет нож. Выходит. ЛИДИЯ смотрит на фотографию на полке. Кладет ее плашмя.

3.

Двор. Осенние сумерки. ЛАРИСА все еще ждет. Нанонец появляется САНЬКА.

Лариса *(вскакивая)*. Десять часов!

Санька. Ну брат только с армии, я не мог не пойти, говорил же.

Лариса. Он неделю как с армии, а все одно и то же.

Санька. Я не мог не пойти.

Лариса. Волосы влажные...

Санька. Из бани только, пошли скорее, продувает.

Лариса. Вы в бане были?

Санька. В сауне.

Лариса. Со шлюхами, конечно.

Санька. Ларис, че ты сразу начинаешь?

Лариса. А ты меня за дуру держишь? Че вы там еще делать-то могли!

Санька. Ну, типа, мыться, не?

Лариса. Да ты пьяный вообще!

Санька. Слушай, нет, они хотели, да куда там, насмешили только, им бы до дома доползти, а не шлюхи, какие им там шлюхи. Я же позже приехал, я с автосервиса только, они уже упоротые были, они там без меня начали с Жорой. Блин, пацаны смешные, храбрились, храбрились, потом... на стан поедem, в бильярд поедem, в итоге, слушай, поехали до Жоры, он вылез из машины и упал на четвереньки, ну ясно все, мы его там оставили. Потом в бильярд ехали-ехали...

Лариса. На время хоть бы смотрели!

Саньна. Так я и говорю, я смотрю на время,
я смотрю – время уже ого, говорю,
остановите тут...

Лариса. Спасибо, вспомнил обо мне.

Саньна. Да я не мог не поехать, говорю,
я всегда о тебе помню, я и выпил не-
много специально. А пацаны смешные,
вот зачем это гарцевание, не пони-
маю, шлюх снимем, на стан поедem...
и те де...

Лариса. Так были все-таки?

Саньна. Что?

Лариса. Шлюхи.

Саньна. Что ты вцепилась в этих шлюх?

А были бы, я бы и не стал. Я вообще
считаю, это подло как-то.

Лариса. Ну-ну.

Саньна. Ну, просто, шлюхи – это уж точно без
любви. А мир без любви – он жалкий
какой-то.

Лариса. Угу.

Саньна. Я бы и сам не захотел со шлюхами.

Лариса. Захотел бы. Просто у тебя денег нет.
Автосервис, млять.

Саньна. Лариса, у тебя мать опять, да? Это?

Лариса. Не твое дело.

Саньна. Слышь, я че думаю. Надо твою мать
напугать как-то.

Лариса. Как ты ее напугаешь?

Саньна. Ну я не знаю, призрак соорудить.

Лариса. Урод. Ты соображаешь вообще?

Саньна. А что, а что я могу предложить, ты
что, хочешь, вот так вот чтобы все
было постоянно?

Лариса. Ниче я не хочу.

Саньна. Все, хватит, я закоченел уже совсем.
Пошли.

Лариса. Серега сказал – если я к тебе буду
ходить, такой же стану. Как она.

Саньна. Вот, значит, как Серега сказал...

Из подъезда выходит СЕРЕЖА
с ножом.

Сережа. Сначала просохни, потом к сестре
моей подходи.

Саньна. У тебя забыл спросить.

Сережа. Я не шучу.

Саньна. А без ножа ссышь?

Лариса. Серёнь, ты че?!

Сережа. Че-че, нож ходил точить у Катьки.

Лариса. Ее нету же!

Сережа. Нету, вот я на улицу вышел ждать.

Саньна. Она не придет, больно ты ей нужен.

Сережа. Отойди, я нервный.

Лариса. Серёнь, отдай мне.

Сережа. Не дам.

Лариса. Ну зачем он тебе тут?

Сережа. А может, я хочу посмотреть, кто се-
годня придет?

Лариса. Ну увидишь – и что ты сделаешь?

Сережа. Что-нибудь сделаю.

Саньна. О, смертоубийство. Блин, засада,
я попкорна не запас.

СЕРЕЖА поворачивается к САНЬНЕ,
медленно идет на него.

Саньна. Слышь, ты глазенки не закатывай.
Отщепись, млять, «ярость берсерка».

К подъезду подходит НАТЯ.

Саньна. Катюха! Че, как покатались?

Натя. Я уже почти профи.

Саньна. Теперь еще машину свою осталось...

Натя. Мне дядя обещал совсем отдать. Ну,
после восемнадцати.

Саньна. Она дорогая какая-то вроде у него.
Японка?

Натя. Ага. Да он ездит неаккуратно. Его
били, скотчем заклеивали. Ему стыд-
но теперь за нее садиться, гово-
рит – че она вся грязная, как свинья,
скотчем заклеенная. Папа поорал,
конечно, с него, решил у него выку-
пить, по-родственному.

Саньна. Я бы такую машину облизывал на
месте твоего дяди...

Натя. Да там на ремонт уже по полмашины
стоимость. Он недавно два диска
погнул, оборвал крепление стаби-
лизатора, кто-то его обгонял там,
подрезал, он вылетел на встречку,
зацепил арку какого-то автобуса,
поворотник разбил...

Саньна. Тебе до восемнадцати рога да копыта
останутся!

Натя. Да вот как бы не так. *(Сереже.)* А ты
че с ножом?

Сережа. Тебя ждал.

Натя. Меня? С ножом?

Саньна. Он хотел со мной устроить махач.

Натя. Горячий африканский парень.

Серена. Мне наточить его надо, у тебя машинка была...

Натя. Ой, я не помню, где у нас машинка. Ее, кажется, папа в гараж утащил.

Серена. На фига машинка в гараже?

Натя. А он все туда тащит, как хомяк. Скоро там поселится. Я бы тоже поселилась. Ладно, давай мне, я наточу.

Серена *(отдавая нож)*. Спасибо. Занеси завтра.

Натя. Может, и сегодня.

Серена. Сегодня поздно.

Саньна. Сегодня тебе нельзя. Сегодня к матери его – хахаль придет.

Лариса *(со слезами)*. Быстро с глаз моих уйди! Быстро!

САНЬНА уходит.

Натя. М-да. Что, совсем все плохо?

Серена. Нормально.

Натя. Как у самого дела? В музыкалку ходишь?

Серена. Счас Соломон болеет, временно не хожу.

Натя. Жалко, ты не на гитаре учишься, а на пианино. Вышел бы, сбавал что-нибудь.

Серена. Да я хоть на чем могу сбавать. Хоть на расческе. Слушай, я вспомнил... Ты в восьмом с нами еще не училась?

Натя. Нет.

Серена. Тогда ты не помнишь. Мы в седьмом или восьмом классе делали игру по русскому языку. Разделялись на команды. И там было одно из заданий – переделать песню, мы переделали эту, знаешь – «дружба крепкая не сломается», а подыгрывать не знали на чем. Я взял расческу с бумагой. А у нее звук такой бурдонный...

Натя. Какой?

Серена. Бурдонный, это когда все на одной ноте. И ты голосом модуляции делаешь. То есть как бы поешь, но очень громко. Просто жешь.

Натя. Жешь, да.

Серена. У тебя есть расческа?

Натя. Нет.

Серена. Ларис?

Лариса. Нет.

Серена. А еще девочки, блин.

Натя. У меня массажка, не пойдет.

Серена. А, ну, кстати, по массажке можно пальцем тыркать, как бы перкуссия.

Натя. Смешной ты...

Серена. Это хорошо или плохо?

Натя. Ну так, не совсем.

Лариса. Смешной. Он сам песни пишет и не говорит.

Серена. А ты не пали, самая умная нашлась.

Натя. Реально пишешь? А спой?

Серена. Потом как-нибудь. Сейчас поздно уже. Будут кидать ботинками. Из этих, из окон.

Натя. Отмазон такой отмазон...

Серена. Да просто я не могу... В смысле, я их не а капелла... ну, там аккомпанемент нужен. Пианинка.

Натя. Зайду как-нибудь, сыграешь.

Серена. Зайди, ладно. Как-нибудь.

Натя. Смотри, обещал! Ладно. Спокойной ночи. *(Поднимается на крыльцо, заходит в подъезд.)*

Серена *(Ларисе)*. Ну че! Пошли со мной к бабушке?

Лариса. Она по мозгам ездить будет...

Серена. А куда еще, не домой же.

Лариса. Ну да.

Серена. Хочешь, я ее отвлекать буду. Скажу, что креститься хочу.

Лариса. Она же тебя потащит.

Серена. Ну и что?

Лариса. Все равно?

Серена. Все равно.

Уходят.

4.

Квартира. Прихожая. Звонок в дверь. ЛИДИЯ открывает, внутрь заглядывает НАТЯ.

Натя. Здравствуйте. Ой, какая вы красивая...

Лидия. Серена у бабушки.

Натя. Я знаю. Ой, а из чего халат у вас такой красивый?

Лидия. Шелковый.

Натя. Нет, в смысле, не из чего, я неправильно сказала, – откуда?

Лидия. Коля из какой-то командировки привез, его как конструктора отправляли. Царство небесное.

Натя. Очень красивый. Из Индии, наверное.

Лидия. Да перестань, старый, вон катышки на локтях, вообще я в нем сплю, я спать собиралась.

Натя. А вы макияж перед сном не смываете?

Лидия. Почему, смываю...

Натя. А брови у вас нарисованные или свои?

Лидия. Нарисованы.

Натя. Я всегда думала, женщины, у которых брови нарисованы, как они... ну... как они...

Лидия. Чего?

Натя. Извините. Ну, когда с мужчинами они. Брови же... Они брови смывают заранее, перед тем как – или прямо так? Потому что если с нарисованными, они же размажутся. А если без бровей, так это страшно совсем, рожа страшная, как ее мужчина будет...

Лидия. Катя, хватит строить из себя, будто ты из деревни, время тянуть.

Натя. Я не тяну, я вам нож принесла. Увидела халат и брови и забыла совсем.

Лидия. Наточили? *(Забирает, пробует лезвие.)* Ни черта вы не наточили.

Натя. Мы точили-точили, точили-точили, но у Сереги руки не из того места.

Лидия. Спасибо за старания.

Снаружи на лестнице слышны шаги, в прихожую заглядывает СОЛОМОН.

Натя. Это вы? Это вы?

Соломон. Что такое? Это я, ничего, кроме меня.

Натя. А Серега сказал, что вы болеете. А вы как-то не совсем.

Соломон. Серега мог такое сказать, да, я уже понял.

Натя. Так, может, вам вредно?

Соломон. Что – вредно?

Натя. Гулять на ночь глядя.

Лидия. Это детям вредно. А взрослым можно. Катя, иди спать.

Натя *(Соломону)*. Не ожидала от вас. Вот от вас – не ожидала.

НАТЯ уходит.

Лидия. Что же это ты, правда, ходишь по ночам? А, Соломон Адамыч?

Соломон. Пришел как раз о Сереже поговорить.

Лидия. Ночью?

Соломон. Да какая ночь, детское время, мы в школе торчим, к празднику готовимся. Я мимо шел, вижу – окна светятся...

Лидия. Под окнами ходишь? Как в старые добрые?

Соломон. В старые добрые я не ходил.

Лидия. Ну да. Это я за тобой бегала.

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон.

Соломон. Да. Да, только закончили. Да ни с кем я, скоро приду. Да. Пока. Да, конечно. Пока. Угу. Пока. *(Сбрасывает.)*

Соломон. Сережа не ходит на занятия.

Лидия. Говорит, что ты болеешь.

Соломон. Ничего я не боюсь. Я думал, он боится. А ты не звонишь, не проверяешь.

Лидия. Хочешь, чтоб еще я тебе звонила, проверяла?

Соломон. Он тебе врет, я бы на твоём месте насторожился.

Лидия. Знаешь, я вообще перестала вопросы задавать. Нервы дороже. На школу там надо, я портфель собираю, по старой памяти, а то он рассеянный. Карандаши там, пенал, тетради. Ноты.

Соломон. Ему нельзя бросать.

Лидия. Ты ему это скажи, это же он не ходит.

Соломон. Он способный.

Лидия. Способный? И кем он будет? Кем он у нас тут станет? Учителем в школе? В ресторане лабать?

Снова звонит мобильный СОЛОМОНА.

Соломон. Я иду уже, иду. Вот, возле разезда. Да, смотрю. Пока. Осторожно. Пока. *(Сбрасывает.)*

ЛИДИЯ смотрит на него насмешливо.

Соломон. Слушай, если ты хочешь его забрать...

Лидия. Я уже ничего не хочу. Мне вообще сложно уже что-то хотеть.

Соломон. Лидия...

Лидия. Пусть сам разбирается со своей жизнью. И тебе того же желаю.

– Ты в следующий раз бей сразу ногами. Руки береги. Руки для музыканта – главное.
– Какой я музыкант...
– Если будешь дальше прогуливать, точно никакой станешь.

Димас. Серега, я тебе сказал – Христос воскрес, как надо отвечать?

Сережа (*подходя*). Воистину воскрес.

Мария Михайловна (*кричит издали*). Сережа, мне не нравятся твои друзья!

Сережа (*широко улыбаясь*). Только пасхальная неделя давно закончилась.

Димас. Края потерял, да?

Мария Михайловна. Сережа, пойдем скорее!

Сережа. Баб, вы идите, я счас! (*Хватает за руку Димаса, трясет ее, хлопает его по спине, продолжая улыбаться.*) Что вы хотели, друзья?

Димас. Охерел? Че ты шерисься, пасть закрой.

Сережа (*с улыбкой*). Я сейчас драться не могу.

Мария Михайловна. Сережа, может, ты палку мою возьмешь?

Димас. Иди возьми палку, обсос, бабушка волнуется.

Сережа (*улыбаясь*). Че хотите, как хотите. Хотите подраться – пожалуйста, но потом. Пусть они уйдут. У нее сердце слабое.

Димас. Счас заплачем от жалости, млять.

Сережа (*улыбаясь*). Я тебе денег дам, только уйдите. (*Вынимает из кармана купюры, протягивает.*)

ДИМАС медленно забирает деньги.

Мария Михайловна. Сережа, нищим это много! Много!

Лариса. Бабуль, он им занимал, он им должен! Пошли, они разберутся!

Димас. Брата моего мочкануть хотел, ссыкло, с ножом на человека, а меня купить собрался?

Сережа. Я ходил нож точить, это Санька твой – ссыкло.

ДИМАС медленно сминает деньги в ном.

Димас. А я твою маму знаешь что? Знаешь?

СЕРЕЖА рвется ударить ДИМАСА. По сигналу друзья ДИМАСА хватают СЕРЕЖУ за руки и удерживают, а ДИМАС засовывает СЕРЕЖЕ деньги в рот.

Мария Михайловна. Сережа, палку! Палку! Палку!

Лариса. Бабушка, стой!

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА добирается до дерущихся и колотит их по спине палкой. ЛАРИСА пытается ее оттащить. Появляется СОЛОМОН, вмешивается в драку, наносит довольно точные и болезненные удары, после чего нуча-мала распадается.

Димас. Вы-то че, млять? Вам-то че не живется?

Соломон. Милиция уже едет, уходи подобру, Дмитрий.

Димас (*Сереже*). Я тебя найду потом.

ДИМАС и его дружки уходят.

Лариса. Бабушка, ты как? Может, скорую?

Мария Михайловна. Нет, ты знаешь, я как-то даже взбодрилась. (*Соломону.*) Санечка, спасибо, колокольчик.

Соломон. Да не за что, тетя Маша. (*Сереже.*) Ты в следующий раз бей сразу ногами. Руки береги. Руки для музыканта – главное.

Сережа. Какой я музыкант...

Соломон. Если будешь дальше прогуливать, точно никакой станешь.

Сережа. Ну и пусть.

Соломон. Что значит – пусть? Тебе рано пока.

Сереза. Что рано?

Соломон. Жить в разочарованиях.

Лариса. Бабуля, на службу опоздаем!

Мария Михайловна. Пойдем, пойдем, колокольчик.

Сереза, догоняй нас.

Идут к храму, СОЛОМОН и СЕРЕЖА остаются. СЕРЕЖА собирает разбросанные деньги.

Сереза. Зачем вы вообще влезли?

Соломон. Я вчера у твоей матери был.

Сереза. Вы были у моей матери?

Соломон. Я не за этим...

Сереза. За чем — «за этим»?

Соломон. Я узнать, почему ты не ходишь.

Сереза. Я к отцу хожу. А то там не убирает никто.

Соломон. Не обязательно так часто убирать.

Сереза. Я просто посидеть. А то и поговорить не с кем.

Соломон. Можешь со мной говорить.

Сереза. Да сейчас!

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон.

Соломон. Да. Да, куплю. Да, я прогуляться решил. Воздух хороший. Обязательно попозже вылезем. Да, пока. Да. Хорошо. Пока. Да. Пока.

Пока он говорит, СЕРЕЖА уходит.

Соломон. Сереза!..

6.

Утро. Нладбище. СЕРЕЖА приходит на могилу отца с буханкой хлеба и бутылкой водки. Часть выливает на могилу, отщипывает хлеба, сидит возле могилы на скамейке.

Сереза. Знаешь... Я не хочу никого убивать. Я даже хотеть не хочу.

СЕРЕЖА пьет и съедает всю буханку, играет на расческе.

7.

День. Спальня в квартире ЛИДИИ. На столе включенный ноутбук,

пепельница с окурками, пустые бутылки, упакровки от продуктов, тарелки с крошками. ВАЛЕРА один в кровати, просыпается, потягивается. Встает, замечает ноутбук, присаживается к столу, что-то смотрит в браузере.

Входит ЛИДИЯ.

Лидия. Ты че там?

Валера. Да мне ехать сейчас на подписание, хотел посмотреть, куда.

Лидия. В телефоне карты есть.

Валера. Я не умею их, куда их тыкать...

Лидия. Слушай, даже я умею.

Валера. Я уже нашел тут, мне на Московку надо.

Лидия. Что ты забыл-то там?

Валера. Как обычно, договор на аренду под-писывать.

Лидия. Может, ну его?

Валера. Ты что, нельзя отменять, еще гоняться потом за ними. Они же вечно: ой, давайте не в этот день. Ой, давайте перенесем. В итоге едешь в воскресенье в десять, одиннадцать утра на другой конец города. Причем при-едешь, а они каждый раз наливают за знакомство. Я уже избегать пытаюсь. А они свое: ну, за знакомство! Ты такой: ну, может, без этого, может, сразу? Не-е-ет — за знакомство. И таких встреч три-четыре может быть. В аптеке, помню, ездил подписывать, мне вообще стакан спирта налили.

Лидия. Так ты похмеляться едешь?

Валера. Куда там — похмеляться, я и сам не рад, иногда такую гадость нальют — из своих запасов, что ли. Выпиваешь стакан — фу, дрянь какая. Через десять минут: вау, выход за пределы сознания. Еще через десять: да я все вам подпишу на ваших условиях, дай-те уже пойти пописать.

Лидия. Сгораешь на работе просто. У Коли вон поджелудка отказала, не боишься?

Валера. Да, с Колей ужас, конечно.

Лидия. А ты знаешь, что он между корпусами лежал полчаса и никто даже не подошел, не поинтересовался?

Валера. Там пусто в пересменку, никто просто не видел, видимо.

Лидия. Потом я уже звонить стала. А он не любил, чтоб на работу звонили, ругался. Я просто что-то почувствовала.

Валера. Да ужас, Лид, чего говорить.

Лидия. Это я к тому, что как пить вместе, так все друзья, а как померешь, так просто алкашня, и никто никому ничего.

Валера. Ну что сразу – алкашня...

Лидия. И Коля был алкаш, и ты алкаш.

Валера. Че сразу алкаш, работа вредная, говорю.

Лидия. Убереги нас божечка от работы от такой, чтоб пить все время и не знать, куда себя деть.

Валера. Тебя божечка неплохо от работы бережет.

Лидия. Да я ишу. Не устроилась еще просто. За хорошие места люди зубами держатся.

Валера. Держатся... Видел я, как ты ищешь. По истории пошарил (*живает на ноутбук*). Базу расширяешь? Клиентов новых, тэкскэть...

Лидия. Сейчас выйдешь отсюда и никогда больше не зайдешь.

Валера. Ты же нормальная баба, на экономиста училась.

Лидия. Училась, свое уже отучилась, чтоб еще ты меня учил.

Валера. Ты так долго не вынесешь.

Лидия. Я много чего вынесла. Когда отца на заборе повесили, мама согнулась вся в дугу и только и могла, что молиться, а я – жила. Когда на проходную дозвонилась и мне сказали, что Коля все, я вынесла.

Валера. Не вынесла. Ты вот этим всем себя добиваешь сейчас.

Лидия. Чем «вот этим»? Чего ты там такого наискал? Вот это вообще подло, я тебе скажу, как в грязном белье копаться.

Валера. А я тебе скажу, это плохо, когда история браузера похожа на грязное белье.

Лидия. Все. Вали.

Валера. Выбери лучше кого-нибудь из нас. Не один же я к тебе хожу. Эти твои

друзья, которые давно друзья... Кто там на поминках был, Сарычев? Из банка который...

Лидия. Из банка. Он там давно не работает, кстати, а ему все тычут этим банком. Он оскорбляется, интеллигентный такой стал.

Валера. А, ну раз ушел, значит, не вариант тебе.

Лидия. Валера, не доводи, уходи подобру.

Валера. Еще там кто-то был, молоденький, носатый, но у него вроде жена...

Лидия. Договор свой опоздаешь подписать.

Валера. Ничего, подождут. Или, может, профессор музыки твой?

Лидия. У него мама.

Валера. Что – мама? Он на маме женат?

Лидия. Мама парализована.

Валера. Тоже тебе не подходит, такой груз на шею...

ЛИДИЯ замахивается на него.

Валера. Вот и выходит, что лучше меня варианта нет.

Лидия. Это ты мне так предложение делаешь? Оскорбив меня всячески?

Валера. Я хочу, чтоб ты отрезвилась немного.

Лидия. Сам отрезвись, алкашня.

Валера. У тебя, как Коли не стало, будто и глаз не стало. Ты не видишь, что делаешь? Дети у тебя где? Где твои дети?

Лидия. У бабушки дети.

Валера. Материнский инстинкт у тебя есть?

Лидия. Материнский инстинкт – это выдумки, мужики выдумали, для удобства, чтоб женщину к месту привязать. А если бы он и был, я бы никаким инстинктом не решила второй раз за алкаша выйти. Коле сорока не было. Уходи, не могу больше.

Валера. Ты думаешь, такая гордая, послала, так к тебе другие прибегут? Скурвишься быстро. Не молоденькая.

Громкий стун в дверь.

Валера. Иди дверь открой.

Лидия. Я не открываю никому. Я женщина одинокая, мало ли что.

Валера. Может, это дети твои.

Лидия. У детей ключи есть. И бабушка звонит, когда они идут.

Валера. Я вот так же один раз к тебе стучал, ты не открыла.

Лидия. Звонить надо было заранее.

Стук повторяется, стучат долго, громно.

Валера. Ну и кто там такой настойчивый?

Идет в прихожую, открывает дверь, возвращается с СЕРЕЖЕЙ. СЕРЕЖА пьян.

Валера. Вон че! Родную кровь не пускаешь!

Сережа. Я не помню, как вас. Дядя Петя? Дядя Саша? Столько новых лиц...

Валера. Прямо вот столько?

Сережа *(увидев на столе мусор)*. Уважаемые жители и гости нашей квартиры! Уважайте труд уборщиц. Просим вас убирать ваше дерьмо с глаз долой. Для вас придуман мусоропровод. *(Сметает все со стола на пол.)*

Лидия. Сережа, ты что, пьян? Ты где деньги взял?

Сережа. Ты сама дала мне деньги.

Лидия. Я тебе на что давала?

Сережа. Скажи спасибо, что не купил, на что давала.

Лидия. Я тебе на ножи давала! Ты что, как папа, хочешь?

Сережа. Да поскорее бы. А ножи лучше от меня подальше, а то прирежу! Или тебя, или себя.

Валера. Ремня не хочешь, нет, в качестве успокоительного?

Лидия. А ты какое право имеешь ему ремнем грозить?

Валера. Я вообще уже ушел.

Лидия. Иди-иди.

ВАЛЕРА уходит, ЛИДИЯ закрывает за ним дверь. СЕРЕЖА вынимает из ящика номада фотографию, другую ставит на полку, третью находит в шкафу и тоже возвращает на место, подравнивает. Роняет фотографию, разбивает стекло.

Сережа. Блин. Папа, прости. *(Пытается собрать осколки.)*

Лидия. Стой, я совок принесу. Стой, обрежься.

Сережа *(собирая осколки)*. Папа, прости меня. Папа, прости.

Лидия. Ты успокоился?

Сережа *(чуть не плачет)*. Ниче я не успокоился.

Лидия. Сердитый такой. Сердитый. Сердитый мой пресердитый. Казачина ты, казачина ты моя глупая...

Сережа. Какая еще казачина, я ненавижу казачков.

Лидия. Так Коля же из казаков, по материнской линии.

Сережа. Мне все равно, я ненавижу казаков, ясно?

Лидия. Он тоже, как что ему не так, сразу наголо шашечку и всех покрошить в крошечки.

Сережа. Не удобряй меня!

Лидия. Что я тебя? Не удобряй?

Сережа. Не пытайся меня удобрить!

Лидия. Ах ты, господи. *(Хохочет.)*

Сережа. ...Разговорами об отце. Не пытайся.

Лидия. Не пытаюсь. Удобрить. *(Не может перестать смеяться.)*

Сережа. Я злой. Я очень злой.

Лидия. Злой-презлой.

Сережа. У меня дико болит голова.

Лидия. Так еще бы, столько выпить. *(Перестает смеяться.)* Сереженька, вот правда, не пей, ладно? Если ты еще будешь пить, я вообще, я не знаю, из окна прыгну.

Сережа. А ты не води кого попало в квартиру. Это моя квартира, моя, тут все мое. Я не хочу, чтоб тут воняло чужими, чтоб были их окурки, бутылки эти, не хочу тут никого видеть. Я дома хочу жить, не у бабки. Это мое место, моя жизнь.

Лидия. Мое, мое. Не твое, а наше.

Сережа. Если не перестанешь водить, я каждый день буду пить.

Лидия. Я тебе денег не дам.

Сережа. Украду, если надо.

Лидия. Сядешь.

Сережа. Тебя прав лишат.

Лидия. Запугать меня хочешь? Иди проспись.

Сережа. Ты если фотки отца убираешь, чтоб он не смотрел, так я буду, как он, чтоб ты видела. Так же приходиться,

Это дикое время было, ужас, у нас во дворе постоянно стреляли, ты представляешь, средь бела дня, а один раз я иду домой, а на площадке сосед другому из-под полы автомат продает.

шататься и падать. И звать тебя Лидкой. Потому что ты Лидка. Лидка, где ужин? Лидка, поменяй мне штаны, я обоссался! Лидка-Лидка! *(Падает.)*

ЛИДИЯ уводит его в другую комнату. СЕРЕНА что-то бормочет и вяло сопротивляется.

ЛИДИЯ возвращается, звонит по городскому телефону.

Лидия. Добрый день, а Соломона Адамовича можно? Почему в школе, воскресенье же?.. Ах, точно, праздник... Нет-нет, я из родительницы, просто про ребенка хотела узнать. Да уж наверное, Клара Хаимовна, вы меня узнали, мы с ним в одной школе учились... *(Слушает, на лице медленно появляется отвращение.)* Я перезвоню. *(Вешает трубку.)*

8.

Нвартира МАРИИ МИХАЙЛОВНЫ, ЛАРИСА смотрит телевизор, МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ходит туда-сюда по комнате.

Мария Михайловна. Ты звонила?

Лариса. Бабуль, не бесись.

Мария Михайловна. Он уже давно должен был вернуться.

Лариса. Решил погулять.

Мария Михайловна. Лидка тоже не отвечает?

Лариса. Да не слышит, наверное.

Мария Михайловна. Черт знает что. Черт знает что.

Лариса. Бабуль, ты че-то раздухарилась. Тебе драка на пользу пошла. Давай я еще тебе Саньку приведу, ты его палкой поколотишь.

Мария Михайловна. А что Санька, поссорились?

Лариса. По ходу, да.

Мария Михайловна. Вот и слава богу.

Лариса. Да?

Мария Михайловна. Не пара он тебе.

Лариса. Угу. Автосервис.

Мария Михайловна. Вот куда они могли с Санькой пойти?

Лариса. Бабуль, ты че, не с Санькой, а с Соломоном.

Мария Михайловна. Соломон тоже Санька. В школе Санькой звали, а то длинно.

Лариса. Да куда б ни пошли, ничего он ему не сделает, учитель же. У них мужской разговор.

Мария Михайловна. Вот пришли бы и тут разговаривали на кухне. Не чужие, между прочим. Твоя мама с этим Соломоном встречалась.

Лариса. Вот прямо?

Мария Михайловна. Она не говорила?

Лариса. Да как-то речи не было.

Мария Михайловна. Мама твоя в школе многим мальчикам нравилась.

Лариса. Уж я догадываюсь.

Мария Михайловна. А потом это было с твоим дедом, ну, ты же знаешь, начало девяностых, он где-то вляпался, с конкурентами не поладил, по бизнесу... Говорила я ему, брось ты этот бизнес, вернись в школу, не помрем с голоду, люди помогут, если что, с дачи будем питаться... Одно лето мы с дачи питались, правда, такие дожди были, и зарплату нам задерживали сильно, так мы и питались одними этими кабачками, только кабачки уродились...

Лариса. Да, ты рассказывала.

Мария Михайловна. Это дикое время было, ужас, у нас во дворе постоянно стреляли, ты представляешь, средь бела дня, а один раз я иду домой, а на площадке сосед другому из-под полы автомат продает.

Лариса. Как – из-под полы? Как он ему влез туда, под полу?

Мария Михайловна. Ну не из-под полы, просто тайком. И не автомат, я спутала. Пистолет.

Лариса. А-а. Санька говорил, что у его папы есть пистолет служебный.

Мария Михайловна. Так я о чем. Когда деда твоего убили, мама твоя как-то быстрее оправилась, чем я, слава богу, в школу только не ходила недели три, ну я уж ее не трогала.

Лариса. Я бы сейчас тоже с удовольствием.

Мария Михайловна. Что ты с удовольствием?

Лариса. В школу не ходила.

Мария Михайловна. Это ты брось.

Лариса. Мне же на него теперь смотреть каждый день.

Мария Михайловна. На кого, не поняла?

Лариса. На Саньку.

Мария Михайловна. Да выкинь его из головы.

Лариса. Угу.

Мария Михайловна. Так о чем я, потом она вернулась в одиннадцатом классе и уже только с одним мальчиком ходила. Вот это как раз Соломон тот и был.

Лариса. А потом чего?

Мария Михайловна. А мать у него ужасная.

Лариса. Мать-то при чем?

Мария Михайловна. Ну не позволила она им.

Лариса. В смысле – не позволила? А кто ее спрашивал?

Мария Михайловна. Ну, я, знаешь, тоже не в торговле была, но его мать – особенно, она такая властная, ты же знаешь, как у них, он, кстати, так и не женился. А она парализованная сейчас, мать-то его, ноги парализовало, он ее в коляске иногда выкатывает. В сквере тут гуляют, видела? Напротив живут.

Лариса. А, точно.

Мария Михайловна. Они в Израиль хотели уехать, а тут ее парализовало, лечились-лечились, надо было денег наскрести и туда ехать, да он не наскреб, денег у него никогда не было, с его музыкалкой.

Лариса. А может, их сейчас помирить?

Мария Михайловна. Да не смейся.

Лариса. А что? Если любовь была.

Мария Михайловна. Да какая любовь в десятом классе.

Лариса. Да хоть в первом.

Мария Михайловна. Не смейся. До любви дорасти надо, а это пока игрушки, в таком возрасте, ненастоящее.

Лариса. Мне кажется, людям самим лучше понятно, настоящее у них или нет, это надо у людей спрашивать, баб.

Мария Михайловна. Где Сережа, я уже не могу. Позвони ему.

Лариса. Сережа-Сережа. Не пропадет твой Сережа!

Мария Михайловна. Он должен пообедать и позаниматься. Ему надо заниматься по два часа в день как минимум.

Лариса. Я тоже хочу обедать. Давай без него пообедаем.

Мария Михайловна. Он в последнее время вообще забросил. Надо за него взяться. Вот Саня, кстати, очень много занимался, они старательные, это у них не отнять.

Лариса. Саня?

Мария Михайловна. Соломон. В школе, тогда.

Лариса. Может, мама поэтому захотела, чтоб Сережа играл.

Мария Михайловна. Может быть.

Лариса. Видишь? Значит, настоящее.

Мария Михайловна. Да бред это.

Лариса. Бред – это когда люди из-за мамы пожениться не могут.

Мария Михайловна. Ой, колокольчик, жизнь намного сложнее. Молодые всегда думают, что родители неправы. А на деле со стороны-то лучше видно.

Лариса. Ну не знаю.

Мария Михайловна (*жестко*). Я зато знаю. Не прекайся.

Лариса (*услышав звонок*). Мобильник возьми, мама, наверное.

Мария Михайловна (*по телефону*). Лидочка! Спит? Ой, как я рада! А чего он спит, день же? Ну да, не выспался, на службу рано мы пошли... Ой, тут что было, он тебе не рассказал?..

Рассказывает в красках про события сегодняшнего утра. ЛАРИСА притворяется, что смотрит телевизор, по щекам натянутся слезы.

Санька. Я не слышу!
 Соня и Вера. Так точно, капитан!
 Санька. Кто проживает на дне унитаза?
 Соня и Вера. Сережа Бородин, шлюхин сын!

Звенит звонок. ЛАРИСА тянет СЕРЕНУ прочь. Остальные топчутся у дверей класса.

Сережа. Куда, контрошка сейчас...
 Лариса. Какая тебе контрошка! Переодеться надо!
 Соня (*засунув голову в дверь кабинета*).
 Слышите! Вероника Пална! Бородин на контрольную идти не хочет!
 Лариса (*шепчет*). Быстро слушай меня. Иди сегодня к Соломону.
 Сережа. Мне только Соломона не хватало, млять.
 Лариса. Вот сейчас иди переоденься, а вечером к Соломону. Он тебе поможет.
 Сережа. Да как он, млять, поможет?
 Лариса. Его мама любила в школе.
 Сережа. Обосраться, как интересно.
 Лариса. Она поэтому тебя на музыку отдала.
 Сережа. И че теперь?
 Лариса. Че теперь, че теперь! Иди к нему, попроси помочь!
 Сережа. Мне что – пойти сказать «возьмите мою мать замуж»?
 Лариса. Тупой, да?
 Сережа. Да, тупой, я не понимаю, что мне это даст.
 Лариса. Я просто думаю, есть настоящие вещи...
 Сережа. Чего-чего?
 Лариса. Настоящие вещи...

Что-то хочет сказать, захлебывается, пытается не заплакать.

Сережа. Я мысли читать не умею. Если есть что сказать – скажи нормально.
 Лариса. Да ты все равно не слушаешь.
 Сережа. Послушаю.
 Лариса. Не слушаешь, меня никто не слушает. Живи себе дальше на дне унитаза. (*Быстро уходит.*)

СЕРЕНА, помедлив, бежит за ней.

11.

Музыкальная школа. Кабинет СОЛОМОНА. Рядом с фортепиано стол, СОЛОМОН заполняет документы. Без стука в дверь входит СЕРЕНА с перевязанной кистью.

Соломон. Ага. Повернись-ка вокруг себя.

Сережа. Зачем?

Соломон. Хочу посмотреть, нет ли на тебе пыли.

Сережа. Откуда бы пыль?

Соломон. Не запылел ли ты.

Сережа. Сегодня все шутят не очень удачно.

Соломон. Ты тоже решил пошутить, я вижу, или правда рука болит?

Сережа. Правда. Ободрался.

Соломон. И зачем ты мне, однорукий бандит?

Сережа. Я все выучил, честно. Могу левую партию показать.

Соломон. Смысл?

Сережа. Ну, не знаю, ну мне уйти, что ли?

Соломон. Писал что-нибудь?

Сережа. Писал. Только потом порвал.

Соломон. Порвал?

Сережа. Потом другое написал.

Соломон. Показывай.

Сережа (*доставая из рюкзака тетрадь*).
 Ну вот. Только я недееспособен.

Соломон. Ну-ка...

СОЛОМОН подходит к фортепиано, наигрывает по нотам, которые принес СЕРЕНА, сначала небрежно, потом увлеченно.

Сережа. Вот.

Соломон. И ты смеешь не приходить.

Сережа. Да это фигня, я на самом деле не за этим.

Соломон. Да ладно.

Сережа. Я хотел с вами поговорить.

Соломон. Как интересно. Мне звонила твоя мама и тоже просила с тобой поговорить.

Сережа. А я хотел поговорить, чтоб вы с ней поговорили.

Соломон. Я уже с ней говорил. Потому что ты пропускаешь занятия. Приходил, не застал тебя.

Сережа. Я знаю. Я сейчас не дома часто. Хотя бы вовсе там не быть.

Соломон. Вот как.

Сереза. Не могу все это видеть.

Соломон. Ясно.

Сереза. Поговорите с ней, а?

Соломон. Почему ты думаешь, что это поможет?

Сереза. Ну, звонит же она вам. Я ее напугал немного, наверное, вот она и звонит. Не кому-то из своих... этих, а вам. Блин, очень тупо себя чувствую.

Соломон. Это нормально.

Сереза. Просто выходит, она никого на место отца не ставит, а вас ставит.

Соломон. Это ты сам додумался?

Сереза. А что?

Соломон. Не своими словами говоришь.

Сереза. Ну да, если честно, это Лариска. Она еще сказала, что вы в школе с мамой... ну, общались.

Соломон. Так.

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон.

Соломон. Да. Да. Я в школе еще, в школе. В школе. Да. *(Сбрасывает.)*

Сереза. В общем, поговорите с ней.

Соломон. Я уже говорил и не думаю, что это поможет.

Сереза. Лариса говорит, что есть настоящие вещи...

Соломон. Лариса говорит, а ты как считаешь?

Сереза. Я никак не считаю, меня задолбало все. А она считает, Лариса, что если все совсем плохо, человека могут вытащить какие-то настоящие вещи. Ну, они у каждого в жизни были.

Соломон. Были.

Сереза. Вот и Лариса сказала, если мама вам звонит, то это, наверное... Блин, тупизм, она когда объясняет, у нее все так одно к одному пригнано, а я сейчас говорю, и тупость какая-то.

Соломон. Настоящие вещи. Понимаешь, Сереза, если человек даже обо всем догадался, сам все подстроил, свел людей вместе, то никак ничего не получится, хоть ты вроде все учел. А со временем понимаешь, что хорошие вещи нарочно не происходят. Настоящие вещи нарочно не

происходят. Настоящие вещи происходят случайно. Горько, но это так. Бесплезно что-то подстраивать, выстраивать. Просто нет никакого рационального решения. Нет волшебной таблетки, короче говоря, не существует ее.

Сереза. Короче говоря, вот вам ключ.

Соломон. Зачем?

Сереза. А я все равно сегодня к бабке пойду. А вы туда идите.

Соломон. Ты с ума сошел? Она меня вытолкает.

Сереза. Не. Она вас уважает.

Соломон. Ты бы видел, как она меня уважала, когда я приходил на днях.

Сереза. Это она непуганая еще была, а сейчас пуганая.

Соломон. Послушай, человек – не дикий зверь. Если в угол загнать, результаты могут быть вообще непредсказуемые.

Сереза. А вы не загоняйте. Вы повспоминайте что-нибудь приятное. Про школу, например. Может, ей легче станет. Ну, нет волшебной таблетки, ладно, но что-то же есть? Вы ее тогда поддержали после смерти дедушки, поддержите и сейчас. Скажите, что ей на работу надо устроиться...

Соломон. Не понимаю, почему наши люди так не любят услуги профессиональных психологов.

Сереза. А как я ее к психологу, палкой загоню?

Соломон. Ты меня сам сейчас загоняешь. И вообще шантажируешь.

Сереза. Кстати, совсем забыл. Я зарежусь.

Соломон. Слушай, это просто пошлость.

Сереза. Да мне все равно, сделайте что-нибудь.

Соломон *(показывает на руку)*. Это ты в школе подрался?

Сереза. Не переводите тему.

Соломон. Может, тебе школу поменять?

Сереза. Не в школе дело. Меня там никогда не любили особо. Это просто повод. Я с Санькой поцапался, вот и стал хитом дня. Завтра что-то другое придумаю. Какой смысл школу менять, если главное дерьмо дома?

Соломон. Твоя мать взрослая женщина, сама выбирает, как жить.

Сереза. А я тоже там живу. И я не хочу, чтоб в моем доме жили чужие. Жрали из моего холодильника, мусор раскидывали и окурки.

Соломон. Я тоже курю.

Сереза. И что?

Соломон. Имей в виду.

Сереза. Отлично, вы меня поняли.

Соломон. Ключ я не возьму. Я тебя сегодня отпускаю. А матери твоей позвоню и договоримся о встрече.

Сереза. Нельзя ей звонить. Ее надо врасплах застать.

Соломон. От неожиданности одумается? Тебе самому не смешно?

Сереза. Смешно. Счас сдохну от смеха.

Высканивает из кабинета.

Соломон. Сереза! Ключ забыл!

12.

Вечер. Нвртира ЛИДИИ. СОЛОМОН открывает дверь ключом. ЛИДИЯ выходит в прихожую и изумленно останавливается.

Соломон. Я не знаю, зачем пришел.

Лидия. А ты никогда ничего не знаешь.

Соломон. Ключ мне Сереза дал.

Лидия. А то кто же.

Соломон. Ты кого-нибудь ждешь?

Лидия. Сына.

Соломон. Он, похоже, к бабушке собрался.

Лидия. Ты с ним говорил?

Соломон. Говорил.

Лидия. Он не будет больше пить?

Соломон. Ты сама не пей, для начала.

Лидия. И что мне делать предлагаешь?

Соломон. Живи, что.

Лидия. Живи? Мне некуда жить и нечем.

Соломон. Зато есть для кого жить.

Лидия. Для детей? Зачем я им такая?

Соломон. Без надрыва, пожалуйста. Какая-ни-какая...

Лидия. Никакая.

Соломон. Ну так стань «какой».

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон. СОЛОМОН машинально кладет ключ в карман, отвечает на звонок.

Соломон. Да. Да. Нет, не скоро. Паша палец вывихнул. Ну вот так. Да, вместо него. Нет, нельзя. Да, надолго. Я позвоню. Пока. Я позвоню. Пока. *(Сбрасывает.)*

Лидия. Это кто у вас там чего вывихнул?

Соломон. Мы в ресторане тут рядом играем по вечерам, у меня среда обычно. А по вторникам Паша.

Лидия. Палец вывихнул?

Соломон. Палец.

Лидия. А может, всю руку для верности?

Соломон. Может.

Лидия. Так ты беги, подмени его, ты что. Место хорошее потеряете.

Соломон. Лидя, перестань.

Лидия. Зарботок же. Что там в школе-то платят.

Соломон. Перестань.

Лидия. Маму-то на что кормить будешь?

Соломон. Лидя...

Лидия. Ее инвалидность да твоя зарплата... У кого больше, кстати?

У СОЛОМОНА звонит телефон. СОЛОМОН сбрасывает вызов, не отвечая.

Лидия. Это очень жестоко сейчас было.

Соломон. Нормально.

Лидия. Нет, жестоко. Просто ужасно. Иди, вправляй палец Паше своему и возвращайся домой. И позвони пятьсот раз.

Соломон. Думаю, мне стоит остаться.

Лидия. Стоит сначала свои проблемы решить, а потом чужие.

Соломон. Ты не чужая.

Лидия. Давно ли?

Соломон. Всегда.

Лидия. Хм. Ну, давай выпьем, что ли.

Соломон. А ты не в состоянии иначе разговаривать?

Лидия. В состоянии. Просто я злобная.

Соломон. И что ты злобная-то?

Лидия. Ты мало того, что ворвался, так еще и исповеди ждешь.

Соломон. Не жду, я грехи не отпускаю.

Лидия. А их никто не отпустит, кроме меня самой, а я себя не отпущу ни за что.

Соломон. Вот и зря.

Лидия. Пошли, выпьем.

Лидия. Я когда на таком узком пространстве лежу, представляю, что в поезде, на боковой полке.

Соломон. Чучух-чучух.

Лидия. Чучух-чучух. Куда мы едем?

Соломон. Из Парижа в Лондон.

Лидия. Что-то жирно для наших финансов.

Соломон. Наша армия завоевала и Англию, и Францию, и теперь из Парижа в Лондон идут поезда с боковыми полками.

Лидия. Да это ад...

Соломон. Ты бы видела чебуречную на месте Тауэра. «Теперь с воронами!»

Лидия. А знаешь, не в Лондон. Забери меня в Израиль. Ты же хотел уехать. Хочу, чтоб тепло, чтоб хоть немножко тепла. Чтоб деревá в цвету.

Соломон. Ты же помнишь, кем я работаю?

Лидия. Я работать буду. Я же экономист. Заработаю нам...

Соломон. И с мамой уживешься.

Лидия. Ну да, смешно, конечно. Я не изверг, а ждать, пока... а ужиться, нет, не уживусь.

Соломон. Что делать...

Лидия. А ты не хочешь разве, чтоб деревá в цвету?

Соломон. Я хотеть-то хочу еще. Только не думаю, что пригожусь там.

Целует ее, встает, уходит в ванную комнату.

ЛИДИЯ поднимается с дивана, открывает окно, долго смотрит в окно, лезет на подоконник.

СОЛОМОН возвращается.

Соломон (*схватив ее*). Ты чего, ты куда?

Лидия. Смотрю. Там всю ночь под окнами кто-то орал.

Соломон. Я спал.

Лидия. А я плохо сплю. Поэтому лежала и слушала.

Соломон. Чего орал?

Лидия. Искал своих друзей.

Соломон. Он что, реально кричал «Друзья, где вы?».

Лидия. Нет, он кричал «Пидарас, выходи».

Соломон. Ну да. Так друзей не найдешь.

Смеются.

Соломон. Ну, я пошел.

Лидия. Иди.

Соломон. Ты тут нормально?

Лидия. Я тут нормально.

Соломон. Я приду потом.

Лидия. Не надо.

Молчат.

Соломон. Ладно, я пошел.

Лидия. Ты сказал уже.

Соломон. А теперь иду.

СОЛОМОН уходит. ЛИДИЯ приносит из кухни в комнату бутылку вина и станан. Ставит станан на стол, наливает вино, льет через край, не замечая, разливает вино по столу, вино льется на пол, бутылка опустела. ЛИДИЯ вытирает стол руной. Мокрой руной трет лицо.

Стучат в дверь. ЛИДИЯ неподвижно стоит у стола. В дверь продолжают стучать. ЛИДИЯ с мокрым лицом отправляется открывать дверь.

В комнату входит СЕРЕЖА со школьным рюкзаком. Смотрит на разгром, на ЛИДИЮ.

Сереза (*ухмыляясь*). Мам. Я креститься хочу.

Лидия. А зачем?

Сереза. А какая разница?

Лидия. Вот именно, что никакой.

ЛИДИЯ уходит в ванную. СЕРЕЖА методично прибирается: вытирает со стола, вытряхивает пепельницу, выбрасывает бутылку.

Входит запыхавшаяся ЛАРИСА со школьным рюкзаком.

Лариса. Ну что тут?

Сереза. Что он сказал?

Лариса. Ничего.

Серена. И так все ясно. Не надо было за ним бежать.

Лариса. Я почти до разезда добежала.
Он даже не обернулся.

Серена. А я что говорил?

Лариса. Мы рано вернулись. Надо было сначала в школу.

Серена. Никакой разницы.

СЕРЕНА находит на столе нож.
ЛАРИСА, увидев это, молча ни-
дается отнимать. Борьба. СЕРЕНА
отпихивает ЛАРИСУ в угол.

Лариса. Мама!

Лидия (*из ванной*). Я в туалете!

Серена. Тихо.

Лариса. Мама, он нож взял!

Лидия. Я тебя не слышу, скажи потом!

СЕРЕНА сидит на диване, смотрит
на нож.

Лариса (*тихо*). Серечка, отдай. Серечка,
отдай, пожалуйста.

Серена. Успокойся.

Слышно, как ЛИДИЯ выходит из
ванной и отправляется на кухню.
ЛАРИСА пытается встать, ноги
у нее дрожат.

Лидия (*голос*). Идите поешьте перед школой.

Серена. Счас.

Лидия. Ты играл сегодня?

Серена. Когда бы?

Лидия. Зря, что ли, бабушке пианино ста-
вили?

Серена. Оно расстроенное.

Лидия. Да?

Серена. Ага. В хлам. Наше тоже, кстати, не
очень.

Лидия. Надо настройщика звать.

Серена. Ага. Надо.

Подходит к фортепиано, открывает
крышку, смотрит на клавиши, потом
начинает с размаху тыкать в клави-
ши ножом.

Лидия. Ты что там?

Серена. Проверяю.

Лидия. Еще больше расстройшь.

Серена. Еще больше.

Стоит возле фортепиано с ножом
в руках.

ЛИДИЯ появляется в дверях, смо-
трит на разоренное фортепиано.
Подходит к СЕРЕЖЕ, обнимает его
сзади.

Лидия. Сыграй мне что-нибудь.

15 (финал-2).

Квартира СОЛОМОНА. Кровать
у окна, рядом инвалидная коляска,
на ней висит пиджак, на кровати
с закрытыми глазами лежит НЛАРА
ХАИМОВНА. Входит СОЛОМОН.

Соломон. Извини, что так долго...

НЛАРА ХАИМОВНА не отвечает, ле-
жит неподвижно. СОЛОМОН подхо-
дит, приглядывается.

Соломон. Мам! (*Трясет ее.*)

Нлара Хаимовна (*открыв глаза*). Хлеба хоть
взял?

Соломон. Господи, ты что так пугаешь? Ты что
лежишь без движения?

Нлара Хаимовна. Я специально.

Соломон. Специально?

Нлара Хаимовна. Если я пошевелюсь, я лопну.

Соломон. Давай в коляску.

Нлара Хаимовна. Лучше утку.

Соломон. А что так?

Нлара Хаимовна. А я что-то ослабела. Перенерв-
ничала.

Соломон. Начинается.

Нлара Хаимовна. Боюсь, не донесу.

Соломон. А я тебе говорил – памперс надо.

Нлара Хаимовна. Памперсы. Куда как мило. Я, зна-
чит, буду тут в памперсах лежать,
вся такая красивая, а ты будешь
где-то бегать?

Соломон. Давление давай смеряем.

Нлара Хаимовна. Потом давление, я не завтрака-
ла. Хлеба почему не взял?

Соломон. Да я даже без карточки вышел.

Нлара Хаимовна. Пустая твоя голова...

Соломон. А что я мог, кто ж знал, что Пашка палец, ээм-эээм, руку повредит?
Нлара Хаимовна. Подменил бы кто-нибудь другой. Не вытурили бы!

Соломон. Вытурили. Там много кто играть хочет, место хорошее, по выходным так вообще битком, и по будням нормально. Мне нельзя терять, сама знаешь, на одну зарплату мы с тобой не проживем.

Нлара Хаимовна. А как ты играешь в ресторане, так мы прямо в золоте купаемся.

Соломон. Перестань, пожалуйста.

Нлара Хаимовна. Чтоб больше этого не было. Ты не лабух, по ресторанам играть. Найди себе что-нибудь другое.

Соломон. Что? Что – другое? И как я искать буду, бегать? И когда?

Нлара Хаимовна. Опять я тебе мешаю, надо полагать?

СОЛОМОН роется в карманах пиджака, висящего на спинке коляски, вытаскивает бумажник, кладет в карман куртки. Из кармана куртки выпадает ключ. СОЛОМОН поднимает ключ, долго смотрит на него.

Соломон. Так, я за хлебом.

Нлара Хаимовна. А утка?

Соломон. И за уткой.

Нлара Хаимовна. Очень смешно. Куда!

СОЛОМОН порывается уйти, потом возвращается, вынимает из-под кровати утку. НЛАРА ХАИМОВНА вцепляется в его руку.

Нлара Хаимовна. Ты мне скажи, куда ты идешь? Куда ты идешь?

Соломон (*вырвавшись*). За хлебом я! За хлебом!

СОЛОМОН быстро выходит.

Нлара Хаимовна. Черт знает что.

Ловно перебирается в коляску, унатывается на кухню.

16.

СОЛОМОН выходит из дома, сначала идет, потом почти бежит, потом бежит очень быстро.

Занавес

ЗОИЛ

ПРЕОДОЛЕТЬ ТРАВМУ

КРИСТИНА ГЕПТИНГ.

«ПЛЮС ЖИЗНЬ» (LIKE BOOK, 2019),

«СЕСТРЕНКА» («ЭКСМО», 2019)

АННА БАРДИНА

Родилась в Великом Новгороде в 1993 году, студентка кафедры журналистики Новгородского университета. Работает PR-менеджером.

Увлечение современностью, актуальными социальными проблемами у разных писателей выглядит по-разному: Михаила Тарновского интересует судьба сельского учителя, процесс сближения и примирения городской и деревенской жизни, Анна Старобинец в безжалостном прямом высказывании переосмысляет то, что, кажется, никогда не изменится, — форму общения государства и человека, попавшего в беду. Из безвременья выходит наша страна в романе Бориса Екимова «Осень в Задонье», герои Марии Нондратовой путаются в сигнальных путях донбасской войны, пытаются сохранить семейные, любовные, дружеские связи; молодой неудачливый стендап-номин из романа Антона Сенисова «Реконструкция» хочет справиться с взрослением, обживая спальные районы большого города. Время плохо поддается заморозке, никогда не знаешь, что из него может получиться — компот, бульон, «Война и мир» или «Двенадцать стульев». Мы читаем о времени Андрея Платонова, Валентина Катаева, Леонида Леонова и думаем: достойна ли наша эпоха твердого переплета или хотя бы безличной гиперссылки?

На одном из выступлений, посвященных современному литературному процессу, Алан Варламов дал ему емкую характеристику: краткий период увлечения историей преодолен сильными, молодыми, небезразличными авторами, которые не боятся работать с актуальным и болезненным. Нсения Бунша, Евгения Некрасова, Саша Филипенко, Анна Нозлова, Дмитрий Захаров, Павел Селунов — вот лишь несколько ярких имен. Борьба с незаконными мусорными свалками, политическая конкуренция и уличные митинги, жизнь неблагополучных семей, детских домов и городских окраин — все это не просто картинка для привлечения внимания, но живая ткань сюжета, без которой герои лишились бы собственного голоса, потерялись в складках трех постсоветских десятилетий.

Несколько болевых точек исследует Кристина Гептинг в дебютной повести «Плюс жизнь», получившей главный приз премии «Лицей» в 2017 году.

Автор рисует безжалостную к современности картину: в небольшом провинциальном городе на северо-западе страны живет восемнадцатилетний Лев Спирин, с рождения он болен ВИЧ по вине незадачливой матери: «Много о себе думала, вот и получила». Мальчина воспитывала по-санаевски вдохновенная бабушка: «Мое детство — оно с запахом хлора. Бабушка мыла с хлоркой все, к чему я принасался». Она — символ всего косного, крикливого, взрослого, советского. Менту стать хирургом из-за болезни воплотить не получается, и мальчик работает в морге. В один из дней герой встречает неопишемую Арину, они начинают жить вместе. По случайности он заболевает туберкулезом и попадает в больницу, Арина и Лев расстанутся. Так что в этом безжалостного? Стандартная история болезненного взросления по типу Холдена Колфилда развивается на фоне борьбы с ВИЧ — и борется с ним не сам Лев, а его семья, друзья, знакомые и общество в целом, отрицая и саму болезнь, и героя как ее жертву. Нонфликтный период роста, узнавания нового, испытания мира на прочность, где вирус иммунодефицита человека — это формальный предлог.

Первая любовь и первое разочарование в любви, потеря друзей, острые и неопределенные чувства к погибшей матери — Лев не может разрешить себе быть нормальным, он недостоин счастья. Зато он может быть ироничным и смешливым: Кристина Гептинг по-журналистски метко фиксирует социальные типы и образы, чтобы мальчик мог вдоволь поупражняться в остроумии. Дамы из бесконечных отделов кадров, сердобольные в меру, библиотечарши с неопределенным семейным положением, которые делятся кулинарными рецептиками в «Одноклассниках», феминистки, ненавидящие защитников животных, назойливые веганы-противники ВИЧ-положительных, все смешалось. Автор безжалостно толкает героя в жизнь и, чего уж скрывать, в не самый прекрасный ее извод. Но Лев справляется: прощает мать, принимает свой «плюс»,

переезжает в Калининград. После финальных титров мы понимаем, что не студент Лев Спирин 1997 года рождения требует срочной интенсивной терапии, а общество, мы: часто агрессивные, глухие, безразличные. Другое дело, смогут ли справиться с этой задачей 187 страниц повести.

С Джудом Ханьи Янагихары или Оскаром Джонатана Сафрана Фоеера себя сравнивать страшно: Гептинг делает все, чтобы сократить расстояние между своими героями и читателем, когда «недописывает» образ врачихи, надевающей двое перчаток перед осмотром Льва, или директора летнего лагеря, вернувшего очередного «вичушника» домой из-за протестов родителей здоровых детей. Кто вы на этой фотографии?

Если «Плюс жизнь» — это повесть-воспитание, то «Сестренка» — это роман-терапия, посвященный еще более актуальному и травматичному вопросу. На обложке книги Ольга Брейнингер коварно обещает острую «социалочку», поход в сторону движения #MeToo, но это только полбеды. Кристина Гептинг не пытается перевоспитать очередного Раскольникова и поставить перед ним вопрос о твари дрожащей, она обращается к жертве: имеешь ли ты право говорить, ненавидеть, мстить своему палачу? Здесь грань, отделяющая художественное от реального, еще тоньше, она условна, отсюда и упреки в сериальности, натуралистичности, поверхностности, но вряд ли Netflix или «СТС» это по зубам.

По традиции, история развивается в пространстве социального: героев окружают многочисленные знакомые, родственники, общественные институты — армия, церковь, больницы, депутатские советы. Все в неприглядных серых тонах, а как иначе, если отец пьет и бьет безответную мать, старший брат шпынует, а школа она и есть школа, ужасное место. А в тринадцать лет Юлю, главную жертву, насилует брат Юра. Почему это произошло, кто виноват? Ответ есть, но проблема в том, что одной версии недостаточно: по очереди Гептинг дает высказаться родителям, жертве, насильнику, далекой бабушке с фиолетовыми волосами. Фабульная композиция как в детективе, только внимание приковано не к виновному, а к причине, но всем причинам.

Через десятилетие, когда семья собирается за новогодним столом, Юля объявляет о произошедшем, а после пишет исповедальный пост в инстаграме на миллионную аудиторию, ведь она успешный фитнес-тренер и блогер. Это не освоение целины, не электрификация всей страны, не защита Байкала и стройка БАМа — блогер в инстаграме как герой нашего времени, очередной шок-контент с картинкой в фейсбучной ленте с комментариями «сама виновата», «ничего себе жертва», «я б ей вдул». Изживание боли — та терапия, на которую работает проза Кристины Гептинг, она если и не исключает аспект художественного, то сильно его ограничивает. Под горячую руку попали все: в армии сплошь насильники, церковь — неграмотные старики, бьющие поклоны в пустоту, алчные врачихи с грубыми большими руками, досталось даже щам — и те в тарелке какие-то серые. Все виноваты, всем должно быть больно.

Уйти, только так можно преодолеть травму: мать уходит в монастырь, отец имитирует безумие, чтобы не сойти с ума по-настоящему, фиолетовая бабушка умирает, невыездной брат растворяется в складках безымянной местности, а Юля просто живет дальше. Герои едва смогли проявиться, так они торопились жить: немного картонные, потертые на сгибах от частого использования. Кажется, будто они смотрят на нас с семейного портрета, с фотографий, на которых нас отметили, из очереди в поликлинику или магазине. Кристина Гептинг бьет по самым больным местам, но не торопится искать крайнего: проза в широком смысле исследует травмы общества и в нем же находит необходимые для преодоления проблемы антитела.

АРХЕТИП ВОЙНЫ

КОНСТАНТИН КУПРИЯНОВ.
«ЖЕЛАНИЕ ИСЧЕЗНУТЬ» («АСТ», 2019)

О донбасской войне написаны романы и стихи. Литература следует за жизнью, повторяет ее, по-новому осмысляет в образах и сюжетах. Первой реагирует безотказная публицистика — эмоциональная, бескомпромиссная, сиюминутная. Сборники репортажей и статей Эдуарда Лимонова, Марины Ахмедовой, Семена Пегова, Аглаи Топоровой, Ильи Барабанова и других свидетелей рождения новой войны переполнены фантами, историями и деталями, которые важно было немедленно зафиксировать, обдумать. За шесть лет бурный поток событий успел смыть их, как и почти всех героев тех ярких передовиц.

В 2015 году в издательстве «Лимбус Пресс» вышли очерки Яны Нович о жизни прифронтового города Енакиеве: жизнь под бомбами, разговоры соседей в бомбоубежищах, много военного юмора и надежды. «Донбасский дневник» — это рефлексия человека, панельного дома, раскуроченных минометным обстрелом детской площадки и насосной станции, маленького цветущего украинского городка, который случайно попался большой истории на глаза. Все парадоксы гражданской войны, когда свои поневоле стали чужими, когда вражеские позиции находятся в ближайшем селе, как если бы станции метро «ЦСКА» и «Лухмановская» считали входящие и исходящие. Позже в серии «Проза военных лет» издательства «Энсмо» вышел роман Марии Лабыч «Суна», взгляд на войну с другой стороны. Украинская активистка Дана Бойко с детства травмирована психически, девушка считает себя собакой, хваткой и сильной. Сначала кажется, что война ей к лицу: уставные отношения и обезличенный враг, все просто. Она приезжает в Донбасс и там на позициях в Песках навсегда теряет себя, встречаясь с ненавистью местных жителей и предательством военного командования, погибает в одиночестве, ничья дочь, ничья жертва.

Жертвам войны посвящен роман Константина Куприянова «Желание исчезнуть», за который автор получил премию «Лицей» в 2018 году.

На Юго-Востоке неназванной страны опять подул сильный северный ветер: во время активных боев за Одессу был ранен полевой командир Нузьма. Он оставляет руины города, чтобы вернуться домой в поселок Нрай под Новороссийском, приглядеть за дочерью-подростком и, если получится, зажить довоенной жизнью. Здесь героя встречает первый мирный конфликт — семейный: жена Галина умерла два года назад, тесть стар и не справляется с внучкой, Полина, отвыкшая от отца за четыре долгих и трудных года, его не принимает. Да и поселок уже не тот: напарник продал чужакам доходный шалман на набережной, соседи и знакомые смотрят недобро, иногда с усмешкой. Нузьму мучает несправедливость — тихая и благополучная родина их забыла: «Мы на стороне России встали против зла, понимаешь? И все об этом знали. А пока шла война — забыли! Потому что стало меньше новостей. А гробов-то меньше не стало».

А поводов для гордости и обиды у Нузьмы множество: одним из первых 13 апреля 2014 года в составе отряда Целелова он прибыл в Одессу, сначала оборонял, а потом захватывал знаменитый вонзал, чудом спасся из Херсонского котла, получил «Звезду Героя» и медаль «За отвагу». «Все вокруг требовало починки, а он будто уехал обратно на фронт». Вскоре «в» или «на» Нрай приезжают его боевые товарищи из батальона «Смерч» — и история начинается с начала: бывшие сослуживцы собираются по вечерам, обсуждают планы, создают отряд, закупают оружие и боеприпасы, чтобы навести в селе порядок: «Я устраиваю беспредел?! Я порядок навожу! В родном поселке, где все просрало! Уезжал — было цветущее место, а сейчас?! Понастроили невесть чего на набережной, грязь, мусор, черти, цыгане...» В стороне от праведных разборок остался Артем Стрельцов, молодой снайпер, который потерял на войне любимую девушку Марину, ее запытали как наводчицу. Призран

Есть в «Желании исчезнуть» нарочитые «московские снобы», которые или пытаются разобраться в природе конфликта, или давно все уже о ней поняли.

Марины, словно навязчивая и больная мысль, не оставляет Артема, эхом горя, любви и войны она мучит его сознание, умоляет отомстить за себя. Артем то ли сопротивляется, то ли ждет подходящего времени.

В одном из интервью Константин Нуприянов рассказал, что два героя романа частично выражают его мнение о конфликте и в целом о войне как вневременной категории. Есть в «Желании исчезнуть» нарочитые «московские снобы», которые или пытаются разобраться в природе конфликта, или давно все уже о ней поняли. В первой половине романа мы знакомимся со столичной журналисткой Натей, которая пишет то ли кандидатскую работу, то ли книгу об участниках гражданской войны. Она живо интересуется фактами, именами, деталями военных событий. Иногда кажется, что Натея нашла безопасный способ пережить войну вдали от настоящего фронта, даже помогает Артему, герою одного из ее интервью, убить человека — как наводчица. И все же молодость, образование, неприятие насилия героини нужны Нуприянову, чтобы кто-то мог свободно негодовать, удивляться и раздавать эмоциональные характеристики окружающим убийцам: «Война одной лжи против другой, вот и все, — намного спокойнее повторила Натея, — посреди пустоты. Нет новостей — нет войны. И вот посреди этой пустоты — только ложь, ложь, ложь... И героями делают тех... я не знаю. Тех, кто лжет и убивает лучше!» Столичные дамочки, они такие.

Но не только московскими редакциями жив человек, на краю поселка гостит и работает модный художник с былинно-архаичным псевдонимом Нестор, главный антагонист Нузумы. Свободный от милитаристских предрассудков, гордый гений и интеллигент, оперирующий образами мужской любви. Кажется, у Нестора нет изъянов, он правильный и последовательный, как брошюра о вреде курения: «Наждый воюет. Иногда за себя, чаще — за флаг местности, в которой родился или которая платит больше. Я написал картину о том, что есть надежда одолеть войну, а значит, превозмочь человеческую природу». Однако и он не удерживает Нузуму от геенны огненной, и в Край наконец приходит грязная и суетливая война.

Автор не старается слишком загрузить читателя двойными смыслами и сложными аллюзиями, не заставляет искать намеков, разгадывать философские загадки. Герои говорят и действуют открыто, у каждого своя незатейливая роль: молодой снайпер с позывным Профессор мстит, Натея ищет однозначную и классово верную правду, попутно напоминая окружающим об их страшных преступлениях, Нестор снисходительно поучает голытьбу в растянутых тренингах. Нузуме пришлось сложнее: начиная с первых сцен в купе поезда, где он сплевывает на пол, пристает к попут-

чинам; когда дарит дочери трофейные украшения, снятые с бог знает кого, и заканчивая практически духовным перерождением, внезапной апатией и новым витком безумия в финале романа. Мысль автора раскручивает этот волчок раз за разом, Нузьма едва успевает вписываться в сюжетные повороты. От brutального отца-командира, комиссованного по ранению, до трепещущего ценителя абстрактного искусства; от сильного и безжалостного воина — до погромщика овощных палаток. А ведь герою только 40 лет.

Архетип войны, который Константин Куприянов вывел на основе конфликта в Донбассе, не имеет светлых сторон. Бывшие ополченцы пересказывают известные байки, обмениваются на собраниях скучными и неживыми, как вареные макаронины, фразами, сама экспозиция военных событий получилась небрежной и схематичной. Герои бросаются друг в друга вульгарными лозунгами, будто на ток-шоу. В них нет ни жизни, ни вдохновения. Автор не только не доверяет своим героям, когда те делятся нутряным и сокровенным, он к ним холоден, наблюдает за этой баней с клопами отстраненно. Что спрятано за этим нагромождением героев-формул и сюжетов-схем? В войне побеждает одна из неправд. Война — потеря человеком человечности, а с ней: нежности, любви, радости, чувственности, теплоты, всего, что называется бессмертной душой.

СЛОВО, КОТОРОЕ НЕ ВРЕТ

ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ

Родился в 1966 году. Прозаин, поэт, переводчик. По образованию инженер-геологоразведчик, кандидат технических наук. Живет и работает в Донецке. Автор 28 книг, выходивших в разное время в издательствах «Нрылов», «Астрель» (Санкт-Петербург), «АСТ», «Энсмо» (Москва),

«Шино» (Луганск, Севастополь). Лауреат премии «Лунная радуга» в области литературы (2014). Навалер ордена им. Ф.М. Достоевского 1-й степени. Член Союза писателей Донецкой Народной Республики. Член Союза писателей России.

Я никогда не писал рецензии на сборники поэзии. Дело неблагодарное. Поэты публикуются много, их тексты разнообразны — и по уровню, и по аудитории. У каждого текста найдется свой читатель, который заранее любые рассуждения о полюбившейся книге воспримет в штыки. Но появление книги «Остров» Анны Ревякиной нельзя обойти молчанием по причине, которую я попробую объяснить ниже.

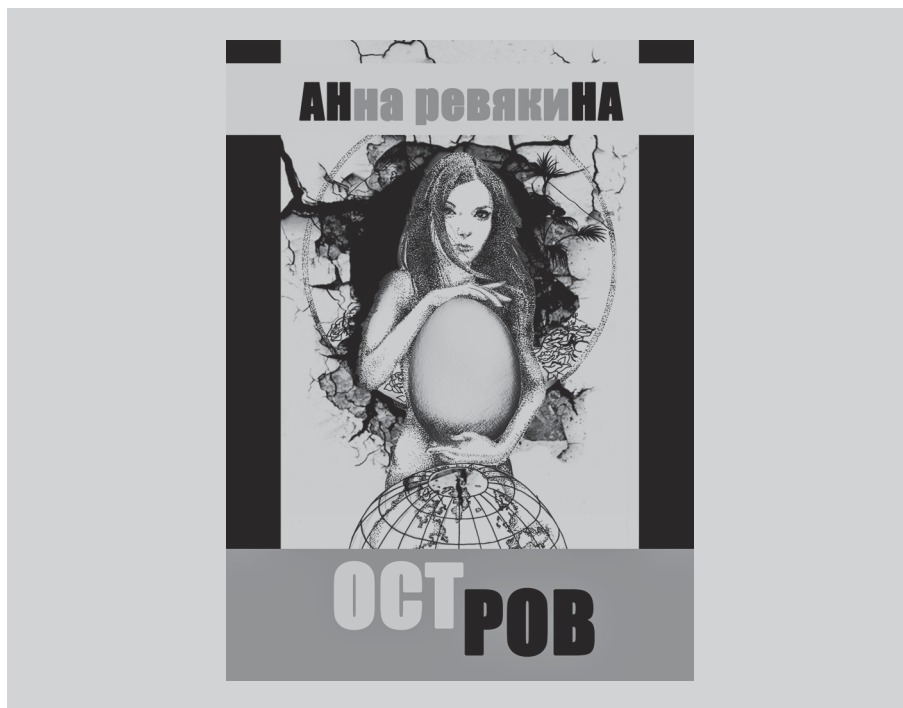
Для начала хотелось бы несколько слов сказать о поэзии вообще. О современной, естественно, поскольку проверенные годами тексты прошлых десятилетий и даже прошлых веков трогать с позиции нашего времени не годится. Они, как жена Цезаря, вне подозрений.

Разговор о современных поэтах и их творчестве не будет самоцелью, он поможет понять, какое же положение в современном литературном процессе русскоязычного пространства занимают стихи Анны Ревякиной.

Итак...

Для себя я выделяю три вида современной поэзии. Сразу должен заметить: я не литературовед, скорее, натуралист, наблюдающий за поэтами в естественной среде их обитания. Волей-неволей приходится как-то обобщать, систематизировать и делать определенные выводы.

Первый вид поэзии я назвал бы поэзией «на потребителя». Когда-то существовало такое понятие, как социальный заказ. Ну, то есть, обществу или социуму, а попросту людям, нужны определенные стихи. Поэты — кто по наитию, кто осознанно — этот заказ берутся выполнять. Хороший пример подобного рода поэзии — эстрада, вернее, тексты песен, где очень редко встретишь нечто, в самом деле интересное с литературной точки зрения, но зато слова легко запоминаются и расставлены таким образом, чтобы понравиться максимальному числу слушателей. Но совсем не обязательно поэзия «на потребителя» служит развлечению. В эпоху социальных потрясений — войн, сломов общественного

строю, кризисов и дефолтов — люди начинают писать стихи. При этом не слишком задумываются, переходит ли количество в качество. И оно, как правило, не переходит. Тем не менее наблюдается определенный феномен. Даже самые простенькие и малограмотные стихи, снаjem, о войне, пользуются популярностью. Их переписывают в тетрадки, их с удовольствием слушают и в тылу, и на передовой, их учат дети. Борются с этим явлением бессмысленно, да и несправедливо. Все равно ведь жизнь расставит приоритеты по своим местам, пройдет десять-двадцать лет — и в людской памяти останутся истинные произведения искусства, которые выкристаллизуются из насыщенного раствора общей поэзии.

Второй вид поэзии я условно называю салонной. В отличие от предыдущего типа, она тяготеет к чеканным строкам, оригинальным рифмам, классическим или, наоборот, новаторским формам. Она использует смелые метафоры, звучные аллитерации, пишет словами картину, как художник пишет кистью на холсте. Эти стихи нельзя прочесть на митинге или во Дворце культуры поселка городского типа. Не поймут. Обидятся. Осудят. Заклеймят презрением. Да и зачем? Они не сиюминутны, не претендуют на злободневность. Напротив, они заявляют о своем намерении пополнить копилку русской, а то и мировой литературы, стать заметной вехой и войти, не побоюсь этого слова, в анналы. Их печатают в толстых литературных журналах. Их читают на поэтических вечерах с довольно ограниченным количеством посетителей, способных понять и оценить труд поэта, широко известного в узких кругах.

Но есть и третий вид поэзии.

Придумывать для него отдельное название — дело пустое и бессмысленное, ибо оно придумано уже давно. Это и есть настоящая поэзия. Или даже так — Поэзия. Она удивительным образом объединяет простоту и сложность, вычурность и доступность, новаторство и традиционализм.

Она поднупает искренностью, берет за душу, проникает в сознание и задерживается там если не навсегда, то на долгий срок. Прочитанная остается послевкусием на языке. Она равно уместна и в литературном салоне, где оценивают красоту метафор и оригинальность рифм, и в блин-даже или бомбоубежище, перед слушателями, для которых главным мерилom любого литературного произведения является искренность.

И чему я, собственно, веду?

Открывая поэтический сборник Анны Ревякиной, читатель должен быть готов к тому, что встретится с Поэзией. С первого же стихотворения его захватит прихотливая фантазия, помноженная на отточенное мастерство. Захватит и не отпустит до тех пор, пока он не перелистнет последнюю страницу и с недоумением уставится на чисто-белый форзац — как, уже закончилось? Не переживай, читатель, будут еще книги. Лучше вернись и перечти полюбившиеся строки из этой. Она того стоит...

*Сама не знаю, как я их пишу
как будто и дышу, и не дышу,
и буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
предать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.*

«Остров» насыщен. Литературный текст в нем плотен. Это не остров Робинзона Крузо, где можно наматывать бесконечные круги, но так и не встретить братьев по разуму. Это, скорее, остров Погибших Нораблей из книги Александра Беляева, поскольку насыщен и даже перенасыщен обитателями. Они теснятся, часто толкаются локтями и ведут с читателем беседы — иногда долгие, иногда не очень. Ровно такие, какие позволила им хозяйка и повелительница «Острова», которая тоже разговаривает с читателем, как через образы лирических героев, так и авторским голосом.

*Мы уходим в осень и в комендантский час,
в бесконечные стрельбы, в длинные разговоры.
Мы уходим в беззвучный — одними губами — джаз.
Мы уходим в город.*

Для него как, не знаю, но для меня не секрет, что авторский стиль Анны Ревякиной, будучи самобытным и художественным до 2014 года, за время войны в Донбассе стал филигранным, обрел кинжальную остроту и алмазный блеск. И сама она прошла путь от «девочки-не-ходи-через-площадь-Ленина-в-одиночку» до автора «Шахтерской дочери» — поэмы, которая стала нвинтэссенцией стихотворного слова о войне в Донбассе. Появились совершенно новые образы и метафоры. Появилась документальная точность в описаниях, помноженная на тонкую лиричность и проникновенность.

*Мы — певцы этих мест,
мы несем то ли крест, то ли шест,
чтоб взлететь.
Чтобы в небе чертить полосу,
не доступную ни подошве, ни колесу.*

Лирические герои Анны Ревякиной оживают и сходят со страниц, испещренных буквами и знаками препинания, чтобы уйти в жаркое

донецкое лето 2014-го или сырую по-осеннему зиму 2015-го. А может быть, наоборот, они шагают с площадей и бульваров чернокаменного города До, как она называет свой родной Донецк, в тексты и остаются там жить, соседствуя друг с другом? И сам город вползает в книгу, перетекает в нее из окружающей нас реальности, чтобы стать другой реальностью — поэтической, немного вычурной, но жесткой и правдивой.

*Вези меня, моя белая-белая скорая,
по желтому городу, пропахшему порохом,
жженной листвой, войной.
Вези меня по прямой,
прямохонько в рай окраин,
куда не идут трамваи,
где вместо дверей проемы
где в каждом окне окоемы
и души чисты,
словно только спустились с небес.*

Этот город, сам того не ожидая, стал столицей фронта. И Анна Ревякина, «невозможно странная девочка из Донецка», зовет читателей пожить в нем немного, ощутить его дух, его волю и его горе.

Да, справедливости ради стоит отметить, что в книге «Остров», помимо «донецких» текстов, есть и другие, не менее сильные и не менее важные. В нем царит Слово, русское слово. Слово, которое не врет, потому что нельзя врать, находясь на таком уровне эмоционального подъема.

И потому Анну следует читать. Читать, проникаться и насыщаться текстами, которые не врут.

COMPANY BY ANA4220

ВАСИЛИЙ
НАЦЕНТОВ,
СТР. 15

